

Елена Рахлианина

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Я тебя
НЕНАВИЖУ

Елена Рахманина

Я тебя ненавижу

Серия «Ненавидеть любя», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67932219

SelfPub; 2022

Аннотация

Один неверный поступок мог поставить крест на спортивной карьере перспективной гимнастки Алены Комар в тот злополучный день, когда она попала под машину богатого мальчика, не знавшего ни в чём отказа.

Он олицетворение всего, что она ненавидит: богатый, праздный, получавший всё по щелчку пальцев и, ко всему прочему, лишивший Алёну самого ценного – надежды на золотую олимпийскую медаль.

Клим не верил в любовь, пока не встретил девушку, которая желала ему испытать все муки ада, полностью игнорируя его присутствие в своей жизни. Он не был уверен, способна ли она полюбить его сильнее спорта, пока однажды не получил ответ на этот вопрос...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Алёна	4
2. Клим	14
3. Алёна	26
4. Клим	33
5. Алёна	43
6. Клим	54
7. Алёна	69
8. Клим	84
9. Алёна	95
10. Клим	125
11. Алёна	131
12. Клим	168
13. Алёна	183
14. Клим	208
15. Алёна	224
16. Клим	244
18. Алёна	258
19. Клим	280
20. Алёна	291
21. Клим	315
22. Алёна	322

Елена Рахманина

Я тебя ненавижу

1. Алёна

Солнечный свет слепил глаза, прохладный утренний ветер дул в спину, и мои рыжие волосы норовили залететь то в рот, то в нос, то били по щекам, пока я, казалось, со скоростью света несусь на лонгборде на тренировочную базу.

А я ведь терпеть не могла приходить не вовремя. Опоздания – это вообще не про меня. Слишком дисциплинированная, слишком мотивированная и видящая цель. А когда ты знаешь, чего хочешь больше всего на свете, ничто не способно тебя остановить. И у меня было лишь две мечты – получить олимпийское золото и поступить на журфак. Только вторая мечта была лишь серой тенью первой.

Последние дни обучения в школе, впереди три летних месяца, подготовка к поступлению в институт и одновременно соревнованиям по спортивной гимнастике. Дни я проводила за активными тренировками, отрабатывая свою суровую программу по сорок и более часов в неделю, а в драгоценные ночные часы, вместо того чтобы тратить их на восстановление и сон, я штудировала учебники, чтобы поступить в выбранный мной вуз. От товарищей по команде я постоянно

слышала, что стоит подождать год-другой с поступлением в университет, так, как это сделали они. Но я не хотела с этим затягивать, понимая, что чем дальше, тем будет сложнее себя заставить учиться. А будучи спортсменкой, я яро верила в свои силы и возможности. Да и что такое три часа сна для девушки, которая умеет ходить на руках?

В отличие от меня, большинство спортсменов если и поступали куда-то, то выбирали факультеты физической культуры и спорта. Спортивные гимнасты редко заглядывали в школу, уровень знаний не позволял поступить в институт, и после окончания спортивной карьеры бывшие атлеты становились всего лишь отработанным материалом, который можно выбросить на свалку и забыть.

Бабушка была против того, чтобы я занималась этим агрессивным видом спорта, она ужасно переживала за меня, зная, какие травмы часто получали другие спортсменки. Порой наши споры о необходимости продолжения моей спортивной карьеры приводили к тому, что я несколько дней с ней не разговаривала, дулась и обижалась. Она твердила из раза в раз о том, что после, даже когда я достигну своей мечты и повешу её рядом с другими медалями, у меня не останется ничего. Ни воспоминаний о юности, ни образования, ни здоровья. Хитростью бабушки я пошла на сделку с ней. Она пообещала прекратить попытки уговорить бросить меня спорт и сделать всё, чтобы мне помочь. А я должна поддерживать среднюю оценку хотя бы на уровне «хорошо». Благо

учеба мне давалась не так уж и сложно, несмотря на то, что в школе я появлялась лишь в дни экзаменов, в остальное время занимаясь дистанционно.

Стараниями бабушки я посвящала учёбе всё свободное время. Казалось, у меня было множество поводов гордиться собой, ведь я, одна из немногих на спортивной базе, где проходили мои тренировки, состояла в сборной России по спортивной гимнастике, я та самая девушка, которая слышит за своей спиной восторженные отзывы тренеров о моих выдающихся природных данных, о том, что моё тело, хоть и не мышечное, но необыкновенно пластичное и сильное. От похвалы и восторженных отзывов прессы и болельщиков за моими плечами вырастали крылья.

Но мои спортивные достижения всегда воспринимались как данность. Я много работала и только поэтому много получала, правда, такое осознание приходило лишь в конце, когда на шею вешали медали. До того момента, как на табло высвечивались баллы, я не знала, окажусь ли в очередной раз лучшей, либо на моё место придёт другая девочка, более одарённая, более сильная, более работоспособная. Не смотрела, как выступают другие, ни до, ни после того, как заходила на помост.

Оборотной стороной медали было то, что у меня почти не было друзей. Товарищи по базе, где я готовилась, меня, мягко говоря, недолюбливали, а потому я старалась от них дистанцироваться. Нет, я не относилась к тем достигшим опре-

делённых успехов спортсменам, которые лишь по этому основанию ставят себя выше и лучше других, а потому у них возникает надуманное представление о том, что все окружающие испытывают к ним негатив, приправленный чёрной завистью.

Раз за разом мне делали подлянки, то вместо разрешённых допинг комитетом лекарств в моей аптечке неожиданно оказывались запрещённые препараты, несколько раз их подсовывали в мой шкафчик, неоднократно портили снаряд перед началом тренировки или выступления, что могло быть чревато не простыми переломами, а смертельным исходом, и лишь чудом не случалось ни того, ни другого. А сколько раз члены мужской команды делали ставки на то, кто быстрее из них лишит меня девственности, просто не счесть. В ход шли ухаживания, цветы и подарки, признания в любви и иных пламенных чувствах, более самоуверенные зажимали меня по углам, пытались пробраться в мою комнату на соревнованиях или сборах, подговаривали моих соседок, чтобы нас оставляли наедине. Стоит ли говорить, что после этого я обходила их стороной и казалась совсем нелюдимой?

Но мне и не нужны были тут друзья, мои желания сейчас были направлены в другую сторону. Я не развлекалась, не ходила в ночные клубы, не встречалась с парнями. Мне всё это было не интересно, пресно и скучно. Поэтому я никогда не понимала метаний девочек-гимнасток, которые хотели покинуть тренировочную базу и пойти веселиться. Для

меня это было не просто недопустимо, а немыслимо!

В детстве я всегда была плаксой, довести меня до слёз буквально ничего не стоило. Я плакала от бессилия, когда что-то не удавалось, либо я падала, сильно ударяясь, плакала, когда другие ребята, заметив, что у меня никого нет кроме сестры и бабушки, называли меня сироткой или спрашивали, куда делись мои родители, а у меня от одних воспоминаний о них наворачивались слёзы и я начинала захлёбываться рыданиями. Такое мое поведение не ускользнуло от тренера, она всегда кричала на девочек, стоило им показать слабинку. С возрастом я поняла, что меня она сильно жалела и выделяла среди других не только из-за моих природных данных, но и потому что понимала, что, если создатель где-то и дал мне больше, чем другим, плату за это выставил слишком высокую, забрав так рано маму. Девочки её ревновали ко мне, не понимая, что она пытается хотя бы каким-то образом компенсировать мне отсутствие родителей, при том, что именно тренер проводила со мной больше всего времени.

В один из тех дней, когда у меня всё валилось из рук, а элементы не получались, что вызывало во мне слёзы обиды, причём на саму себя, тренер, строго посмотрев на меня, попросила пройти с ней в тренерскую:

– Алёна, сядь.

Я села, испугавшись, не понимая до конца, что происходит.

– Ты одна из лучших моих учениц, но ты не умеешь се-

бя контролировать. А дисциплина и самообладание – это то, без чего ты будешь хорошей гимнасткой, но великой не станешь никогда. Научись себя сдерживать, не нужно показывать другим свою слабость.

Эти слова так глубоко засели в моём сознании, что с того дня я если и плакала, то дома в подушку. Мне было мало сделать просто хорошо, я всё доводила до грани. Не только не показывала свои слёзы, окружающие даже эмоций моих не могли считать. По крайней мере, когда я этого не хотела. Выступая на соревнованиях, я заходила на спортивную арену, надевая на лицо маску, не позволяя увидеть свою радость или печаль. Просто-таки иллюстрация к зарисовке о суровых русских.

Через пару лет тренер шутя называла меня роботом, потому что я работала словно неодушевлённый бесчувственный агрегат, машина с несбиваемыми заводскими настройками, которые никто не был способен поменять. Это прозвище ко мне так прицепилось, что, желая обидеть, так ко мне обращались и товарищи по базе. Но какой-то извращённой части меня даже нравилось, когда я слышала ироничное: *«Привет, Робот. Снова тренируешься с пяти утра, пока тут никого? Роби, нельзя так, ты машина, а мы всего лишь люди»*. Это уничижительное обращение, кличка, словно было единственной данью моим стараниям со стороны недоброжелателей.

Впрочем, спорту я отдавалась всецело не для того, что-

бы получить чьё-либо одобрение. Я знала, что многие мои товарки по спортивному цеху работают в поте лица, чтобы услышать похвалу от родителей, которые с помощью детей реализуют свои амбиции, а отпрыскам это не нужно, они просто хотят любви. Нет, это было не моей историей.

Когда-то, будучи совсем крохой, я увидела трансляцию соревнований по спортивной гимнастике, зачарованная той силой и грацией, что исходила от юных спортсменок. Это заметила моя мама, именно она в пять лет привела меня в спортивную секцию, где и начался мой путь. Через несколько лет с ней случилась трагедия, о которой никто в нашей семье, состоящей из меня, моей родной сестры и бабушки, не хотел вспоминать, потому что для каждой из нас это было слишком болезненным. Моя бабушка очень мало интересовалась моими спортивными достижениями, не потому, что ей было это не важно, просто она не считала мою спортивную карьеру чем-то обязательным, необходимым, в отличие от меня, считающей, что на этом сошёл свет клином.

Тренировки и соревнования были моей жизнью, не какой-то её частью, а полностью захватывали мою вселенную, отесняя на второй план учёбу, семью, друзей. Большую часть времени я жила на базе, но бабушка очень скучала и переехала ближе ко мне, с позволения тренера иногда я оставалась у неё. Но почти всё своё время я посвящала себя спорту, и мой круг общения был крайне ограничен. Порой мне казалось, что я социопат, так как мне очень не хватало уеди-

нённости. На базе не было возможности скрыться, побыть наедине с собой, в одиночестве, а такому интроверту, как я, это было необходимо как воздух. Отрабатывая элементы, я не замечала людей вокруг, всё пропадало, сливаясь в одно пятно, лишь голос тренера, когда она выкрикивала свои правки, ругала или хвалила меня.

Ничто не приносило мне большего удовольствия, нежели изматывающие занятия спортом, боль в мышцах, солоноватый вкус на губах, когда пот катится градом от прилагаемых усилий, когда я в очередной раз сделала больше, чем, думала, способно совершить моё тело. Преодолевать себя из раза в раз было подобно наркотику, хотелось ещё и ещё. Я любила это состояние больше всего на свете. Чего греха таить, помимо этого я кормила своё эго раздававшимися после моего выступления аплодисментами и звучанием своего имени, когда зрители его выкрикивали с трибун и кидали мягкие игрушки, а золотую медаль на шею вешали под гимн страны, за которую я выступала.

Иногда мне казалось, что девочки, с которыми я делила тренировочный зал, кривили губы при виде моего упорства, граничащего с одержимостью. Да, я была странной даже для них, которые, казалось бы, должны лучше всех меня понимать. Но я их пугала, я видела это в их глазах, они считали меня чудачкой, которую ничто в жизни не интересовало кроме спортивных снарядов. А у меня в голове крутилась раз за разом одна и та же фраза: «Вижу цель – не вижу препят-

ствий». А целью была золотая медаль Олимпийских игр. Да, я была фанатиком и не скрывала этого.

Впереди красным мигал запрещающий сигнал светофора. Я немного сбавила скорость, оглядываясь по сторонам и не видя в этот ранний час ни одной машины. Даже люди ещё спали. Секунды на светофоре медленно сменялись. Десять. Девять. Восемь. Я вновь оглядываюсь, солнце попадает в глаза, недовольно щурюсь. Семь. Шесть. Опять смотрю по сторонам. Никого.

Не сбавляя скорость, выезжаю на зебру, когда до появления зелёного человечка оставалась ещё пара секунд.

Мир вдруг резко переворачивается с ног на голову, не понимаю, что происходит. Слышу визг шин машины об асфальт, наблюдаю за тем, как мой лонгборд отлетает от меня, а я, ударяясь о капот машины, падаю на землю. Раздается раздирающий душу крик, и не могу осознать, что это я кричу. От дикой боли.

Утреннее солнце бликами расходится по закрытым векам. А я стону, не в состоянии что-либо сказать. Боюсь открыть глаза, боюсь увидеть то, что сейчас произошло. Ко мне кто-то подлетает. Слышу мат. Звонок в скорую и ещё куда-то.

Сквозь страх открываю глаза, чувствую боль в ноге. Это хорошо. Хорошо, что есть боль. Значит, ноги на месте. Сглатываю слюну, не чувствую рук человека, который сейчас нависает надо мной, что-то говорит мне, о чём-то спрашивает.

Слышу только бьющуюся в висках кровь. Моя щиколотка искривлена под странным углом, кость торчит, едва не разрывая кожу. Теряю сознание.

Спустя мгновения удаётся расслышать всегда так пугавшую меня сирену скорой помощи, почти возвращающую меня в сознание. Никогда не думала, что она будет по мою душу.

Меня ощупывают и осматривают врачи, я же нахожусь где-то в пограничном состоянии, слышу шум вокруг меня, но не могу пошевелиться или что-то произнести.

– В какую больницу вы её отвезёте? – спрашивает взволнованный мужской голос.

– Травматология на проспекте Калинина, – скупно делится информацией баритон.

2. Клим

Когда я в очередной раз пошёл наперекор отцу, он, пригрозив тем, что переписшет завещание на своего пасынка, сослал меня в донельзя провинциальный город Н., где коптило местный воздух наше градообразующее предприятие. Ну как наше, мы были одними из крупнейших акционеров, и отец велел мне проследить, как идут дела, так как у него возникали сомнения в качественной работе топ-менеджеров.

Чекой, сорвавшей предохранители отца, был погром, который устроили мы с друзьями в одном из ночных клубов Лондона, откуда нас забрала местная полиция, пока мой отец, дав подумать о своём поведении, через сутки не внёс залог.

– Ты понимаешь, что такое деловая репутация, сын? – не поднимая голоса, интересовался мой отец, когда мы ехали из участка на заднем сиденье роллс-ройса. Но этот вкрадчивый тон вселял ужас куда больше, нежели если бы отец кричал.

По старой советской традиции, мнение окружающих, а уж тем более бизнес-партнеров, интересовало Анатолия Самгина больше всего на свете. Любитель русской классики, в частности Максима Горького, поднявшийся, как и многие, из чёрных недр девяностых, он всеми силами старался обелить свою репутацию, доказать, что заработал капитал не только благодаря резкому изменению курсов валют и чи-

новническому произволу, с чьей нечистоплотной помощью удачно выкупил в своё время недвижимость в центре Москвы и успешно приватизировал государственные компании. Уже дальше дело решало успешное вложение капитала, бизнес-стратегии и умелое руководство. Но кого это волновало, когда его старые партнёры называли товарища не иначе как Толик Франклин, в честь президента США, изображённого на всеми любимой банкноте.

В двенадцать я первый раз услышал, как кто-то так обращается к отцу, и сдох бы от смеха, если бы не царившая во круг в этот момент атмосфера. У него была деловая встреча, больше похожая на сходку криминальных авторитетов, которые столпились у дверей его кабинета, ожидая аудиенции главаря. Тогда похожий на пивной бочонок мужчина средних лет, с толстой золотой цепочкой на красной шее и таким же красным покрытым потом от страха лицом, что-то втирал верзиле рядом.

– Шип, ты же знаешь, если сейчас Толик Франклин пойдёт в отказную, меня же уничтожат, в цемент закатают.

Когда отец вышел из своего кабинета, этот толстяк буквально бросился ему в ноги.

– Франклин, – растопырил похожие на сосиски пальцы, средний из которых был зажат в тиски золотой печати, – мы тихо порешаем это дело и выкупим здание, тебе не о чем волноваться.

Отец хмуро молчал, всем своим видом выказывая недо-

ВОЛЬСТВО.

Толстяк испуганно глотал слюну.

Не знаю, чем закончилась та встреча, но именно тогда я впервые осознал, кем был в действительности мой отец.

Я ненавидел этот город и всё с ним связанное, находиться в этой глуши для меня было пыткам подобно, он душил меня своими маленькими улицами и узкими дорогами, облезлыми домами и особами, которые видели такую машину, как моя, только в кино и очень хотели посидеть на её переднем сиденье и потрахаться со мной на заднем. Не могу сказать, что ко мне охотницы за деньгами как-то иначе относились в Москве или любом другом крупном городе мира, но только тут моё воображение рисовало запах разбитой российской глубинки, исходивший от их тел.

Не зря ко мне приклеилась репутация редкого гада неопознанного вида, потому что мы с друзьями не брезгали делать ставки на глупых алчных девиц. Одними из излюбленных наших развлечений были споры о том, кто первый распечатает провинциалочку, которую отлавливали у стен учебных заведений Москвы. Выбирали самых красивых и на вид невинных, ухаживали по всем канонам жанра, а после первой ночи пропадали навсегда. Вопрос был лишь в том, как скоро произойдёт эта первая ночь. В день знакомства, через неделю или, для самых стойких, через десять дней. Таких, к слову, было мало, и, как правило, речь шла не о высоких

моральных принципах, а о хитрой натуре очередной избранницы, которая распознавала игру и знала её правила. Никто в накладе не оставался. Вскоре такими играми я пресытился, как и продажными девами, жадными до статуса и денег.

Но я не искал от кого-то светлых и искренних чувств просто потому, что никогда в них не верил. Можете называть это моральной травмой, связанной с тем, что мать бросила меня, когда мне было семь лет, и укатила в неизвестном направлении, а отец всё своё свободное время посвящал работе и утолению горечи между ног очередной секретарши просто потому, что они были ближе всего к барскому телу. Вот и очередная жена отца некогда была его помощницей. Вспоминая её, меня начинало тошнить. Но отец, когда сообщил мне о скором браке, пояснил свой выбор.

– С Алисой всё предельно ясно и понятно, она любит мои деньги, а я люблю её тело. Не беспокойся, сын, нас с ней связывают не чувства, а жёсткий брачный контракт.

К сожалению, у Алисы оказался отпрыск одного со мной возраста, которого мне приходилось терпеть рядом с собой, о котором хочется вспоминать ещё меньше, чем о его мамаше.

Этим ранним утром я ехал домой из ночного клуба, где зависал с друзьями, которые сжалились надо мной и приехали из Москвы, города сейчас для меня запретного, ведь отец очень серьёзно отнёсся к ссылке, и в моих наручных часах был датчик отслеживания местоположения. Стоило мне по-

кинуть пределы города Н., соответствующий сигнал приходил отцу. Если бы я попробовал снять часы и моя физиономия засветилась бы на камерах любого из клубов Москвы, наказание в виде ещё одного дополнительного месяца ссылки не заставило бы себя ждать. Отец был суров.

Я был трезв как стёклышко, когда сажился за руль серого спортивного авто, выделявшегося среди других машин этого города. Днём у меня была назначена важная рабочая встреча, от которой я не мог откреститься, но на вечер у меня были более чем грандиозные планы, в которые входили друзья, выпивка и красивые женщины, «знающие себе цену».

С утра машин и пешеходов практически не было, и я с удовольствием нёсся на запредельной скорости по улицам города, представляя себя совсем в другом месте. Впереди замаячил светофор, который обычно в такую рань мигал оранжевым сигналом, а сейчас отсвечивал, предупреждая о необходимости остановиться перед пустым пешеходным переходом. Никаких пешеходов впереди не намечалось, и перед пересечением перекрёстка я лишь немного сбавил скорость, когда боковым зрением поймал несущуюся на скорости под мои колёса девчонку. Всё решали доли секунд, когда я, резко ударяя по тормозам, попытался увести машину в противоположную от самоубийцы сторону.

В лицо ударили подушки безопасности, которые я смял, вылетая из машины. Подбежал к девчонке, показалось, совсем ребёнку, отброшенной моей машиной немного вперёд.

В горле от страха за неё всё пересохло. Я мог быть каким угодно убудочным подонком, но не убийцей.

– Малыш, ты как? – задал я самый тупой в мире вопрос, присаживаясь на колени рядом с ней, не зная, куда деть свои руки и как ей помочь.

Девчонка открыла свои ошалевшие глаза, судорожно вздохнула и посмотрела полными ужаса глазами на свою ногу. Теперь мы вместе наблюдали за выпирающей неестественным образом в щиколотке костью.

– Это ерунда, малыш, до свадьбы заживёт, – нёс я чепуху, попутно набирая друг за другом скорую, адвоката и полицию.

Девчонка, должно быть, провалилась в обморок, потому что со стоном закрыла глаза и отключилась. Втайне я был этому рад, потому что не было сил смотреть в эти полные боли и страха глаза. Меня же она, казалось, не заметила вообще, словно я не существовал. Но чем дольше она была без сознания, тем сильнее я чувствовал панику, не имея понятия о том, есть ли у неё другие повреждения. Вдруг у неё внутреннее кровотечение и она сейчас умирает, а я ничего не могу с этим поделать?

Благо эти думы прервала скорая помощь и девочку аккуратно перенесли на носилки.

Суровый врач неотложки сообщил мне название больницы, куда её сейчас отвезут и куда я непременно собирался

приехать, когда улажу все формальности. Точнее, переложу их на плечи своего адвоката.

Это свершилось лишь через долгих два часа, но, не будь я Самгиным и практически хозяином этого города, скорее всего, меньшее, что мне светило, – это ночь в СИЗО.

В больницу меня и подобранный мной лонгборд девочки доставил адвокат. Я ожидал, что увижу у её палаты родителей, но не думал, что встречу там целую делегацию. Человек десять стояло у палаты девочки, среди которых я пытался найти её семью и предложить свою помощь.

– Извините, я хотел бы узнать, как себя чувствует девочка, – произнёс я, обращаясь ко всем сразу. Десять пар глаз ко мне обернулись и, должно быть, догадались, кто я, ибо на их лицах читалась крайняя степень осуждения.

Вперёд вышла корпулентная женщина в строгом костюме, и с такой ненавистью меня разглядывала, что мне стало не по себе. Медсестра сообщила, что вроде как иных травм кроме переломанной лодыжки со смещением у девочки нет, жить будет. Так чего на меня смотреть как на врага народа?

– Кто Вы, молодой человек? – строго задала она вопрос, выжигая на мне дыры.

Я сглотнул слюну, прежде чем ответить.

– Это я сбил девочку, она вылетела на красный, – с признания, ощетинившись, перескочил я на обвинение под взглядом суровых глаз.

Женщина скривила губы, будто перед ней был мелкий

ползучий гад, не достойный её внимания.

– Вы понимаете, что погубили её? – задала она риторический вопрос, прежде чем отвернуться.

А я стоял, не понимая вообще ничего. Эта женщина больше не намеревалась вести со мной диалог, но ко мне подошла другая.

– Уходите, молодой человек, Вас тут видеть не хотят, – тихо попросила хрупкая женщина в возрасте, и по заплаканным глазам я понял, что передо мной родственница пострадавшей.

Она собиралась отойти, но я удержал её за локоть, не желая просто так отсюда уходить. Меня терзала совесть, а это было редкое, новое для меня чувство. Возможно, если бы сейчас мамаша девочки прибегла к шантажу и угрозам, совесть снова спряталась бы туда, где дремала всю мою жизнь. Но передо мной стояла раздавленная женщина, а потому я не мог просто так покинуть стены больницы.

– Прошу, объясните, что происходит, чем я могу ей помочь?

Женщина вновь подняла на меня взгляд уставших глаз, словно на её плечах сейчас был невыносимый груз. Я сознавал, как сложно ей видеть человека, едва не убившего её близкого человека, не говоря уже о том, чтобы объяснять мне что-то. Но я был слишком упрям, чтобы уйти. И судя по тому, что никто не рвался бить мне морду, видимо, отца девочки среди присутствующих не было.

– Клим, – раздался рядом голос адвоката, – это заведующий отделения травматологии – Загир Магомедович, он же врач, который принимал девочку.

Мы обменялись рукопожатиями и вместе с матерью слушали заключение врача.

– У Алёны Комар перелом со смещением, нарушены структуры соединительной ткани между большой и малой берцовой костями, повреждены связки, необходима экстренная операция.

– Так почему же она еще не произведена? – удивился я.

Хирург скосил взгляд на родственницу пациентки, которая была бледнее снега.

– Моя внучка отказывается от операции здесь, – глухо произнесла женщина.

– Но почему?

Ответ на этот вопрос поступил уже от врача:

– Эта больница не владеет артроскопической техникой, мы можем вправить кость, поставить гипс, но сделать пластику связок здесь невозможно. Её нужно везти в ближайший город, где проводят такие операции, но чем больше времени проходит, тем сильнее будет нарастать отёк, а значит, операцию, возможно, придётся отложить.

Я видел, как женщина пытается стойко держаться из последних сил, её взгляд то и дело возвращался в сторону палаты, в которой лежала девочка.

К нам подошла другая женщина, которая минуту назад

бросала в меня обвинения, и теперь как коршун нападала на врача.

– Господи, ну скажите, что делать, вы же понимаете, что она мастер спорта международного класса, она в сборной России. Неужели Вы ничем не можете помочь!?

Врач покачал головой, умывая руки.

– Где могут провести нужную операцию? – вклинился я в диалог, наконец начиная хоть что-то понимать.

Организовав вертолёт, который должен был через пару часов забрать девочку в одну из лучших клиник Москвы, я немного успокоил свою совесть.

Я подошёл к палате, дверь которой была приоткрыта, и посмотрел на девушку, что лежала, безжизненно уставившись в потолок, обложенная льдом нога покоилась на подушках. От её пустого взгляда мне стало не по себе, будто её тут и не было, и меня и людей вокруг тоже. Она ничего не замечала и ни с кем не говорила. Я видел, что она слабо реагирует только на бабушку. Когда же к ней в палату вошла та суровая женщина, как мне потом стало известно, её тренер, девушка и вовсе отвернулась, при этом не произнеся ни слова.

Выходя из её палаты, женщина вновь полоснула меня холодным взглядом и удалилась. Видимо, мой поступок её не впечатлил.

Мне хотелось подойти к девчоночке, попросить прощения, но я не смел. Попытался расспросить хирурга о том, что будет, если операция пройдёт успешно. Врач замялся, но

ответил, что даже при наилучшем исходе нельзя гарантировать, что функциональность вернётся полностью. На спортивной карьере, вероятнее всего, придётся поставить крест.

Девочка не говорила с врачами, не слушала тренера, видимо, из-за того, что боялась услышать от них этот приговор. Муки совести вернулись ко мне в десятикратном размере. Я мерил шагами больницу, не находя себе места, в ожидании вертолёта. Когда мне сообщили, что он готов принять пациентку, санитары переложили девочку на каталку и я, наконец, удостоился её единственного взгляда. Никогда в жизни на меня так не смотрели. Голубые глаза хотя и были сейчас ясными, не затуманенными болью после нескольких уколов анестетиков, но в то же время тёмными, как пропасти, через которые можно заглянуть в самую бездну, и то, как на меня смотрела её тренер или родственница, было ничем, под испепеляющим прямым взглядом спортсменки, сулившим мне вечные муки ада после долгой и мучительной смерти.

Что ж, заслужил, и пообещал себе добиться её прощения во что бы то ни стало.

Кроме девочки на борт взяли меня и её бабушку, которая всю дорогу держала внучку за руку, также с нами был врач принимающей больницы. Бабушка не пыталась говорить ей, что всё будет хорошо, они даже почти не разговаривали, но мне казалось, что им и не нужны слова, чтобы понимать друг друга, достаточно жестов и взглядов. В какой-то миг я ощутил беспомощную зависть к этой девочке, которая знала, что

такое, когда тебя безусловно любят, в отличие от меня, знающего лишь чувства, рождённые на взаимовыгодном расчёте.

3. Алёна

Боль в ноге утихла, а я пыталась перестать думать о своём будущем. Находясь в городской больнице, единственное, о чём я сожалела, – это то, что я осталась жива, что этот богатый ублюдок меня не убил. Потом, когда в палату зашла бабушка и сообщила, что сбивший меня парень организовал перелёт в Москву и операцию в известной среди спортсменов клинике спортивной травматологии, тугой узел в моей груди начал немного разворачиваться и ослаблять болезненное давление и страх перед неизвестностью.

Но я чувствовала его взгляды, направленные на меня и ожидающие, видимо, что я поблагодарю его или сделаю ещё что-то, отчего это страдальческое выражение сотрётся с его лица, но я не в силах была испытывать к нему какие-то иные эмоции помимо презрения и ненависти.

Меньше всего мне хотелось сейчас дышать с ним одним воздухом, знать, что он где-то рядом, а тем более в непосредственной близости от меня. Я фокусировала взгляд на одной точке, стараясь игнорировать его присутствие, пока вертолёт не приземлился на крыше московской клиники.

Деньги решали всё, в очередной раз за свою короткую жизнь поняла я. А у этого парня они были, иначе такого приёма мне бы никто не оказал. Даже несмотря на то, что я была в сборной этой страны. Максимум, на что я могла рассчи-

тывать, – это то, что Федерация организует мне операцию в ближайшем городе, когда отёк ноги достигнет апогея, с криворукими врачами, которые запросто могли бы сделать из меня инвалида.

Сначала меня переложили на другую каталку и отвезли в палату ожидать операцию. Ждать пришлось недолго, и когда назначенный мне хирург освободился, медсестра сделала укол успокоительного средства и меня повезли в операционную. Вокруг суетились люди в голубых больничных одеждах, в шапочках и с масками на лицах. Я с лёгким интересом, почти безразличная ко всему после укола, рассматривала большой операционный светильник, похожий на глаз паука. Анестезиолог положил на моё лицо дыхательную маску и велел отсчитывать от десяти до нуля. Десять. Девять. Восемь. Семь...

– Алёна, – позвал меня высокий хирург, за спиной которого разливался солнечный свет, – просыпайтесь.

Кажется, я проснулась, а потом вновь вырубилась, очнувшись уже в своей палате. Меня бил озноб, тело сводило после наркоза судорогой, всё тело мелко потряхивало. Заботливая медсестра укрывала толстыми одеялами.

Это была моя первая операция, и я боялась, что меня будет тошнить и разболится голова. Но, как ни странно, не считая озноба, я себя отлично чувствовала. Вскоре мне даже принесли обед и в палату вошла бабушка.

На еду я смотрела скривив рот, аппетита не было, хотя

даже не помнила, когда ела последний раз.

– Тебе нужно поесть, восстановить силы, чтобы выздороветь, – бабушка, как всегда, знала, что сказать, и я нехотя поднесла ложку с супом ко рту. Возможно, он был неплох, но вкуса еды я не чувствовала.

После того как медсестра унесла поднос с едой, бабушка вышла позвонить тренеру, в палату вошла группа врачей, среди которых я заметила того самого высокого мужчину, что разбудил меня.

– Пациентка Комар Алёна Александровна, полных семнадцать лет, рост сто шестьдесят сантиметров, вес сорок пять килограмм, повреждение лодыжки со смещением, повреждение связок, – он продолжал зачитывать анамнез, а я ждала, когда же он сообщит самое важное.

Должно быть, это явственно читалось по моим глазам, врач, привыкший иметь дело не просто с пациентами, а со спортсменами, присел на край моей кровати и, словно успокаивая норовистое животное, положил свою сухую ладонь на мою руку, попробовав донести до меня суть.

– Алёна, у тебя очень серьёзная травма, мы сделали всё, что было в наших силах, и вопрос о твоей спортивной карьере зависит только от того, как ты будешь восстанавливаться. Я не могу гарантировать тебе, что ты сможешь выступать на том же уровне. Но вы, спортсмены, люди упорные, так что, кто знает.

Более пространный ответ услышать сложно, но, с дру-

гой стороны, где-то среди этих пафосных слов была заложена маленькая надежда.

Моя нога, оранжевая от йодоформа от кончиков пальцев до самого паха, со вставленными в щиколотку титановыми пластинами и винтами, дренажом и конструкцией, благодаря которой повреждённая лодыжка парила в воздухе, была уже прооперирована, и в тот момент казалось, что самое сложное позади.

Когда врач сообщил, что я должна придерживаться постельного режима как минимум ближайшие две недели, а встать на ногу смогу не раньше, чем через полтора-два месяца, я не смогла сдержать слёз. Вся подготовка к очередному чемпионату коту под хвост, моё место в сборной будет под вопросом, моя карьера ещё под большим вопросом. Моя жизнь тоже. Потому что я не представляла её без спорта.

Слёзы меня душили, и я не могла успокоиться, я не хотела, чтобы это видела бабушка или кто-то ещё, поэтому после разговора с врачом попросила посетителей ко мне не пускать. Я глухо рыдала в подушку, не имея возможности даже спрятаться от любопытных глаз, когда заходили медсёстры менять скопившуюся кровь или, что не менее насущно, мочу. Я не сразу заметила, что ко мне подведена специальная дренажная трубка для сбора мочи, сам же мочеприёмник был спрятан где-то под кроватью. Благо на следующий день его уже убрали, но никогда я ещё не чувствовала себя столь беспомощной. Кое-как взяв себя в руки, я вытерла слё-

зы одеялом и вновь уставилась в потолок, в попытке стереть из головы мысли о том, что сейчас я должна была в поте лица тренироваться.

Дни в больнице текли мучительно медленно, напоминая какую-то изощрённую пытку. В голове роились вопросы: за что мне это, что я сделала не так? Ответ я знала сама.

Каждый день ко мне приходил физиотерапевт, разминал мышцы, показывал допустимые движения. Бабушка не могла долго находиться в этом городе, работа не ждала, поэтому я заверила её, что со мной не нужно здесь постоянно сидеть.

Свободного времени было так много, что я могла посвящать себя подготовке к поступлению и чтению художественной литературы, что в обычной моей жизни было практически невозможным, так как времени между тренировками было катастрофически мало. Но вместе с тем усталость быстро меня накрывала, должно быть, организм бросил все ресурсы на восстановление повреждённых тканей, поэтому всё, что я делала в течение дня, – это спала, читала книги и ела. Самое страшное было то, что я ловила себя на воспоминаниях о том, что порой после изощрённых тренировок я мечтала вот о таких моментах, когда могла бы спать вволю и читать книжки. Неужели мысли настолько извращённо материальны, что я получила желаемое таким чудовищным способом? Думаю, именно в тот момент я поняла, что мы в ответе не только за свои поступки, но и за мысли.

Клиника была дорогая и платная, и я боялась представить

тот астрономический счёт, который нам выкатят на выписке. Тренер сказала, что часть расходов готова принять на себя Федерация спортивной гимнастики, за что я была нескончаемо ей благодарна, представляя, какие немыслимые усилия она приложила для того, чтобы этого добиться.

Остальную и, несомненно, большую часть взял на себя обязательство покрыть сбивший меня парень.

К слову, он тоже приходил ко мне каждый день. Если бы я могла встать и куда-то уйти, чтобы этого избежать, я бы так и поступила. Но такой возможности я была лишена. Он приходил, задавал одни и те же вопросы, а меня тошнило от него, от его присутствия, от звука его голоса с лёгкой хрипотцой, от того, что, когда он был в палате, медсёстры стреляли в него глазками и чаще заходили. А я не могла даже на него смотреть, опасаясь, что могу воткнуть вилку, оставленную на подносе после ужина, в его сердце.

Я рассчитывала на то, что ему в конце концов это надоест, ведь при нём я вообще не выказывала каких-либо признаков жизни, лишь тупо смотрела в потолок. Через некоторое время он бросил попытки меня разговорить, просто брал с собой книгу и читал. В один из дней ему удалось поймать мой любопытный взгляд, направленный на обложку.

– Хочешь, я тебе почитаю? – спросил он, но я вновь перевела отсутствующий взгляд в потолок.

Не получив ответа, он всё же принялся декламировать книгу. Я всегда плохо воспринимала информацию на слух,

поэтому аудиокниги никогда не пользовались у меня успехом. Из моего сознания ускользала суть повествования, а мужской голос убаюкивал, отчего я, хоть и корила себя за это, но засыпала. Молодой человек приходил по вечерам, и это было похоже на чтение сказок перед сном, потому что итог был всегда одинаковый.

4. Клим

Девчонка была до безумия упрямой. Весь её спортивный характер был направлен на то, чтобы делать вид, будто меня не существует. Я созванивался почти каждый день с её бабушкой, обсуждая вместе, как протекает выздоровление, и, как ни странно, находил в этом какое-то странное умиротворение. Мне даже начало казаться, что я всей душой прикипел к Антонине Николаевне.

– Как думаете, она когда-нибудь меня простит? – вдруг задал я вопрос, которого от себя не ожидал.

На том конце образовалось затянувшееся молчание, не сулившее положительного ответа.

– Клим, моя внучка неспроста достигла успехов в спорте. Поверь, ты ещё никогда не встречал более упёртого и упрямого человека, чем она. Я не могу однозначно сказать, изменится ли её отношение к тебе, но сейчас она видит в тебе только врага и пресекает любое упоминание о тебе, когда я говорю с ней по телефону.

Не знаю, что мной двигало, почему я не бросил всё это давно, почему, зная, что трачу большие суммы на лечение, не посчитал, что этого достаточно для того, чтобы искупить вину? Возможно, потому что знал, что эти деньги для меня лишь капля в море и мой отец тратит куда большие суммы на благотворительность.

Возможно, это было связано с любопытством, которое вызывала у меня эта семья. И бабушка, и сама девочка, видя, что я обладаю большими средствами, не пытались надавить на меня, попросить денег на личные нужды. Наоборот, казалось, бабушка крайне негативно относилась к тому, что я взял на себя большую часть расходов на лечение, более того, я чувствовал это исключительно интуитивно, Антонина Николаевна не страдала лицемерием и не говорила мне, что эти траты лишние, потому что, очевидно, это было не так.

Каждый день я приходил в палату девчонки и читал ей очередную дурацкую книгу, опять скидывая несвойственное мне поведение на исследовательский интерес. Да, мне не встречались девушки, у которых я вызывал бы полнейшее равнодушие. А в этой палате я будто ударялся о каменную стену безразличия. Это было свежим и новым впечатлением для меня. Некоторое время, после того как она отдавалась во власть Морфея, я рассматривал её, наблюдал, как спокойно она спит, даже во сне оставаясь дисциплинированным спортсменом, которому не разрешено было ворочаться, чтобы не навредить заживающей ноге.

Она обладала интересной внешностью, совсем не ребенок, как мне поначалу показалось, и так была не похожа на девушек, с которыми я привык иметь дело. В ней не было ужимок, искусственного интереса, хотя я продолжал оставаться для неё пустым местом, но видел, что она нравится молодому физиотерапевту, который каждый день загляды-

вал к ней и пытался завести беседу. Он смотрел на неё с неподдельным восхищением, а она лишь впитывала любую информацию, которая могла помочь ей скорее восстановиться, она не улыбалась ему, потому что этого требовали правила этикета или простая вежливость, а смотрела так прямо в глаза, что мне становилось даже жаль парня, ведь в её взгляде явно прочитывалось недоумение. «Зачем он флиртует, когда её цель встать на ноги?» – таился в глазах девушки немой вопрос. Он был ей совсем не интересен, и она не пыталась это скрыть за вежливым изгибом губ.

Всё время от госпитализации до выписки я жил в Москве и вел более чем праведный образ жизни, только вовсе не потому, что этого требовал отец. У каждого, наверное, возникают переломные моменты, после которых всё меняется на сто восемьдесят градусов. Я понял, что больше не могу жить как раньше, выводить из себя отца очередными дебошами, не сдерживая свой горячий нрав, совершать сумасбродные поступки, зная, что мне всё сойдёт с рук. Пришло осознание, что мои действия, словно у подростка, были связаны с отцом, я уже не ждал, как в детстве, его внимания, с возрастом эта потребность трансформировалась в безразличие к нему, и его гнев приносил мне чувство удовлетворения. Видя, как живёт эта девочка, я понял, что и мне что-то нужно менять в своей жизни, потому что я не был сам себе хозяином. Отец был знатоком в шантаже, знал, на какие точки нажать, чтобы человек вёл себя так, как это требуется ему. Для него не

имело особого значения, кто перед ним, деловой партнёр, конкурент или сын. И вырваться из-под его влияния я мог, только отказавшись от его денег, о чем я думал всё больше и больше.

И всё же мой характер оставался таким же паршивым, как и раньше, человеческие качества после детства с моим родителем оставляли желать лучшего, и порой мне казалось, что я эмоциональный калека. Мои поступки, совершённые для девушки, не имели ничего общего с благородством. С Алёной я преследовал определённые цели – я хотел получить её прощение. Покупал его деньгами, потраченными на лечение в лучшей клинике, своим временем, которое проводил с ней, своим вниманием, на которое ей было начхать. Не умел по-другому, не знал, как быть бескорыстным в своих побуждениях, я хотел забрать у неё прощение в обмен на что-то, потому что мне не хотелось, чтобы за мной тянулся всю оставшуюся жизнь шлейф вины за испорченную мной жизнь непростой девушки. Она была упрямой, но и я тоже.

Врачи могли выписать её и ранее, уже на следующий день после операции, но я знал, что работающая бабушка вряд ли сможет позаботиться о лежачей больной, а про мать и отца я так ничего и не услышал за всё это время и подозревал, что кроме бабушки у неё никого и нет, поэтому заранее договорился о том, что её не выпишут до того, как Алёна не встанет на костыли.

В день выписки я стал невольным свидетелем разговора Алёны с бабушкой:

– Бабуль, ну неужели нет иной возможности вернуться в город, кроме как с ним?

Речь, очевидно, шла о том, что я вызвался отвезти её домой. Упрямица рассчитывала, видимо, что сможет отделаться от меня по возвращении. Я же находился всё это время в Москве лишь с согласия отца, объяснив ему сложившуюся ситуацию, а он, как ни странно, принял это и не стал спорить, лишь напомнив мне, что, как только девочку выпишут, я вернусь в город Н., но мой срок пребывания увеличится ещё на один месяц.

– Нет, баб, я его ненавижу, слышишь? Всею душой ненавижу.

Невольно вздрогнул, когда услышал эти слова. Нет, девушки и раньше кидали мне это в лицо в пылу гнева во время расставания, но никогда это не звучало столь искренне. Ненависть в ней клокотала, вибрировала по коже, я буквально чувствовал её, когда находился с ней рядом, видел в отражении её глаз.

Судя по тому, как Алёна тяжело, сквозь стиснутые зубы, выдохнула, ответ бабушки остался неизменным. Но я знал это заранее, потому что в разговоре с Антониной сам настоял единолично забрать её внучку. Во-первых, мне не хотелось, чтобы она моталась зря в Москву, во-вторых, мне дей-

ствительно было интересно, как будет вести себя девушка во время шестичасовой поездки со мной в машине наедине, а в-третьих, мне самому нужно было вернуться в город Н.

В день выписки конструкцию, фиксирующую штифты в лодыжке, уже сняли и заменили современным ортезом, в ноге осталась титановая пластина. Медсестра хотела подвезти её к моей машине на медицинском кресле, но девушка, отрицательно покачав головой, взяла костыли, с помощью которых ей предстоит передвигаться следующие недели, и сказала, что очень хочет пройтись. Врач одобрил, но просил не усердствовать, а молодого человека, то бишь меня, проследить чтобы больная, не дай бог, не упала.

Персонал клиники был уверен, что у нас с девушкой отношения, что меня забавляло, а её раздражало, и она всем видом показывала, что это не так и нас с ней ничего не связывает. В какой-то мере меня это даже задело.

Я шёл рядом, пока она аккуратно переступала одной ногой, помогая себе костылями, а повреждённую ногу подтягивала к себе, чтобы не касаться земли. Она была так сосредоточена на этом процессе, что я мог беспрепятственно наблюдать за ней. Алёна сильно прикусила себе нижнюю губу, тёмные ресницы подрагивали, не отводя глаз от дорожки, и я видел, как сложно ей после долгих недель в постели передвигаться таким образом, поэтому был готов в любой момент её подхватить. Но она, как и всегда, показала своё упрямство и с каплями пота, что стекали по вискам, дошла до моей ма-

шины и застыла.

Я не был настолько дебилом, чтобы пригнать сюда тот спорткар, на котором сбил её, и выбрал куда более просторный и безопасный Рендж Ровер.

– Ты хочешь сесть на пассажирском сиденье или сзади?

Ответом был, как и всегда, полный игнор.

Я тяжело вздохнул и открыл перед ней заднюю дверцу. Девушка не двинулась с места. Понятно. Отодвинув переднее кресло как можно дальше, чтобы ей было удобнее, я помог забраться в машину, и так как она отлично понимала, что без моей помощи не обойтись, приняла эту процедуру стоически с выражением великой мученицы. Она практически ничего не весила, и меня ужаснуло то, насколько она была лёгкой, те мышцы на её теле, которые я видел в первые дни после аварии, сдулись, и сейчас я наблюдал кости, обтянутые кожей. Тем не менее она не выглядела больной или истощённой, от неё приятно пахло, и я не мог понять, неужели это в больнице такой классный шампунь, надо будет узнать марку.

Единственный способ общения в дороге был найден путём переключения музыки в моём дорожном плей-листе. Честное слово, если бы я не слышал, как она разговаривает с другими, решил бы, что она немая. Немая и дико упрямая.

Эмпирическим путём было установлено, что она ненавидит русский рэп, лояльно относится к танцевальной попсе и любит итальянских исполнителей.

Когда мы остановились около уютного придорожного ка-

фе, я намеренно медленно помогал ей выбраться из машины. Честно говоря, было бы куда проще, если бы Алёна позволила мне носить её на руках, но когда я сделал подобное предложение, она так зло на меня посмотрела (хотя не думал, что её взгляд может быть более колючим), что я решил в этом вопросе оставить право выбора за ней и медленно шёл рядом, пока она переступала одной ногой по рыхлой после дождя земле. Перед поездкой я уточнил у её бабушки, чем она питается, и был крайне удивлен, что девчонка не привередлива, но предпочитает есть мясо.

Когда официантка проводила нас до свободного столика у окна и предложила меню, я аккуратно забрал у своей спутницы меню и пояснил официантке свои действия:

– Видите ли, моя девушка немая, поэтому она позволяет заказывать ужин за неё.

Официантка смерила Алёну скучающим взглядом и мило улыбнулась мне, а я, в свою очередь, наблюдал, как в глазах девушки напротив меня разгорается ядовитый огонь ненависти, ноздри так яростно раздувались, что я готовился вот-вот увидеть, как из них появится пламя, маленький рот был плотно сжат, образуя тонкую полосу, но я чувствовал, что она хочет его открыть и высказать всё, что думает о моём наглom поведении. Поэтому, приподняв бровь, ждал. К моему неудовольствию, Алёна закрыла глаза и откинулась на спинку стула, через минуту её грудь уже не вздымалась так часто, она, в отличие от меня, умела быстро приходить в се-

бя, и, когда вновь открыла глаза, на меня даже не посмотрела, сразу переведя взгляд в окно.

Официантка в недоумении наблюдала эту сцену, но я о ней успел забыть, пока смотрел на девушку.

– Большой стейк средней прожарки, салат Вальдорф, кофе латте и чизкейк. Моей любимой то же самое, – заказал я и, не отрывая взгляда от Алёны, возвратил меню официантке.

Но на этот раз она не повелась на мою провокацию, продолжая безмятежно смотреть в окно, будто ничего интереснее рядом нет, пока через пятнадцать минут не принесли еду. Она не оставила на тарелке ни крошки, и я удивлялся, куда в неё всё это поместилось. Надо будет в следующий раз заказывать больше еды.

Уже подъезжая в город, позвонил мой старый товарищ, пару раз я сбросил, но гудение телефона не прекращалось. Тот момент, когда проще ответить.

– Клим, ты куда пропал, совсем одичал в этой глуши? – забасил в трубке Макс, а я поморщился.

– Никуда, дела были, – коротко пояснил я, утаив, что жил последнее время в Москве.

– А как там твоя спортсменка, уже писает кипятком от тебя?

– Рот с мылом вымой, прежде чем говорить о ней, – рявкнул я в трубку раньше, чем сообразил, что и кому говорю: он был моим лучшим другом, и мы никогда раньше не ссо-

рились из-за баб, хотя в целом, из-за тех женщин, что были в наших жизнях, и ссориться повода не было.

– Ого-го, да я смотрю, тебя пробрало. Неужто она оказалась настолько хороша?

Я так сильно сжал кожу руля, что костяшки пальцев побелели, а очень хотелось ими заехать по роже Макса. Раньше со мной такого не бывало, но я действительно считал, что такой мудило, как Макс, рядом с Алёной даже стоять не имеет права, впрочем, как и я.

– Заткнулся бы ты, пока я не добрался до тебя и не сделал это сам.

Макс таки внял моим словам и перешёл к делу, по поводу которого звонил.

5. Алёна

Клим бережно положил мои ноги на переднюю панель автомобиля, затем, пересев на место водителя, наклонился ко мне так, что я едва не касалась губами его уха и невольно затаила дыхание, пока он застёгивал на мне ремень безопасности. Мне начинало казаться, что он намеренно так себя ведёт со мной. Его явно бесило моё молчание, а меня устраивало его недовольство. Почти всю дорогу я старалась не смотреть в его сторону, за исключением тех редких моментов, когда музыка из динамиков раздавалась настолько гадкая, что слушать её было невозможно. В какой-то момент я неловко потянулась к магнитоле, чтобы переключить на другой трек, но в это же время к кнопке потянулся и Клим, когда наши пальцы соприкоснулись, я отдёрнула руку, словно обжегшись, и больше старалась так не делать.

Больше всего в Климе меня бесило то, что он прекрасно знал, какое производит впечатление на девушек эта его кривая улыбка и лукавый взгляд зелёных глаз. Окружающие нас особи женского пола прямо стекали лужицей в собственные трусики, которые готовы были засунуть к нему в карман брюк, предварительно написав на них свой номер телефона.

Меня же, пока мы были вместе, девицы и не замечали. Ну да, я знаю, что выгляжу как ребёнок в свои семнадцать лет. И когда Клим в этом придорожном кафе назвал меня

своей девушкой, я от шока едва не проглотила язык. В его смеющихся глазах я разглядела ожидание, он хотел увидеть мою реакцию. А я никогда не относилась к тем девочкам, которые, если их потянуть за косу, обернутся и ударят учебником соседа. С первого класса считала это ниже своего достоинства и просто не обращала внимания. Хотя, кажется, с Климом эта установка дала сбой. Честное слово, мне хотелось воткнуть в него нож для стейка, и, кажется, я даже сжимала его в ладонях, когда Клим назвал меня любимой. Я ненавидела подобные игры. А он знал в них толк. Я же была слишком простой и прямой, никогда не понимала ни флирта, ни заигрываний. Лучший способ общения со мной был говорить прямо и открыто.

Моя жизнь была замкнута на спорте, я слишком много времени проводила на тренировках и плохо понимала, как нужно общаться с парнями не по делу, а таких, как Клим, и вовсе никогда не встречала. Искоса наблюдала в отражении окна за поведением официантки, которая заигрывала с ним, абсолютно игнорируя тот факт, что, по её сведениям, я девушка этого парня. Её попытки я расценила как неудовлетворительные, а навыки флирта ниже среднего, потому что Клим не обращал на неё никакого внимания.

Я всё ждала, когда он сделает нечто, что окончательно отравит мысли о нём, так некстати мелькавшие в моей голове. Может быть, будет елозить вилкой по тарелке, чавкать или просто громко жевать и прихлёбывать кофе, чего я тер-

петь не могла. Сколько раз весь флёр романтизма пропадал, когда я видела, как ранее казавшийся симпатичным парень ест так, словно носорог пьёт из лужи. В такие моменты у меня пропадал аппетит и к еде, и к молодому человеку. И вот объясни ему потом, что я не согласилась сходить на свидание, потому что имела неосторожность наблюдать, как он ест!

К моему сожалению, манеры Клима за столом были идеальными, и, к собственному ужасу, я несколько раз ловила себя на том, что пристально слежу за тем, как его длинные загорелые пальцы сжимают столовые приборы, разрезают еду и отправляют в рот. Когда наши взгляды пересеклись, я, залившись краской, опустила глаза, ругая себя за допущенную оплошность.

В город мы въехали уже в ночи, а я умудрилась заснуть, вымотанная долгой дорогой. Лишь краем сознания поняла, что меня вытаскивают из машины и куда-то несут.

Чувствую знакомый запах бабушки, но не в силах расцепить глаза, она наклоняется и нежно целует меня, что-то нечленораздельное бурчу под нос и, снова засыпая, чувствую, как кто-то коснулся моей щеки.

Просыпаться утром в своей комнате, в которой я так редко находилась, было трудно и неприятно. Я привыкла жить в движении и сейчас, не являясь хозяйкой собственному телу, ужасно мучилась, оттого была крайне подавлена. Хотелось

взвалить вновь на себя тучу дел и бежать-бежать-бежать не останавливаясь, пока ноги не откажут от усталости. Вновь смотрю на потолок, потому что не могу видеть свои медали и грамоты, фотографии на пьедестале. Не могу тут находиться, стаскиваю себя с постели, нахожу костыли и медленно прохожу по дому. Наше с бабушкой жилище представляет собой небольшое одноэтажное здание, со своеобразным запахом, который не принадлежал нашим вещам. Снимала бабушка этот дом, чтобы находиться поближе к моей тренировочной базе, своего жилья мы не имели, и я мечтала, что когда-нибудь смогу подарить его бабушке в благодарность за всё, что она делала для меня всю мою жизнь после смерти мамы.

Нет, это был не загородный дом в элитном посёлке, а требующий ремонта маленький убогий домик на три спальных комнаты, одну из которых когда-то занимала моя старшая сестра, уехавшая жить в США, после того как ездила туда на обучение и познакомилась с парнем. Две остальные комнаты занимали я и бабушка. Любимым моим местом в доме была просторная светлая кухня, где я любила разложить учебники и готовиться к урокам или университету, пока бабушка за приготовлением ужина рассказывала, как прошёл день.

После того как не стало мамы, бабушке нужно было поставить на ноги двух внучек. Тогда бабушка ещё была молодой женщиной, полной сил и энергии. Зная, что на её плечах остались маленькие девочки, она ни на миг не позволя-

ла себе раскисать и, будучи волевой женщиной, многим пожертвовала, чтобы мы ни в чём не нуждались. Пожалуй, я не могла вспомнить дня, когда бабушка плакала или находилась в унынии, она стискивала зубы и боролась за наше благополучие изо всех сил. Я отдавала ей всю свою спортивную стипендию и призовые с чемпионатов. Знала, что она не тратит эти копейки, копит для меня же, но мне было спокойнее знать, что, если они ей понадобятся, она сможет ими воспользоваться.

Я чуть не уронила костыли, когда обнаружила в кухне незваного гостя в одном полотенце, наливающего себе кофе из кофеварки. Должно быть, услышав моё приближение, он решил обернуться, а потому мы встретились глазами, уставившись друг на друга. Я в своей старой пижаме с оленями и полуголый олень напротив меня с каплями воды после душа. Как бабушка могла оставить меня с ним одну в доме!? Никакой ответственности у этой женщины нет!

Пережив первый шок, я силилась отвести взгляд от его груди и не сказать, что там было что рассматривать! Уж кто-кто, а я видела достаточно выдающихся мужских торсов, которые разгуливали каждый день передо мной по тренировочному залу, и, откровенно говоря, была так пресыщена накачанными самодовольными парнями, что не обращала на них особого внимания.

Но тело Климата разительно отличалось от тел коренастых

спортивных гимнастов, рост которых стопорился из-за больших нагрузок с раннего возраста. Высокий, по по-мальчишески жилистый, с широким разворотом плеч и выделяющимися грудными мышцами. Мой взгляд скользнул по плоскому животу с проступающим орнаментом пресса и дорожкой волос, что пряталась под полотенцем. Я не сразу сообразила, что от этого зрелища мой рот приоткрылся, и ещё пара секунд, и слюна скатилась бы с подбородка. Чёрт!

Я захлопнула рот и поджала губы, как престарелая библиотечка. Не желая отдавать собственную территорию врагу, потеснила его рядом с кофеваркой, неуклюже наливая себе кофе. С негодованием заметила, что он пьёт из моей любимой кружки, отчего зашипела по-змеиному, но смолчала. Втянула в лёгкие любимый запах кофе, сейчас смешавшийся с запахом чистого мужского тела рядом и моим ванильным гелем для душа, которым это тело, очевидно, воспользовалось. Так в этой комнате ещё не пахло.

– Твоя бабушка предложила мне у вас переночевать, потому что мы приехали глубокой ночью.

Я только фыркнула.

«Ну да, ну да. Оправдывайся, можно подумать, не мог добраться до собственного жилья ночью, наверняка сам напросился! Нигде от тебя спасу нет».

– Сегодня днём у тебя первое занятие с местным физиотерапевтом, поэтому я пока поработаю у вас, а потом отвезу тебя, – продолжил он вещать, как обычно не обращая ника-

кого внимания на моё молчание.

«Офигеть, просто запредельный уровень наглости! А ведь бабушка, добрая душа, наверняка всё это одобрила! И знает, что я ему ничего не скажу! Мррр».

Я делала вид, будто мне совершенно безразлично его присутствие в доме, и даже когда он, уже приняв приличный вид, разместил свой ноутбук напротив меня, решившей продолжить подготовку, я смолчала, лишь бросив короткий взгляд на логотип, украшавший крышку устройства. Вот уж интересно, какими такими важными делами мог заниматься этот мажор на моей кухне. Может, выбирает новую машину в гараж или будет рассматривать картинки из журнала «Плейбой»? В какой-то момент мой игнор достиг высшего пилотажа, и я забыла об его присутствии, погрузившись в учебники, которыми обложилась словно щитом. До экзаменов оставалось мало времени, а потому продолжила штудировать подготовительные материалы.

– Нам скоро выходить, – прозвучало предупреждение от Клим.

В городе был другой физиотерапевт, и я несколько боялась новых занятий. Меня не страшила боль, я опасалась непрофессионализма, который может привести к потере функциональности ноги. Знала, что период реабилитации самый важный, каждый день – это либо возможность вернуть себе подвижность, гибкость полностью, либо откат назад.

Разработкой голеностопа я занималась так же фанатично, как и подготовкой к соревнованиям или экзаменам. Время в специальном тренажёрном зале, где проводились занятия, для меня шло мучительно долго. Непосредственно с врачом я работала не больше часа, всё остальное время методично разрабатывала ногу самостоятельно, вспоминая то, что показывал врач в клинике и нынешний доктор. В первые занятия меня навещала мой тренер, тоже знавшая немало о подобных травмах, и показала пару приёмов для растяжения атрофированных мышц и связок. Каждое новое, непривычное с момента аварии движение в суставе приносило дикую боль. Порой силы меня покидали, я падала, задыхаясь от острых колючих ощущений, но вновь вставала и продолжала, зная, что нет времени себя жалеть.

Физиотерапевт из Москвы постоянно мне писал, просил отчёта. И я понимала, что его интерес скорее не врачебный, а мужской, но меня это не смущало, пока я могла пользоваться его знаниями. Ради них я могла бы даже согласиться сходить с ним на свидание, хотя с трудом могла вспомнить, как он выглядит.

Клим был упорен и методичен, ежедневно забирал меня из дома к врачу и возвращался обратно. Я никак не могла понять, почему он ещё не бросил со мной возиться, чего хочет добиться своим поведением? Впрочем, его упорные попытки разговорить меня только подстёгивали во мне любопытство узнать, сколько же он может так продержаться. Да,

я не была милой и доброй девочкой.

Вечером того дня, когда я обнаружила его на своей кухне, позвонила старшей сестре по скайпу. Мы списывались каждый день, она очень переживала не столько за мою ногу, сколько за эмоциональное состояние. На экране компьютера появилась загорелая блондинка с широкой улыбкой человека, живущего круглый год под тёплыми лучами солнца.

– Привет, крошка, – протянула она букву «е» в приветствии.

– Привет, мармеладка, – произнесла я, дико скучая по родной сестре, которую хотелось обнять, а не звонить по интернету.

– Ну как у тебя дела, как тот упырь, что тебя сбил?

Я с деланно безразличным видом пожала плечами и пересказала события минувших дней, радуясь тому, что связь очень плохая и моё покрасневшее изображение видится сестре на другом континенте с трудом.

– Ого! Да я смотрю, он ведёт себя как альфа-самец, вот уж интересно, как он выглядит, – восторгалась Ладка.

– Так ты посмотри в интернете, его можно найти, – ляпнула я, поздно осознав, что сестра без труда догадается, что мне стало известно данное знание исключительно практическим путем.

– Он такая знаменитость?

– Ага, имеет широкую известность в узких кругах, – кисло прокомментировала слова сестры, которая, очевидно, уже

приступила к поиску.

– Так, первое, что попадаетея, это роман Максима Горького «Жизнь Клима Самгина».

Я прыснула, едва не расплескав чашку с горячим чаем.

– Забавно, его родители чудачки, они вообще читали это произведение? Надеюсь, твой Клим не похож на героя Горького.

Я пропустила мимо ушей указание на принадлежность Клима мне, зная, что хитрый ум сестры обязательно добьёт моё смущение, если оно покажет сейчас признаки жизни. Но её замечание о схожести Клима с одноимённым героем классика заставило меня задуматься. Всё-таки, как бы ненавистно я ни относилась к молодому человеку, какие бы грехи ему ни приписывало моё воспалённое болью сознание, я не видела у этих тёзок общих черт.

– Слушай, Лё, а он горяч, – вырвала Лада меня из моих дум, – как ты ещё не расплавилась под этим блядским взглядом? У меня от одних его фото потеют ладошки. И ты говоришь, он разгуливал в одном полотенце? Чёрт! Всё, я беру билеты и вылетаю.

Если вы когда-нибудь читали в книжках о том, как некая девушка смеётся и этот звук похож на переливы колокольчика, то поверьте, услышать, как это звучит в реальности, можно, просто пообщавшись с Ладой. Мне казалось, что, когда мы родились, всю серьёзность отсыпали мне, а ей достался весёлый и лёгкий нрав.

– Стоп, сестра, тебя Лёша никуда не отпустит, – напомнила я ей о её русском эмигранте, из-за которого она покинула родину.

– Не вредничай! – надула она губы, и скайп завис, оставляя это изображение на целую минуту, пока сестра продолжала говорить, – почему бы тебе его не простить? Он красив, богат и, судя по всему, не так уж плох, если верить твоим же словам. Поверь, если бы тебя сбил дальнобойщик, а не богатенький мальчик, всё закончилось бы более плачевно.

Я тысячу раз прокручивала в голове возможные варианты развития событий, которые всегда начинались с «если бы». Если бы я дождалась зелёного сигнала светофора. Если бы он не гнал машину на предельной скорости. Если бы в то утро я не опаздывала. Если бы меня сбил не он...

6. Клим

Я чуть кофе не подавился в то утро, когда она стояла передо мной в коротких шортах и майке с тонкими лямками. Пижама скорее была детской, чем соблазнительной, но, несмотря на это, я почувствовал тяжесть в паху. Чёрт возьми, мне двадцать один год, мне никогда не нравились такие малолетки, разве что для потехи, развести очередную дурочку. А потом, когда она уткнулась в учебники, я смотрел на выступающие ключицы и думал о том, с каких это пор меня волнует эта часть тела у девушки, а не грудь или жопа.

Когда проснулся, Антонина Николаевна уже уехала на работу. Я не смог усмирить своё любопытство и не сунуть нос в секреты дома. Не то чтобы меня сильно удивила скромность этого жилья, я и так знал, что они живут небогато, больше вопросов вызывало то, что в этом доме не было никаких признаков того, что у Алёны и её сестры были когда-то родители. Я не увидел ни одной фотографии с ними, и мне очень бы хотелось понять, с чем же это связано. Зато целая стена была посвящена победам девушки, при том, что, когда я укладывал её на кровать, имел возможность наблюдать другие медали в её спальне. Должно быть, там хранились наиболее значимые. Почти все грамоты гордо отсвечивали большой единицей. Фотографии, на которых стояла Алёна на пьедестале, показывали мне серьёзную сосредоточенную девочку, ступе-

нями ниже стояли те, кто занимал места после неё, и их лица светились радостью вырванного призового места, пускай и не первого. Что-то в этой неулыбчивой девочке было невыносимо трогательное.

Её отношение ко мне по-прежнему оставалось как к пустому месту, меня для неё не существовало, и я не представлял, что нужно сделать, чтобы это исправить. Почти два месяца мы с ней ежедневно виделись, и за это время она не сказала мне ни слова! Мне кажется, если бы её жизнь зависела от стакана чистой воды, что я держал в руках, она продолжила бы умирать, но не попросила бы.

Макс специально приехал в город Н., чтобы иметь возможность действовать мне на нервы лично, а не по телефону. Я был на предприятии, утопая в бумагах и пытаюсь понять те аферы, что проворачивало местное руководство в ходе вывода денег, когда этот процесс прервал ввалившийся товарищ.

– Какого хера тебе тут надо? – спросил я недовольно, зная, что ему, скорее всего, просто наскучило в Москве.

– Приехал тебя спасать.

Я выразительно поднял бровь, смотря на него с сомнением.

– Эта девчонка, что бросилась тебе под машину, ты уверен, что всё произошедшее был не хитро спланированный план?

Честно говоря, эта мысль приходила мне в голову в день

аварии по пути в больницу, когда я не знал, кого сбил. Сейчас же, слушая слова Макса, мне стало противно от таких предположений.

– Уверен, если это всё, то проваливай.

Макс ещё удобнее устроился в кресле напротив, закинув ноги на мой стол.

– Нет, погоди, ты хочешь сказать, что этой девчонке не нужны твои деньги, уверен, что она не очередная голдигерша, что охотится за твоим кошельком?

Я откинулся на спинку кресла, хмуро взирая на друга. Он лучше других знал, как отталкивала меня алчность в женщине. Я никогда не заводил даже мимолетных отношений с кем-то ниже меня по статусу и семейным финансам, только ради потехи. Меня всегда бесили охотницы, что крутились вокруг. Правда, выбор девушек одного со мной достатка мало спасал, им тоже нужны были мои деньги. Бабла много не бывает, а устоявшееся выражение «деньги к деньгам» сохраняло свою актуальность.

– Боюсь, что ей не нужен ни я, ни мой кошелёк.

Макс убрал ноги со стола и наклонился вперёд, сложив локти на коленях, уставился на меня снисходительным взглядом.

– Клим, не включай дебила, мы сколько таких встречали, строивших из себя святую невинность.

Этот разговор раздражал всё больше и больше. Мне нечего было ответить Максиму, но знал, что, видя, как я богат, пре-

зрительное отношение ко мне Алёны не потеплело ни на градус, и меня, чёрт возьми, это радовало.

– Я не собираюсь тебя посвящать в подробности моих отношений с ней, так что иди лесом.

– Блядь, у вас уже и отношения! – превратно истолковал мои слова Макс. – А что, если ты узнаешь, что она такая же продажная, как и все остальные?

Не сомневался, что данный вопрос таил в себе предложение проверить Алёну, искутить деньгами. Сколько раз мы вместе разводили провинциальных девчонок, но повторять эту игру с ней я не планировал.

– Макс, – начал я, холодно вцепившись в него взглядом, – если я узнаю, что ты подошёл к Алёне ближе чем на сто метров, я тебя урою, понял?

– Я ничего такого не планировал, Ромео, – слукавил он, – я задал тебе конкретный вопрос. Что будет, если окажется, что она голдигерша?

– То же, что и со всеми до неё, – ответил я уверенно.

Почему-то верил, что Алёна не такая, не похожая на мою мать, не похожая на алчных девиц, которые гнались за мной, а точнее, за моими деньгами. Хотя я её почти не знал, но что-то чистое чувствовалось в ней, и казалось, если я сам к ней прикоснусь, то запачкаю.

Пожалуй, первое и до сих пор самое большое разочарование в моей жизни случилось в день, когда я узнал, что моя

мамаша, после того как удрала от нас, вышла через некоторое время на связь с отцом, чтобы предложить ему за определённую цену продолжать выполнять свои материнские обязанности. Я любил её, той безграничной любовью, которую может испытывать только ребёнок. Не понимая тогда, что она ничем не заслужила от меня этого чувства.

Отец её тоже любил. Фанатично. Я помнил, хотя был тогда совсем мелким, как он по ней страдал. Она выматывала его, выпивала до самого дна, а он кайфовал от этих больных отношений, потому что до неё ни одна баба себе такого не позволяла. Собственно, в этом он признался мне в один из вечеров, когда был сильно пьян, запивая Макалланом свою боль. Он говорил, что я похож на неё, такой же психопат, не способный испытывать настоящих чувств и эмоций. Может быть, в какой-то степени он и был прав. В день, когда я стал свидетелем их разговора обо мне, точнее, их торга о стоимости одной встречи со мной, мне кажется, я навсегда утратил какую-то часть человечности в себе. Мать выбила хорошую сумму, да вот я не собирался с ней больше видеться.

Моя бесчувственность лишь с Алёной давала трещину, непостижимым образом одно её молчаливое присутствие рождало во мне эмоции, которых я ранее не испытывал. Её упрямство бесило, её способность сжать свои чувства в кулак раздражала, её серьёзный прямой взгляд пробирал до костей, а маленький рот, который никогда при мне не изгибался в улыбке, вызывал больше всего вопросов. Как звучит её

смех? Какие на вкус её губы?

Нет, я не был в неё влюблён, по отцу знал, что влюблённый мужчина больше себе уже не принадлежит, поэтому я никогда не планировал заболеть этой холерой.

И мне не хотелось давать себе ответ на вопрос, почему, когда я видел, как она еле передвигает здоровую ногу после занятий с физиотерапевтом, бледная, словно утопленница, садится ко мне в машину, моё сердце болезненно сжимается. В один из дней мне захотелось понять, после каких попыток она еле живая, поэтому, высадив её, вместо того чтобы ехать на предприятие, я дождался, когда она зайдёт в здание, выждал некоторое время и направился к кабинету реабилитации.

Я увидел её через окно в двери. Она лежала в странной скрюченной позе на мате и вытирала тыльной рукой слёзы с бледных щек. Лишь усилием воли я переборол в себе желание переступить порог и не ударить врача. Не знаю, что он с ней делал, но ей было очень больно. Дождался, когда через час врач вышел из кабинета, поймал его, чтобы расспросить о девушке.

– Разработка достаточно болезненное мероприятие, а Комар очень настойчиво просит давать ей максимально допустимую нагрузку, – нехотя пояснил врач.

Я смотрел на него сжимая кулаки, опасаясь, что не сдержусь и заеду по его равнодушной физиономии.

Но лишь сжал зубы и вновь спросил:

– Но ей же больно, она плачет, так же не должно быть?!

Врач пожал плечами:

– Иначе прогресса может не быть, она это знает.

Я вновь обернулся к окну, продолжив наблюдать за Алёной, потеряв к доктору всякий интерес.

Она раз за разом, через боль, переступала через себя и продолжала занятие. Я-то думал, почему она проводит тут по полдня. Было предположение о том, вдруг ей понравился какой-то парень здесь, но казалось, что Алёну вообще ничего кроме восстановления не волнует.

Забыв про работу, сел на скамейку в холле, дожидаться её, не в силах больше смотреть, как она мучается. Хотелось с ней поговорить, но что я мог ей сказать? Спросить, зачем она так мучается? Убьёт на месте взглядом.

Вот она выходит, краше в гроб кладут, на лбу испарина, губы искусаны. Меня бы и не заметила, не поднимись я со своего места. Бросила остекленевший от боли взгляд и прошла дальше на костылях, пока не дошла к выходу и не прислонилась к кирпичной стене, жадно глотая свежий воздух.

Рядом с этой сильной девочкой все мои проблемы казались такой ерундой, как и вся моя жизнь до той ужасной встречи.

– Скажи мне что-нибудь, Алёна, скажи, что я могу сделать для тебя? – прислонившись к стене рядом, задал я вопрос, не ожидая услышать на него ответ.

– Просто не рождайся никогда.

Я задавал этот вопрос не для того, чтобы услышать на него реальный ответ, не потому, что он меня не волновал, а потому что потерял надежду, что когда-нибудь она решит снизить до разговора со мной.

Несмотря на всю ненависть, сквозившую в её голосе, я вдруг почувствовал надежду, что когда-нибудь стена отчуждения падёт.

Вот только вопросов к самому себе у меня всё прибавлялось. Почему я не могу развернуться и уйти, на кой чёрт мне сдалось это прощение, когда я и так сделал всё, что было в моих силах, и даже больше?

Некоторое время я решил не появляться в жизни Алёны, просто чтобы разобраться в своих чувствах, которым не мог найти объяснение, и дать передохнуть девушке от моего общества. Знал, что у неё на носу поступление в университет, а ортез скоро будет заменён эластичной повязкой.

То, что происходило в моей душе, очень напоминало ту одержимость, что чувствовал отец к матери. Неужели я встал на его грабли и способен что-то испытывать только к той, которая меня ненавидит?

Я пытался вспомнить, как проходила моя жизнь до аварии, позвал друзей в ночной клуб, напился, трахнул в углу какую-то блондинку, и вот уже кажется, что я не совсем потерял для общества.

Макс продолжал также тупо интересоваться «девчонкой»,

которую ты сбил», а обсуждать с ним Алёну было противоестественно, особенно учитывая, что о женщинах он был способен изъясняться лишь в похабном ключе. Честно сказать, я и сам недалеко от него ушёл.

В день очередного осмотра Алёны у её хирурга в Москве я был как на иголках. Лимит моих поездок в Москву был исчерпан, но направил к ней шофёра, который вскоре перезвонил и сказал, что от его услуг отказались. Вот же упрямая. Позвонил её лечащему врачу, услышал от него, что голеностоп успешно заживает и пациентка может потихоньку начинать ходить с опорой на повреждённую ногу. Я радовался как мальчишка этим новостям и одновременно корил себя, что в этот день не оказался с ней рядом.

Неделю за неделей я продолжал держаться на расстоянии, но чем больше времени проходило, тем яснее мне становилось, что я скучаю по девчонке и хочу её видеть. Это чувство всё нарастало и нарастало, как снежный ком, чем дальше, тем хуже и глубже, а у меня больше не было сил и желания думать о причинах, сейчас я просто нестерпимо хотел быть рядом.

Бросил всё, сел в машину и поехал к ней. Алёны дома не оказалось, её бабушка сказала, что с того момента, как ей разрешили ходить с опорой на ногу, она почти всё свободное время, как и раньше, проводит на тренировочной базе либо на парах в университете, куда она поступила.

Переборов в себе желание купить ей цветы или ещё ка-

кой-нибудь ерунды, которая обычно нравится девчонкам, я остановил машину у спортивного комплекса, наблюдая за тем, как атлеты мигрируют туда-обратно. Запахнул кожаную куртку – на улице начало холодать, и направился внутрь. Мимо шествовали полуголые девчонки, озорно мне улыбаясь, а я рассматривал с интересом их открытые спортивные тела, сравнивая с единственной знакомой мне спортсменкой.

Одна из девушек даже подошла и вручила свой номер телефона, забрав с собой моё обещание ей перезвонить. Ну может быть, если вдруг станет скучно и захочется экзотики.

Волею случая навстречу мне шла знакомая женщина, в которой я узнал тренера Алёны. Чтобы задать вопрос о том, где сейчас тренируется её подопечная, мне пришлось взять свои яйца в кулак. Фигурально, конечно. Она нехотя, но всё же ответила мне.

– И девок моих не совращай. А уж об Алёне в этом ключе чтобы вообще забыл, – дала мне наставление, когда я уже собирался идти по указанному направлению.

Никогда не интересовался спортивной гимнастикой, всегда, когда переключал на спортивные каналы, попадал на девушек с квадратной фигурой, без талии, но с бицепсами как у бодибилдеров. А сейчас взгляд зацепился за девушку с тонкой фигуркой в открытом спортивном костюме, с закрытыми на три четверти рукавами и полностью обнажёнными стройными ногами.

Она осторожно ступала по бревну, мягко, по-кошачьи, на одной ноге, точно балерина, провернулась вокруг своей оси, сделала ещё один шаг и встала на руки, удерживаясь на бревне и разводя ноги в стороны, демонстрируя идеальный шпагат. Казалось, не я один застыл в зале, а все присутствующие. Из её телефона, что лежал рядом со снарядом, я слышал композицию, которую она нашла в моем плей-листе, когда мы возвращались из Москвы, и по моим губам пробежала улыбка. Каждое её движение – язык тела, не требующий слов, поворот головы, взмах рук, и я понимаю, что нас для неё не существует. В этом зале только она, бревно под стопами и музыка. Гибкая, уверенная в себе, притягивающая взгляды, с зашкаливающей энергетикой, я видел перед собой возможную олимпийскую чемпионку, и меня пронзила за неё гордость.

Она закончила программу, и только теперь я увидел, что она дико устала. Я ждал, что сейчас раздадутся аплодисменты, но понять, что эти минуты все наблюдали за девушкой, можно было только по повисшей в зале тишине, когда прекратилась после выступления. Алёна опустилась на бревно, зажав между ног снаряд, и не сходила с места. Мимо неё прошёл какой-то парень, они хлопнули друг друга по ладоням, и он последовал дальше.

На меня шикнул кто-то из тренеров, дескать, нечего в уличной обуви ходить по матам, а мне плевать. Я вижу только её бледное, искажённое болью лицо. И глаза, такие же, как

и в нашу последнюю встречу. Она замечает меня, немного хмурится и садится вдоль снаряда, но не слезает с него.

– Тебе больно, – утвердительно произношу я вместо приветствия. Она кивает, и за тем, как плотно сжаты её губы, до меня доходит, что она держится изо всех сил, лишь бы не показывать слабость.

Кладу руки ей на бёдра, помогая спуститься, затем, придерживая за талию, веду к зрительным местам. К нам подходит её тренер и неодобрительно смотрит на девушку.

– Нельзя так, девочка, ты только ходить начала, потерпи, потихоньку надо, – мягко произносит женщина, от которой я не ожидал такого тона. Понимаю, ведь перед ней лучшая её ученица. Бриллиант среди фианитов.

Алёна кивает, будто соглашается с её словами, но я-то знаю, какая она упрямая.

– Просто соскучилась по бревну, – оправдывается она тихим голосом, говоря о спортивном снаряде словно о старом друге.

Когда мы выходим из гимнастического зала, выслушав наставления тренера о неразумном поведении подопечной, девушка, ещё больше опираясь на меня, начинает прихрамывать, сильнее закусывая губу.

– Может быть, я понесу тебя на руках до машины? – взволнованный её видом, спрашиваю, даже не зная, она уже говорит со мной или молчание будет продолжаться.

Качает отрицательно головой, и я вздрагиваю, когда слы-

шу её голос. Обращённый ко мне.

– Они поймут, что я не справляюсь, не хочу доставлять им это удовольствие. – Поднимает на меня напряжённый взгляд, облизывает пересохшие губы, а я, кажется, утрачиваю мозговую активность в те секунды, когда розовый язычок скользит по губам. – Мне надо в душ, но я не могу сейчас, не дойду.

Когда мой мозг выходит из анабиоза, я не в состоянии произнести ничего лучше:

– С удовольствием помог бы тебе принять душ, но не думаю, что меня пропустят в женскую раздевалку.

Я ожидаю, что она покраснеет или нахмурит в негодовании брови, но лишь вижу в её глазах новое выражение, взгляд, каким она никогда раньше меня не награждала.

– Пропустят, но не выпустят, – теперь она кусает губы, чтобы скрыть улыбку.

– Тогда не будем рисковать и вымоем тебя дома, – улыбаюсь я, наклоняясь и втягивая её запах, ощущая себя Жан-Батистом Гренуем из «Парфюмера» Зюскинда. В голове невольно всплыла картинка о том, как я собираю с её кожи запах, запираю его в маленькой колбочке и вдыхаю как наркотик через левую ноздрю. Чёртов психопат.

Мне хочется побыть с ней рядом ещё какое-то время, но вместо того, чтобы предложить поужинать вместе, везу домой. Алёна садится в машину на пассажирское кресло, притягивает ноги к себе и утыкается лбом в стекло, разглядывая

нехитрый пейзаж за ним, больше не обмолвившись со мной и словом. Хотелось бы знать, что творится в этой рыжей голове. Так легко с теми, от кого знаешь чего ждать, с такими сразу ясно, как себя вести, что нужно дать, чтобы утолить их желания, с ними всё просто, их потребности ограничиваются либо деньгами, либо сексом, либо и тем и другим. И Алёна, у которой, кажется, только одно желание, и то не связанное со мной. Я сам ухмыляюсь этим мыслям и тому, как глупо вляпался.

Дома Антонина Николаевна готовит для неё ванну, мне ничего не остаётся, как топтаться на месте, про меня, кажется, все забыли. Но нет, Антонина Николаевна подходит ко мне и приглашает выпить чая. А я сажусь и напряжённо жду, когда вернётся Алёна, чтобы вновь её увидеть. Она выходит в пижаме и закутанная в тёплый халат, на ногах толстые носки, и всё это будто для того, чтобы скрыться от моих жадных глаз. В какой-то момент понимаю, что её бабушка за мной наблюдает, от неё ничего не скрыть, и в первый раз в жизни теряюсь и ощущаю жар на щеках. Но я не вижу укора в глазах Антонины Николаевны, она словно всё понимает. И всегда понимала, даже то, чего я понять не мог, и внутри меня вновь раскрывается тепло к этой женщине.

Алёна пьёт чай с конфетами, поднимает свои невозможные бирюзовые глаза, такого необыкновенного оттенка, что они кажутся ненатуральными, смотрит на меня выжидательно, но молчит.

Вместо неё вопрос задаёт бабушка:

– Тебя давно не было, Клим. У тебя всё в порядке?

Я киваю, думая, как объяснить своё отсутствие, но Антонина Николаевна оставляет нас вдвоём, когда раздаётся трель домашнего телефона.

Алёна продолжает изучать меня прямым взглядом, перекачивая по рту конфету, мои глаза опускаются к её губам, которые, должно быть, сейчас имеют вкус барбарисок, что лежат в вазе. И у меня во рту всё пересыхает от мучительной жажды и голода. До боли в ладонях хочется почувствовать её кожу, пересадить к себе на колени и исследовать тонкую шею губами. Молчание между нами напряжённое и гудящее, говорящее больше, чем слова. Я вижу, как её губы приоткрываются, и она тяжело вздыхает, резко поднимаюсь из-за стола, сумбурно прощаюсь и исчезаю из этого дома, ошарашенный своими чувствами.

Мне нужен ни к чему не обязывающий секс, разрядка, иначе свихнусь. Набираю номер блондинки, которую недавно зажимал в клубе, чтобы спустить пар.

7. Алёна

Я наконец добилась своего, и он ушёл, перестал появляться в моей жизни. Пытаюсь заверить себя, что я этому только рада, но себе лгать сложнее всего. Неужели я так привязалась к нему за это время, что теперь то ноющее чувство в груди называется тоской? Мне грустно и хочется плакать, и в этот раз моя нога ни при чём.

Нет, я, конечно же, всегда понимала, что он не вечно будет со мной возиться, хотя, кажется, его терпению можно позавидовать. Не ожидала только, что он так долго продержится, учитывая мой тотальный игнор и вредный нрав.

С утра пары в университете заполняли мои мысли в голове. Кажется, здесь у меня даже появилась первая подруга. Девушка сама выбрала меня, под села рядом, когда я, по привычке, решила не присоединяться ни к одной из образовавшихся в нашем потоке группировок. Здесь я была тихой водой, проходящей через камни, а она шумным огнём, сжигающим деревья. Ей не нужно было знать, что я слушаю её щебетание, казалось, для девушки главное, что она не одна. Олеся была дочкой обеспеченных родителей, я пришла к такому выводу по дорогой одежде и аксессуарам. Раньше я бы сказала, что её семья богата, но всё познается в сравнении, и теперь я понимаю, что единственным моим богатым знакомым является Клим. Я же всегда выбирала одежду масс-

маркета, даже когда получала большие призовые. Она ярко красилась, а мне было достаточного боевого раскраса на выступлениях. Две противоположности.

Она говорила о парнях, с которыми знакомилась в клубах, а я думала о кривой ухмылке парня, исчезнувшего из моей жизни так же внезапно, как и появившегося в ней.

Я почему-то подумала, что, наверное, именно такие девушки, как Олеся, нравятся Климу, яркие, весёлые, живущие одним моментом. Я же горела напалмом на снарядах, отрабатывая любимые упражнения. И ненавидела много и попусту болтать.

Может, я обидела его, когда сказала, что хотела бы, чтобы он не рождался? Закрывая перед сном глаза, вновь и вновь прокручиваю в голове нашу последнюю встречу и понимаю, как глупо и жестоко тогда солгала. Я хотела просто, чтобы наше знакомство не обернулось для меня травмой, чтобы произошло иначе. Но вместе с тем я продолжала испытывать к нему негатив. Потому что он сынок богатых родителей, которому всё в жизни доставалось легко, потому что он любит быструю езду и шум двигателя, который слышен на другом конце города, а я ненавидела эту показуху, потому что он смотрит на других женщин раздевая, и мне хочется выколоть ему глаза за это. А самым горьким было осознание того, что, если бы жизнь свела нас при других обстоятельствах, он прошёл бы мимо меня и не обратил внимания.

Я старалась постепенно возвращаться в тренировочный

ритм, но это давалось мне крайне тяжело. Хотелось всего и сейчас, а тело мне этого не позволяло, щиколотка порой отекала так, что я почти не могла делать сгибательные движения в суставе, ходить было трудно.

В день, когда я почти не испытывала боли при ходьбе, мне захотелось испытать себя на любимом снаряде. С первого дня, как я вернулась в зал, я смотрела на снаряды, как дети смотрят на чужие, но желанные игрушки. Пусть нельзя, пусть ещё очень рано, но я продумала в голове серию элементов, при выполнении которых не будет нагрузки на повреждённую ногу, и подошла к бревну, погладив его замшевую поверхность, заклиная про себя спортивный снаряд помочь мне, делясь с ним своей энергией и беря его силу себе. Мне нравился баланс, который нужно было ловить, вместе с ним адреналин и раж от возможного падения. Я не боялась, знала, как падать, чтобы не задеть ногу. В спорте я вообще ничего не боялась, до аварии у меня было мало серьёзных травм, и я крайне редко болела, потому что не позволяла себе расслабляться.

Мне захотелось выполнить элементы под музыку, ассоциировавшуюся с Климом. Когда я была погружена в своё маленькое выступление под эту композицию, я почувствовала себя ближе к нему, и это меня грело. Стоило выстроенному набору элементов закончиться, как пришла ноющая боль, отнимающая все силы. Я опустилась на бревно, более не имея возможности пошевелиться и не представляя, как добраться

до дома. Боль разбивала и сдавливала.

Сначала я подумала, что это галлюцинация, когда увидела направляющегося ко мне уверенной походкой высокого худощавого парня. Слышала вздохи девчонок за моей спиной. *Глупые, если хотите его внимания, просто киньтесь к нему под колеса.*

Это так странно, что он ощутил опутывающую меня боль. Дотронулся до моих ног горячими ладонями, сжал бёдра и помог осторожно опуститься на мат, оставляя руку на талии. А я прильнула к нему, питаюсь его силой и уверенностью, вдыхая уже знакомый его запах, который кружил голову и помогал справиться с нахлынувшей болью.

Сейчас мне больше прежнего не хотелось показывать свою слабость. Когда вернулась в зал после больницы, почувствовала на себе торжествующие взгляды других девчонок, которые будто радовались моей травме. Не знаю, может быть, я это придумала и мне всё показалось, но их взгляды, направленные на меня, прожигали затылок, пока я тренировалась. И сейчас, видя меня с незнакомым парнем, все любопытно нас рассматривали. Он прижимал меня к себе не так, словно мне было больно и я нуждалась в поддержке, а будто я та девушка, которую ему хочется обнимать. Я была благодарна за это, и в данный момент мне было безразлично, что его побудило так себя вести.

В какой-то момент ужаснулась тому, что я вся пропитана потом после многочасовых тренировок, и боялась, что моло-

дой человек испытывает отвращение, даже подумала на секунду, что смогу принять душ, но с очередным шагом, который дался мне с трудом, отбросила эту идею.

Дома выпила обезболивающую таблетку и залезла в горячую ванну со специальным раствором, что приготовила бабушка. Он снимал мышечные боли и расслаблял. Но я не могла долго лежать, зная, что Клим за стеной. По крайней мере, я надеялась, что он не ушёл.

Укуталась в сто одежек, пытаюсь спрятать за ними своё смущение. Встретилась с ним глазами и попала в другое измерение, где никого кроме нас нет. Рассматривала красивое лицо, которое сейчас искажала не привычная кривая ухмылка, а болезненное напряжение.

Всё изменилось на следующее утро.

Боль больше не была ноющей, а разрывающей на куски. Я не могла не просто встать с кровати, а пошевелиться. Приехала скорая, врачи вкололи мне транквилизатор лошадиной дозы, и я лежала, глядя в пустоту, терзаемая собственным бессилием и страхом. Бабушка не пошла на работу, обеспокоенная моим состоянием, а у меня не было сил нацепить на лицо маску под названием «всё нормально, я справлюсь». Потому что сейчас я не была в этом уверена. Несмотря на обезболивающие, боль была страшной, взрывающей мозг. И самым страшным было то, что для того, чтобы подняться, мне снова понадобились костыли.

Физически не могла находиться в комнате, с помощью ко-

стылей вышла из дома и села под деревом на плед, который постелила бабушка. Не хотелось ни есть, ни пить. Жить не хотелось. Гнала эти мысли, но они змеями проползали в моё сознание и отравляли его.

Не знаю, сколько я так просидела, но вскоре приехал Клим. Бабушка, видимо, вызывала его как тяжёлую артиллерию, способную вывести меня на эмоции. Я знала, что её пугал мой отсутствующий взгляд. Бывало, сама в такие моменты смотрела на себя в зеркало и видела в глазах пустоту.

– Алёна. – Он присел на корточки рядом со мной, вглядываясь в моё лицо.

Не хотела смотреть на него, знать его не хотела, слышать не хотела.

Он нежно дотронулся костяшками пальцев до моей щеки, будто имел на это какое-то право. А я отшатнулась, точно очнувшись ото сна, и ударила его по плечам, по рукам и груди, по тем частям тела, которые попадали под руки.

– Ненавижу, как же я тебя ненавижу, Клим. Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу, – повторяла я словно мантру, нанося удары. А он даже рук моих не отводил. Терпел, ждал. Я била, пока не закончились силы, пока из глаз не потекли обжигающие слёзы. А он резко прижал меня к себе, так что я носом уткнулась ему в шею, и укачивал как маленького ребёнка, гладя по голове и заверяя, что всё в порядке, что всё будет хорошо. Не осознала, когда его губы коснулись моих ресниц, щёк, виска, изгиба подбородка, уголка рта. Он стирал мои

слёзы, боль и страх. И я потянулась к нему в немой просьбе непонятно о чём. Он накрыл мои губы своими, утоляя мою жажду и возвращая её обратно. Мы целовались до жара в лёгких, когда мои губы уже начали болеть и меня, кажется, отпустило. Наконец оторвались друг от друга, тяжело дыша и смотря в глаза, словно виделись в первый раз.

– Ты тут? – глухо спросил он.

– Тут, – ответила я, зная, о чём именно он, и коснулась лбом его лба.

Клим продолжал меня обнимать, и мне вдруг действительно перестало быть страшно оттого, что я не знала, смогу ли вновь выступать как раньше, смогу ли достигнуть своей мечты и выльются ли во что-то мои многолетние старания. Просто он был рядом, а мне было хорошо. Здесь и сейчас.

Бабушка могла видеть нас в окне, и мне стало неловко оттого, что мы вот так сидим за домом под деревом, а он целует меня в шею, отчего слабость растекается по телу.

– У тебя был когда-нибудь парень? – вдруг спросил Клим, прикусывая мочку уха, так что мурашки побежали по телу.

– Нет, не было времени, и мне никто не нравился, – ответила я как есть.

– Совсем-совсем никто? – удивился он, но в его вопросе я расслышала улыбку и самодовольство.

– Совсем-совсем, – покачала я головой.

Он оторвал губы от меня, чтобы посмотреть мне в глаза прищурившись.

– Но ты ведь не первый раз целуешься?

Я улыбнулась и вновь отрицательно покачала головой.

– Не в первый.

Вспоминать о своем небольшом и неудачном опыте желания не было.

– И с кем?

Не понимала, почему он задаёт эти вопросы, что изменит его знание моего прошлого.

– С парнем из мужской команды гимнастов, – произнесла и сделала то, что мне хотелось с того момента, как увидела его, стоящего на кухне в одном полотенце, тщетно убеждая себя, что видела тела и лучше. Запустила ладонь под его свитер, чтобы дотронуться пальцами до плоского живота и груди. Дыхание парня резко сбилось, и он сжал моё запястье, не позволяя исследовать дальше.

– Так нельзя делать, если не хочешь продолжения прямо сейчас, – пояснил он севшим голосом, забывая, о чём был наш диалог.

Мне было невдомёк, какой эффект произвели на него эти лёгкие касания. Но я не была дурочкой и знала, о каком продолжении идёт речь, и точно не была к этому готова. Поэтому только кивнула, убрала руку и услышала опечаленный выдох парня.

Клим поднялся, а затем взял меня на руки и отнёс в мою комнату. Бабушку мы не встретили, и я очень надеялась, что она не стала свидетелем сцены в саду.

Клим посадил меня на кровать, развязал шнурки на кроссовках и отложил их в сторону.

– Я бы с удовольствием отнёс тебя в ванную и искупал, но думаю, так далеко твоя бабушка нам не позволит зайти, – произнёс он с кривой улыбкой, бережно растирая мою повреждённую ногу. – Знаешь, ведь это стало моей навязчивой идеей.

– Это?

– Да, – он поднял лукавые глаза, – ты в душе. Постоянно думаю об этом.

Наверное, мне стоило залиться румянцем, как и полагается не самой опытной девушке, но я лишь улыбнулась и наклонилась, чтобы почувствовать губами его улыбку.

Он тяжело втянул сквозь стиснутые зубы воздух, прежде чем заговорить.

– Не могу от тебя оторваться, это сумасшествие какое-то.

Мы посидели вдвоём так ещё некоторое время, а потом он ушёл, и я вдруг осознала, что это ещё один момент, когда я была счастлива, я собрала это ощущение, запечатала его и сохранила в памяти, среди других таких мгновений. Когда отец ещё был с нами и мама была счастлива, а Лада спала в соседней комнате. Когда я выиграла первую золотую медаль. Когда прошла отбор в сборную.

Потом, лёжа в кровати, я вдруг поняла, что даже не заметила, в какой момент боль отпустила.

Весь следующий день в университете я чувствовала себя глупо-счастливой, не хотела думать, в какой момент из горячей поглощающей ненависти вдруг родилось новое, пока не до конца понятное мне чувство.

Олеся вновь рассказывала о парнях и новых заведениях, открывшихся в городе. Я и в старых-то не бывала, поэтому информация мало меня волновала. Впрочем, такая же ситуация была и с парнями.

Мы вдвоём спускались по лестнице, планируя перекусить перед началом последней пары, когда через окно увидела Клим, стоящего у машины на университетской парковке. Парень был так хорош собой, что в груди защемило. Чёрная майка, низко сидящие на узких бёдрах джинсы и волосы, что бил в стороны ветер. Он смотрел в сторону дверей учебного заведения, словно ждал и выглядывал кого-то. По губам сразу расплзлась улыбка. Сердце ухало в груди в предвкушении встречи с ним, новых поцелуев, его объятий и возможности дышать запахом его парфюма.

Пока рассматривала его, совсем забыла, что рядом Олеся, которая не преминула проследить за направлением моего взгляда.

– О, это же Клим! – толкнула локтем, обрадовавшись, одноклассница. – Я тебе говорила о нём, – самодовольно продолжила она, – наверняка он приехал забрать меня. Это тот парень, с которым мы познакомились в клубе, а потом он позавчера мне позвонил и пригласил на свидание.

Меня будто под дых ударили, так что я едва не согнулась пополам, когда сложила в уме дважды два, вспоминая недавний вечер за чаепитием дома. Боже, какая дура!

Олеся продолжила рассказывать подробности этого «свидания», отчего тошнота подступила к горлу.

– Я забыла распечатать материалы монографии в библиотеке для доклада, ты иди на обед, а я приду сразу на пару, – торопливо проговорила я, чувствуя, как в горле всё сжимается.

Олеся была только рада избавиться от балласта в моём лице и, не задавая лишних вопросов, летящей походкой сбежала по лестнице. Сил наблюдать за тем, как они будут общаться, не было, и я, не разбирая дороги, направилась в соседнее здание через университетский зимний коридор, соединяющий корпуса. Не хотела их видеть. Его видеть.

Как сразу не поняла, что тогда им руководила жалость ко мне! Банальная жалость к девчонке, которую сбил, и которая страдает! Конечно, как могла понравиться ему в таком разбитом состоянии? Глупая! Глупая дура!

Я ненавидела это чувство. Всю жизнь была уверена, что жалость – это последнее, что я хотела бы вызывать в людях. Тот, кто жалеет, может, и не понимает этого, думает, что проявляет какую-то положительную эмоцию во благо. Но жалость разрушительна. Жалуют тех, кто сам себе уже не в состоянии помочь.

Никогда не забуду похороны мамы в доме бабушкиной по-

други, когда собралось много людей, которых я видела впервые в жизни, и как хотелось скрыться от их маслянистых глаз, они смотрели, точно дѣгтем обмазывая меня. Я пряталась от них за сестрой, но они всё равно проползали сквозь неё прямо на меня и пачкали.

Они смотрели на нас в упор, не стесняясь, обсуждали снисходительным тоном, и никого из этих посторонних людей, которые когда-то знали маму, мы не волновали. Им просто было любопытно посмотреть, как мы втроём справляемся с тем, что на нас свалилось.

Я вновь и вновь слышала выражение сожаления той участи, что настигла нас, они видели, в каком положении мы оказались, и им казалось, что в их-то жизни в общем-то всё не так уж и плохо. Ну а мы с сестрой уже вряд ли из всего этого выкарабкаемся, словно на нас поставлено где-то клеймо, будто и нас непременно ждёт похожая участь, выбора-то нет, путь, проложенный матерью, и нам положен. Ведь плоть от плоти, яблоко от яблони и прочее и прочее.

Отправила эти воспоминания в самый тёмный угол сознания и села на подоконник, обхватывая раскалывающуюся от потока мыслей и предположений голову руками. Я же его практически не знала, ничего о нём толком не знала, знала, что он богат, и было очевидно, что обычно меняет девушек как перчатки. Хотела стать первой единственной? Ну получи тогда место очередной, до которой были, и после которой – будут! А ты лишь «одна из» в этом легионе девиц.

Снова пытаюсь совладать с потребностью пореветь, была бы Лада рядом, так бы и поступила просто потому, что сестра обняла бы, сказала, что он козёл и вообще я у неё лучше всех. А когда никто этого не скажет, не обнимет, к чему реветь? Вот поревела вчера, получила порцию жалости от человека, для которого я просто допущенная на дороге ошибка, вызывающая угрызения совести, а поцелуи как способ отплатить за причинённую боль. Да и, как выяснилось, ему по большому счёту всё равно кого целовать, я просто рядом оказалась.

Сейчас я впервые в своей жизни испытывала, что такое ревность. Будто кто-то мне прямо в вену заливает кипяток, разбавляя мою кровь обжигающей жидкостью, он бурлит во мне, как котел в аду с грешниками, сжигая, оставляя после лишь пепел сомнения, неуверенности и нежелания делиться другим человеком.

Это чувство казалось просто чудовищным, диким, гадким, оно меня портило и изматывало, и в мой адский огонь воображение, как в топку, подбрасывало картинки развлекающегося с другими Клима. Как с этим возможно жить?

Ревность сдавливала грудь и мешала дышать.

Я успела заполнить им время с момента, как моя голова касалась подушки, и до отправления в объятия Морфея. Эти минуты были посвящены перелистыванию памяти с проведёнными с ним моментами и фантазиями о нас. И всё же я

старалась до конца не отдаваться этой мечте, понимая, что мечта – она потому и мечта, что недостижима. Я могу добиться цели в виде медали Олимпийских игр, я знаю, как это сделать, если нога меня не подведёт. Я просто буду очень много и усердно трудиться. Я знаю, как сдать все экзамены, для этого я готова не спать ночами. Но я понятия не имела, как получить желанного человека.

Хотелось скрыться где-то, не видеть его, не ждать, когда он захочет встречи со мной. А ведь я ждала. Уже давно поняла, что где-то в глубине души давно начала радоваться, когда он вновь и вновь приходил.

– Таисия Андреевна, – набрала я номер своего тренера, – можно к Вам приехать?

Тренер была фанатом спортивной гимнастики, и её дом, который находился немного в отдалении от города, был оснащён почти всем необходимым для тренировок, кроме разве что снарядов. До травмы, когда мне хотелось сменить локацию, часто гостила у неё.

– Приезжай, конечно, я тебя встречу на остановке, – без лишних сантиментов, как всегда по делу, ответила тренер.

Бабушку предупредила, что останусь у Суминой на все выходные, когда забирала из дома необходимые вещи и книги, планируя подготовиться к семинарам. Нужно было забить чем-то голову. Нога больше не болела, но всё же не рисковала устраивать изматывающие тренировки.

Пора отпустить Клима из своей жизни, не держать его ненавистью, которую уже давно не испытывала. Да и сама не знала, на него всё это время злилась или на самом деле не могла признаться себе, что себя ненавидела и себе не могла простить допущенную на дороге непозволительную ошибку.

8. Клим

Я расцепил её руки, неожиданно прытко оказавшиеся сомкнутыми на моей шее, и оттолкнул от себя, как надоедливую липучку-лизуна, с трудом вспоминая её лицо из череды других расплывающихся в моей памяти лиц девушек на одну ночь. Чувствуя безграничное раздражение от того, что этот город настолько мал, что я мог нечаянно встретить любую девчонку, которой мой член уделил некоторое время.

Хотел встретить Алёну и забрать на обед, изучив её расписание на сайте факультета. Звонил, но всё было впустую. Не понимаю, что снова происходит? Неужели после вчерашнего вечера она вдруг поняла, что совершила ошибку и снова ненавидит меня, как и раньше?

Впрочем, кого я обманываю? Мне даже не важно, что конкретно она ко мне испытывает, ненависть или симпатию. Её эмоции были такими чистыми, после моей пропитанной насквозь фальшью жизни, что я сам больше не испытывал потребности в привычных играх. Просто потому, что впервые я чувствовал, что со мной честны.

Смотрел на неё, и казалось, что сейчас мои скитания прекращены, а я вернулся в дом, которого у меня никогда не было, и совсем не важно, где мы были. Моим домом была она.

Я всегда был импульсивен, горяч в своих действиях и решениях, окружающие знали мой взрывной характер, но ря-

дом с ней на меня снисходило умиротворение. В самый острый период нашего знакомства, когда она находила в себе силы бороться со сложившимися обстоятельствами в ненависти ко мне, я приходил к ней в палату учиться у неё спокойствию.

Я не уехал и после того, как у неё закончились все пары по расписанию, сидя в машине у выхода из корпуса, где они проходили. Раздражённо барабанила пальцами по рулю, ждал её как идиот. Но она так и не вышла. Я был уверен, что не проглядел её, но не был уверен в том, что она проглядела меня. Увидела и сбежала?

Тревога о том, что она могла себе напридумывать всякой ерунды, разгоралась во мне всё сильнее.

Хорошо, я дам ей время. Не хочу за ней бегать. Она всё же взрослая девочка.

Но только один день, если она не выйдет на связь и завтра, ей не уйти от разговора со мной.

Меня терзали воспоминания о её теплой коже, пахнувшей как самый лучший день в моей жизни, я вбирал его в себя, когда она сидела на моих коленях, отчего мне сносило крышу. Не думал, что кто-то может пахнуть так, что у меня только от запаха будет вставать член, а я – начинать сходить с ума, так что сознание туманилось и глаза заволакивало пеленой.

Отец считал, что я должен как-то оправдывать своё су-

ществование, и работа была для меня привычным делом с четырнадцати лет, когда Анатолий Самгин решил, что с детством пора заканчивать, а сыну показать мир бизнеса и шлюх. Мало что понимал, но присутствовал на почти каждом рабочем совещании отца, начинавшемся после обеда и порой заканчивавшемся ближе к ночи. Сонный шёл на учёбу в школу, где мне всё прощалось за большие благотворительные взносы родителя. Отец говорил, что учёба бесполезна без опыта и именно он первичен. Сначала меня это дико бесило, но с каждым годом я видел в этом избавление. Избавление от отца. Только обретя самостоятельность, я смогу больше не находиться в его власти, а потому брал у него все знания, которые он так хотел мне передать. Лишь эта мысль останавливала меня от того, чтобы не погрузиться полностью в существование сибарита, прожигающего жизнь. Впрочем, чтобы отец не думал, что ему удалось подчинить меня себе, я устраивал специально для него встряски, которые часто освещались в светской хронике. Чем больше я узнавал Алёну, тем скорее мне хотелось получить свободу.

Но работа и цифры, с которыми я всегда был дружен, перестали быть подходящим лекарством от мыслей. Весь вечер и следующий день я был на взводе, как заряженный пистолет, готовый вот-вот выстрелить. Закурил впервые с тех пор, как бросил год назад на спор. Одна за другой, шагами из угла в угол.

Не найдя себе места, сел в машину и направился к ней

домой привычным маршрутом.

Слышу стук собственных костяшек об дверь спустя пятнадцать минут. Антонина Николаевна открыла через минуту и выглядела удивлённой моим визитом.

– Здравствуй, Клим, ты что-то хотел?

Я посмотрел за её плечо, будто мог увидеть там прячущуюся девушку.

– Здравствуйте, я к Алёне, – сказал очевидное.

– О, – протянула бабушка девушки, – я думала, ты знаешь, что она поехала в загородный дом своего тренера.

Женщина была явно удивлена не меньше меня. Только она удивлялась тому, что я не знаю, где ее внучка, а я – тому, что она сбежала от меня даже из собственного дома. Понятия не имел, что делать, чувствуя себя полным придурком.

– Гм, – прочистил горло, – Вы не могли бы сказать, где живёт тренер? Мне нужно поговорить с Вашей внучкой, но она не берёт трубку.

Знал, что не имеет смысла что-то скрывать от Антонины Николаевны. Ведь не было же моей вины за то, что девчонка прячется от меня. Или была? Ничего не понимаю. Взъерошил волосы, пытаюсь скрыть нарастающее раздражение.

Приехав к дому тренера, просидел некоторое время в машине, докуривая пачку сигарет, пряча гнев, всё также нервно барабая по коже руля. Никогда не бегал за девчонкой и был уверен, что никогда и не начну. Это что, начало кон-

ца? Дальше я буду останавливаться у кондитерских витрин с плитками шоколада «Алёнка» и утирать слезу умиления?

Дверь открыл долговязый подросток, примерно возраста Алёны. Я смерил его оценивающим взглядом, пытаюсь понять, не из-за него ли она тут.

– Привет, позови Алёну, – резко сказал я.

Он тоже внимательно осмотрел меня с ног до головы, мою машину и скривился.

– Ты вообще кто ей? – парень выпятил грудь, как петух, всем видом демонстрируя, что он не из робкого десятка.

Знать бы еще самому ответ на его вопрос.

– Друг. Позови или мне самому её найти? – любопытство молокососа раздражало, будь он со мной одной весовой категории, украсил бы его лицо отметинами от своих кулаков.

– Стой, сейчас скажу ей. Захочет она выйти или нет, не знаю. Друг. – Последнее слово он выплюнул с явной иронией в голосе.

Через минуту Алёна появилась у ворот. Вид у неё был такой растерянный, что я отмёл доводы о том, что она хотела лишь подогреть мой интерес к себе.

– Привет, – тихо произнесла она, закрывая за собой дверь ворот, – что ты тут делаешь?

– Привет.

Я смотрел на неё молча минуту, впитывая в себя её образ. Она выглядела уставшей, хотя на щеках алел румянец, делая её необыкновенно привлекательной. Рыжие волосы растрё-

панно падали на плечи, словно она только что распустила ранее собранные в пучок волосы. Не смог отказать себе в удовольствии пропустить сквозь пальцы гладкую прядь. Живимы в средневековье, её точно первой бы бросили в костёр. Маленькая рыжая ведьма.

– Почему ты не отвечала на мои звонки? – задал я встречный вопрос, внимательно наблюдая за ней.

Она пожала плечами, явно пытаясь придумать что-то в своё оправдание, скосила взгляд куда-то за мою спину, стараясь не смотреть на меня.

– Не хотелось ни с кем разговаривать, – почти прошептала. – И, Клим, давай забудем тот вечер.

Пояснять, какой вечер она предлагала мне забыть, было ни к чему. От злости я схватил её за запястья и резко дёрнул на себя.

– Это из-за того дрыща ты тут?

Она испуганно смотрела на меня глазами, полными удивления. Таким она меня раньше не видела. Да, чёрт возьми, всё это время мне удавалось сдерживать своих демонов, и девочка вряд ли понимала, что я в действительно представляю из себя. Но какое бы успокаивающее действие она на меня ни производила ранее, в данный момент мне казалось, что чека выдернута и я вот-вот взорвусь.

– Я не понимаю, – произнесла она, сводя тёмные брови.

Я немного встряхнул её в раздражении, будто это могло помочь ей догадаться.

– Тот парень, который открыл дверь, – членораздельно пояснил я сквозь сжатые зубы.

Теперь её брови взлетели вверх.

– Ты про Антошку? – поняла она, вдруг весело улыбнулась, немного склонив голову, с новым интересом рассматривая меня. – Это сын Таисии Андреевны. И он не имеет к моему отъезду отношения.

Выдох. Сейчас, когда она была в моих руках, ужасно хотелось обнять её и зацеловать, так сильно, что меня начало потряхивать, как бывает, когда поднимается температура под сорок и бьёт в сильном ознобе.

– Отпусти, – снова перейдя на шёпот, попросила она.

Я перевёл взгляд на свои пальцы, сжимающие её запястья, и понял, что после этого на её нежной коже могут появиться синяки. Медленно их разжал, удивляясь, что превращаюсь из-за неё из спокойного человека в неандертальца с разгоном за секунду от нуля до ста восьмидесяти километров в час.

– Не отпущу, – сказал я, не руки имея в виду. – Поехали отсюда?

Алёна обернулась, бросив взгляд на ворота, то ли в попытке оценить возможности для побега, то ли ещё зачем-то.

– Клим, прекрати, – она распрямила плечи, стараясь вдохнуть больше воздуха, мельком бросив взгляд на меня перед продолжением, – если хочешь знать, то я больше не испытываю к тебе ненависти, не нужно всего этого, ты мне ничего не должен, и никогда не был должен. Я сама во всём виновата.

Б*я*ь. Теперь я ни черта не понимал. Так и знал, что в её рыжей голове вертится какая-то лишняя ерунда. Снова запустил руку в волосы, немного потянув, чтобы ощутить лёгкую боль для прочистки мозгов.

– Забирайся в машину, и поговорим нормально, не понимаю, какое отношение авария имеет к тому, что мы чуть не трахнулись позавчера под деревом.

Алёна вздрогнула, будто это воспоминание причиняло ей боль. Мы смотрели друг на друга в звенящем и потрескивающем от напряжения воздухе. Зажгись спичка – и вспыхнет пламя.

– Ну да, меня под деревом, Олесю в клубе, и кого-нибудь ещё неподалеку на газоне, так ведь, Клим? – она вздёрнула упрямый острый подбородок, обнажая не возбуждение, а гнев, горько изгибая губы в подобии улыбки.

Олеся. Чёрт. Так действительно звали девчонку, что вешалась на меня в ночном заведении и у стен университета. Теперь пазл сложился. Возвёл глаза к небу, спешно придумывая оправдание, но не находил. Что я мог сказать? Что хотел её так дико, что не мог держать член в штанах? Жалко звучит даже в моей голове. Что Олеся для меня ничего не значит и я едва способен запомнить её имя? Как ни крути, а вывод один – я ублюдок.

Металлическая дверь скрипнула, и появилась тренер, прожигающая меня не менее грозным взглядом, чем в день

знакомства. Алёна смутилась, словно её поймали на месте преступления, и тут же потупила взгляд.

– Молодой человек, Вам не кажется, что Вы ведёте себя недопустимо?

Хотелось ответить, что именно, мне кажется, но я сдерживался ради Алёны, она бы не простила мне грубости с этой женщиной.

– Таисия Андреевна, всё в порядке, – спешно заверила девушка, – я сейчас подойду.

Женщина кивнула, хотя в глазах читалось недовольство, но всё же оставила нас.

Когда мы остались вдвоём, я подошёл к Алёне, желая её коснуться, но она отстранилась от меня, делая шаг назад, так что я на миг застыл, а потом моя рука рухнула вниз.

– Тебе лучше уехать, я остаюсь. Пока, – быстро произнесла она, прежде чем трусливо попытаться сбежать.

Я в два шага нагнал её и, положив ладонь на металлическую дверь, захлопнул, едва она открылась. Алёна стояла не поворачиваясь ко мне, продолжая сжимать пальцы на дверной ручке.

– Уходи.

– Алёна. – Я был так близко, что подбородком задевал её макушку. Знал, что осёл, что не знаю, как вести себя с ней, что не достоин её и должен бы уйти, но не могу.

– Я прошу. Пожалуйста.

Не хотелось оставлять её и давать время «подумать», по-

тому что знал, что всё, что она надумает, будет ещё хуже, чем сейчас. Следовало бы перекинуть через плечо и закинуть в машину. Первобытные инстинкты давали о себе знать. Но вместе с тем я злился на её упрямство. Хотелось бы быть таким же равнодушным, каким я был всегда и с другими, но ничего не выходило, развернуться и уйти стоило мне всей силы воли, что в данный момент у меня была.

Мне было безумно интересно, сколько продлятся эти чувства к ней. Потеряю ли я к ней интерес после первого секса или, может быть, спустя месяц, а вдруг всё продлится год или два? Как скоро мне наскучат чувства, которые я получаю рядом с ней? Нет, я не верил в долгую «вечную любовь». В общем-то я ни в какую любовь не верил. То, что я испытывал к девушке, несомненно, было ново и свежо. Меня влекло к ней с непреодолимой силой, и одновременно она делала меня лучше и добрее, чем я был на самом деле. Рядом с ней мне не хотелось раскрывать свою тёмную сторону, но всё же она у меня была, и я знал, что всегда не смогу вести себя как пай-мальчик.

Только разница между Алёной и всеми остальными девушками, среди прочего, была в том, что меня интересовали её чувства. Моей целью не было оставлять её с разбитым сердцем, как бы самоуверенно с моей стороны это ни звучало, но я подозревал, что исход будет именно таким. Девушки склонны много мечтать, а я не хотел её обманывать словами о том, что нас ждёт светлое и счастливое будущее. И

всё же мне хотелось залезть в её голову, владеть её мыслями, даже осознавая, что всё закончится печально и, скорее всего, только для неё.

9. Алёна

– Не нравится мне этот парень, ох не нравится, – причитала Таисия Андреевна.

Я сидела молча, наблюдая, как оседают на дно стакана чайинки. Мне было неловко за возникшую ситуацию, и я ума не могла приложить, что делать дальше. Мой «побег из Шоушенка» вышел не очень удачно – чуть не конвоировали обратно.

– Знаю я таких парней, поматросит и бросит. Ведь на лице написано крупными буквами «подонок».

Поёжилась от такого нелицеприятного описания.

– Да нет, Таисия Андреевна, мне кажется, что он не такой уж и плохой, – как-то жалко выгораживала его я. – Потом, он столько сделал для моего выздоровления.

Тренер фыркнула.

– Ну конечно, после того как едва не отправил тебя на тот свет. Пойми, девочка, ты можешь пройти через такого, как он, либо с большими, либо с малыми потерями. Выбирать уж тебе. И всё будет зависеть только от того, насколько глубоко ты вступишь его в своё сердце. Я бы рекомендовала не пускать вообще. Но вижу же, что поздно.

Вновь залилась жарким румянцем в подтверждение сказанных слов. В глубине души я понимала, что моя наставница права. Видела это в том, как молодой человек провожает

девушек взглядами, как они смотрят на него и как ему это нравится. А вдруг он влюбится настолько, что будет видеть только меня? Слабая надежда. В сказки я давно перестала верить.

– Поверь старой тетке, – продолжила учить жизни тренер, – я давно живу на свете. Тебе нужен хороший парень, который будет тебя любить. А не такой, как он, с жадными глазами.

Верить-то верила, да поделаться ничего не могла. Мыслями возвращаясь к Климу раз за разом. Рядом с ним я испытала самое дикое возбуждение за всю свою короткую жизнь. Стоит ли залезать в собственный панцирь только для того, чтобы не испытывать потом боль?

Я провела пальцем по кромке стакана, думая, озвучить следующую мысль или придержать её при себе, но всё же решилась.

– Но что такого страшного, чтобы сильно влюбиться? Пусть даже потом страдать. Неужели лучше вообще не испытывать эмоций?

Таисия Андреевна пару секунд раздумывала над ответом.

– Влюблённость бывает разная. Порой полюбишь человека и даже после того, как чувства угаснут, с теплотой вспоминаешь. А бывает любовь такой, что после неё не душа, а выжженное до пепла поле.

– Что же мне делать? – больше самой себе задала вопрос.

– Найди хорошего парня, а не этого.

Мне не хотелось верить мнению тренера, казалось, что просто у Таисии Андреевны была неудачная первая любовь. Вот бабушка, например, ни разу не сказала ничего плохого про Клима, кажется, даже симпатизировала ему. Может, это потому, что у них с дедом была первая и единственная любовь на всю жизнь и никто бабушке сердце не разбивал? Деда, правда, я не помнила, он рано умер, и я понятия не имела об их отношениях.

Когда вечером следующего дня вернулась домой, то мне очень интересно было узнать мнение бабушки. Я кружила по кухне, не зная, как подобрать слова для разговора, и всё решила начать с самого простого.

– Баб, а что ты думаешь про Клима?

Она подняла глаза и внимательно посмотрела на меня, тяжело вздохнув.

– А какое это имеет значение? – ошарашила встречным вопросом.

– Не понимаю, бабуль, я просто хочу узнать твоё мнение о нём.

Бабушка грустно растянула губы в подобии улыбки.

– Я думаю, что ты поступишь так, как считаешь нужным, и никакое мнение, даже моё, тебя не остановит.

Я вдруг поняла, что крупно ошиблась. И дело было вовсе не таким, как изначально мне казалось.

– Ты тоже, как и Таисия Андреевна, ему не доверяешь? –

светла я брови.

– При чём тут, что думаем мы, крошка? – произнесла бабушка. – Это твоя жизнь – твои ошибки. Ты сама всё понимаешь, иначе не задавала бы эти вопросы.

Я рассказала бабушке о произошедшем с Суминой диалогe.

– Ты думаешь, я не пыталась вразумить твою мать, когда она влюбилась в вашего с сестрой отца? Мои наставления приводили к обидам и уходу дочери из дома к нему же, – при упоминании отца лицо бабушки кисло скривилось, – а в итоге она выскочила за него замуж и мне об этом не сообщила!

Бабушку эта тема всегда очень задевала, поведения своей матери никогда не понимала, так как я души не чаяла в бабушке. Может быть, когда бабушка была моложе, она и совершала какие-то ошибки в воспитании, но ко мне её отношение было скорее трепетное, нежели строгое. Да и ограничивать меня было не в чем, я сама себе всегда ставила рамки, за которые не выходила.

– Бабуль, расскажи, неужели у них всё было так плохо?

Этот разговор часто у нас заводился, но бабушка не любила говорить ни о моей матери, ни об отце.

– Твоя мама всегда была слабой и ранимой, я так боялась, что ты или Лада возьмёте часть её характера.

Бабушка встала из-за стола и налила себе крепкий кофе.

– Таня как кошка влюбилась в твоего отца, ходила везде за ним, надыхаться не могла, хотя и была гораздо старше тебя,

но легкомысленная до невозможности! Не знаю, в кого она такая, – продолжила печально и с какой-то безнадежностью бабушка, сделав глоток обжигающе-горячего напитка словно для храбрости, а может быть, чтобы притупить боль от воспоминаний о дочери, – хотя сколько у неё поклонников было – не счесть, всё выбирала-выбирала, а они пороги обивали, цветы несли. И тут появился он, ни цветов, ни подарков, чувств, мне кажется, у него к ней даже особых не было, но и не гнал её ведь, при себе держал. А она любила вашего отца до безумия, страдала по нему, когда он с другими гулял, и прощала каждый раз, когда домой возвращался.

Я видела, что бабушка, рассказывая это, сильно нервничает, мне хотелось подойти к ней, обнять и утешить. Я лишилась матери, но и она лишилась дочери. Раньше бабушка не была столь многословна, максимум, что мы с Ладой знали, это что отец не хранил верность и, когда он в очередной раз ушёл, мама сильно запыла. Мне было семь, когда отец нас бросил. Просто ушёл к другой женщине и принял её детей как своих, а про нас с сестрой забыл. Мама, видимо, не смогла справиться с этими чувствами.

– Потом, когда он ушёл из их съёмной квартиры, дочка вновь вернулась ко мне, душу изливала, – она сжала с силой маленькую кофейную чашечку, – рассказала, что он пришёл и сказал, что уходит к другой, которую полюбил по-настоящему, сказал, что по возможности будет помогать деньгами, но жить больше с ней не может. А Таня мне это рассказы-

вала и повторяла, что жить без него не хочет, – последние слова бабушка прошептала, а я вскинула на неё испуганный взгляд.

С того момента как ушёл отец, не проходило и дня, чтобы мама не была в той или иной степени опьянения. Первое время она даже работала и пыталась делать вид, что всё нормально, красилась дрожащими руками, иногда была весёлой, обычно после того, как очередной ухажёр угощал дорогим алкоголем. Но когда её отпускало, она точно с цепи срывалась, кричала на меня и Ладу без повода, просто чтобы выплеснуть пар. Я в страхе зажимала уши руками, лишь бы не слышать, как она орёт. Всё свободное время я старалась проводить на тренировках, потому что дома становилось невыносимо. В минуты нежности, когда она обнимала меня, я чувствовала сладко-горький запах алкоголя, который исходил из её пор, словно она вся пропиталась им.

Уже будучи взрослее, я поняла, что, если бы мы не жили с бабушкой, мама начала бы и мужчин водить в дом, но так как ей это не позволялось, порой она не появлялась неделями, уходя в загул. Даже сейчас я не могла себе полностью признаться, что, когда её не стало, я испытала облегчение. Мне было невыносимо видеть её пьяное одутловатое лицо на тощем теле. Помню, как она пришла пьяная ко мне на тренировку и устроила скандал, когда тренер пыталась её выпроводить. Испытанный тогда мною стыд не знал границ, мне хотелось лечь под маты и там умереть. Этот день мне потом

ещё очень долго припоминали.

Я не могла вспомнить тот день, когда последний раз видела папу, и слова о том, что он будет помогать, меня крайне удивили. Он никогда не искал встреч с нами, хотя найти дочку, которую показывают по спортивным каналам во время соревнований, не так уж и сложно. Я знала, что у него давно другая семья, но никогда не могла понять, как он смог, уйдя от женщины, забыть и своих родных дочерей? Впрочем, что изменилось бы от того, что время от времени он навещал бы нас? Я уже была слишком взрослой и только радовалась, что меня воспитывала бабушка, а не чужая женщина, которая теперь делит мою фамилию. Никогда не любила сказку про Золушку, слово «мачеха» пугало до ночных кошмаров.

– Бабуль, скажи, что было дальше, – тихо попросила я, прислонившись к дверному проёму.

Бабушка потёрла виски и подняла полные боли глаза.

– Я не знаю, в чём виновата, почему это случилось с ней, ни я, ни её отец никогда не пили, и то, что происходило с ней, вызывало во мне беспомощность, руки опускались от того, что я ничем не могла ей помочь, а она и не хотела помощи. Не знаю, был ли в этом виноват Александр, я или это просто было неизбежно. Помню, как возвращалась с работы и увидела с улицы пожарную и скорую машины у нашего дома. Первое, о чём тогда подумала, что тебя с сестрой быть не могло в это время, но всё равно со страхом побежала узна-

вать, для кого скорая. Не сомневалась, правда, для кого. Как сказали пожарные, она не проснулась, умерла во сне, забыв потушить сигарету.

Бабушка закрыла лицо руками и заплакала. И я плакала, стоя у стены. Слезы крупными каплями стекали по щекам от осознания того, что мама просто взяла нас и бросила, как бросил отец. Она не подумала о нас с сестрой, о своей матери, она думала только о себе, о том, как ей будет легче и проще.

Я подошла к бабушке и обняла её со спины, прижимаясь к её такой родной щеке.

– Бабуль, ты ни в чём не виновата, не плачь, у тебя я есть и Ладка-мармеладка. Не плачь, а то я сама не могу остановиться.

И так, в семь лет я фактически потеряла отца, и тогда же, можно сказать, не стало и мамы. Хотя на бумаге она умерла, когда мне исполнилось одиннадцать.

Свою маму я любила когда-то, любила до того, как она спилась, но алкоголь почти полностью уничтожил её личность. После смерти мамы бабушка смогла заменить мне родителей, и, пожалуй, заботилась о нас сестрой даже лучше, чем они.

Часто в фильмах с усыновлёнными детьми последние кидают обидную фразу своим приёмным родителям, дескать, вы мне не родные. Помню, меня всегда удивляло это, и, как бы мы порой ни ссорились из-за спорта, сказать что-то по-

добное бабушке у меня бы не повернулся язык. Я любила бабушку безмерно. Пока она жива, у меня всегда будет дом, детство и безгранично любящее меня сердце. Мысли о том, что она не вечна и я могу потерять эту безусловную любовь, я даже не допускала.

Дом после пожара если и подлежал восстановлению, то у нас таких средств не было. Бабушка продала его вместе с участком, но на вырученные деньги ей не удалось купить хоть какое-то жильё.

Мысли, с которыми я начала этот разговор с бабушкой, куда-то развеялись. Я хотела узнать её мнение о Климе, а точнее, я хотела услышать от неё опровержение словам Тасии Андреевны, но оказалось, что бабушка просто готова была принять любой мой выбор, каким бы он ни был, и не позволяла себе суждений о Климе.

До этого разговора я никак не связывала поведение Клима и собственного отца по отношению к матери. Но сейчас, когда я слышала от бабушки про измены, о которых знала и раньше, мне стало не по себе. Участь матери всегда меня пугала до дрожи, и с детства я поставила перед собой цель никогда не повторять её ошибок, но каким-то причудливым образом судьба свела меня с человеком, чьё поведение вряд ли будет сильно отличаться от поведения отца. От этого вывода на душе стало очень гадко. Я понимала, что не смогу быть с человеком, который не способен хранить верность, и

просить о чём-то подобном Клима не имело смысла.

Ум подсказывал держаться от него подальше, сердце к нему тянулось, а тело горячо желало. Осталось придумать, как удовлетворить потребности первого, не навредив второму, и получить третье.

В отличие от других девушек, которые быстро впадали в уныние из-за неудач на любовном фронте, у меня было своё лекарство от бед. Когда я была поглощена тренировками, вся окружающая действительность прекращала иметь для меня значение. Это был мой способ общения с миром, моя медитация и молитва.

Я натягивала на себя спортивные леггинсы, сверху тёплые штаны, топ и на него толстовку, щиколотку фиксировала специальная повязка, волосы стягивала резинка. К концу тренировки все вещи на мне полностью пропитывались потом, он стекал со лба на ресницы, я стирала его рукой и продолжала заниматься. Я знала, что тело ещё не вошло в привычный ожесточённый тренировочный ритм, поэтому организм так реагирует на нагрузки.

Пока мне было недоступно и запрещено делать почти все гимнастические элементы, но я как могла занималась, стараясь совсем не растерять мышцы, которые пока просто таяли.

Нога от этих стараний почти всегда ныла, щиколотка опухала, и приходилось давать перерыв. Тренер, гоня остальных спортсменов, меня пыталась останавливать. Ей казалось, что я в принципе не могу себя щадить и не знаю меру

и грань, где кончается обычная тренировка и начинается изматывающая, опасная для жизни.

А мне, наоборот, казалось, что я делаю недостаточно много. Не могла остановиться, мной двигал страх, который шептал, что если я остановлюсь и отдохну, то не получу желаемое, поэтому я могла работать только на пределе своих возможностей, до потери пульса.

Занимаясь, услышала призыв тренера подойти всем присутствующим к ней. По правую руку от тренера стояла девушка, одетая в нарядный леотард, и широко улыбалась, обнажая ровные зубы.

– Хочу представить вам нового члена нашего клуба – Анастасию Малевскую, очень перспективная спортсменка. Прошу любить и жаловать.

Девочки поздоровались с ней, проявляя интерес к новенькой. Я слышала о ней, она хорошо показала себя на последних чемпионатах, которые я пропустила. От новенькой буквально исходили волны самоуверенности. Она ушла разогреваться перед отработкой элементов.

Таисия Андреевна решила устроить показательные выступления по опорному прыжку. Девочки выстроились в ряд, ожидая своей очереди, а я стояла сложив руки на поверхности бревна, с завистью наблюдала за ними. Хотелось быть там, с ними, вернуться к нормальным тренировкам, а не только быть сторонним наблюдателем.

Девочки одна за другой выполняли упражнение, и вот по-

дошла очередь новенькой, нам было интересно посмотреть на неё, поэтому все глаза обратились в её сторону. Девушка с блеском выполнила упражнение с повышенным элементом сложности, не совершив ошибки в обеих попытках.

Вижу, как ко мне направляется Катюша, как её называла тренер, имевшая ко мне особо негативное отношение.

– Что, Комар, ты больше не лучшая здесь? – ядовито спросила она, смотря на меня со странным выражением триумфа. Поняла бы, если вдруг она вообразила себя лучше меня, однако ж ведь она не имела никакого отношения к тому, что на базе появился кто-то, кто может соперничать со мной.

– Сидоренко, – также фамильярно обратилась я, – легко быть лучшей из худших, может, сейчас мне станет интереснее.

Толкнув её плечом, я прошла мимо, испытывая удовлетворение от сказанного. Раньше я смолчала бы на подобный выпад из-за своего нежелания причинять боль словами, однако ведь никто не щадил моих чувств...

Я продолжила свою тренировку, но мысли крутились вокруг новенькой, её успехов, о том, как мало времени осталось до Олимпиады, о том, что появятся новые соперницы и в России, и на международных соревнованиях, о том, что сейчас не просто нахожусь в самой худшей своей форме, а выбита из боевой готовности, и каким будет заключение врача, не известно. Таисия Андреевна слишком давно меня зна-

ла, чтобы не заметить, как мои руки буквально опускаются.

– Алёна, что с тобой происходит? – она отвела меня немного в сторону, чтобы не было свидетелей разговора.

– Таисия Андреевна, я боюсь, что всё зря, что вся эта мышиная возня, которой я занимаюсь, мне ничем не поможет, когда я вернусь в строй, и я только теряю из-за травмы время, – я произнесла это, стараясь не смотреть в глаза тренера, чтобы она не разглядела в глубине моей радужки подступающее отчаяние.

– Алёнка, у тебя всегда всё слишком легко получалось, там, где другие работают годами, ты выполняла с первого раза. Сколько раз я замечала, как тебе стоит только показать какой-то сверхсложный элемент, и ты его можешь исполнить, буквально попробовав пару раз. Это время, которое сейчас у тебя есть, нужно, чтобы ты усмирила своё эго, – она положила свою ладонь на моё плечо, по-матерински обнимая, – приняла то, что происходит с твоим телом, и была благодарна, что врачи тебе дали надежду на восстановление.

Не сказать, чтобы её слова меня образумили.

– Чему мне радоваться, Таисия Андреевна, – пылко возразила я, – тому, что не могу теперь вообще ничего делать?

Почувствовала, как тренер тяжело вздыхает от глупости своей любимой подопечной.

– Я о том и говорю, прими эту ситуацию, смирись с ней, а когда врач даст добро – борись, как можешь только ты. И Бога ради, не сравнивай себя ни с кем, самый главный твой

противник – это ты.

Тренер отпустила меня заниматься, а я села на мат, смотря на свою переломанную щиколотку, спрятанную под эластичными бинтами. Смысл слов тренера ускользал от меня. Что она хотела мне сказать, что я должна сейчас делать?

Усмирить эго? До этих слов я никогда не думала, что страдаю таким недугом, но разве сейчас мне не хотелось выйти на помост и показать, что я всё ещё лучшая, разве не невозможность доказать, что я первая, выводила меня из себя?

Таисия Андреевна, когда что-то не получалось, повторяла одну и ту же фразу: просто делай, просто тренируйся. Мне было стыдно за эту вспышку страха, спорт не терпит слабости, особенно спортивная гимнастика, и я просто пошла тренироваться как могла.

Меня не волновало второе или третье место. Я работала ради золота. Любая другая медаль будет для меня проигрышем. В спортивной гимнастике есть только один шанс получить желаемое. Потом, через четыре года после предстоящей Олимпиады, придут новые спортсменки. Более юные и менее травмированные.

Не так много осталось до главных соревнований, пока же моим билетом была медаль чемпионата мира в упражнениях на бревне, но я знала, что это достижение нужно будет подтвердить.

После успешного чемпионата, когда вместе с другими на-

шими гимнастками выиграла серебро в командном зачёте, благодаря чему сборная России получила лицензию на предстоящую олимпиаду, мне неоднократно приходили предложения перейти к другому тренеру и тренироваться в Москве.

Я тренировалась у Таисии Андреевны с девяти лет, когда она рассмотрела меня на небольших соревнованиях и забрала к себе на новую и самую крупную после «Озеро Круглое» спортивную базу в стране. Ради этого мы продали всё, что у нас было в небольшом сибирском городке, и всей семьёй перебрались в город Н. Мама на тот момент уже мало что соображала, поэтому все решения, касающиеся моего будущего, принимала бабушка. Она не хотела менять нашу обустроенную и привычную жизнь, тогда я не понимала, на что пошла моя семья ради эфемерной спортивной карьеры девятилетней девчонки. Я умоляла её меня отпустить, на базе была возможность жить с другими девочками, которых отбирали по всей стране, но бабушка не соглашалась пускать меня одну.

Тот вечер, когда Таисия Андреевна пришла к нам домой поговорить о моём отъезде, я не забуду никогда. Наверное, это был один из переломных моментов моей жизни. Бабушка и так знала, что я способная и трудолюбивая, но порой со всем своим трудолюбием ты можешь биться об стену и никогда не проломить её, если нет особого дара. Не разбираясь в этом виде спорта, мою бабушку волновал лишь один вопрос: есть ли у меня талант.

– Безусловно. – Таков был ответ моего будущего тренера.

Одного этого слова было достаточно, чтобы бабушка отравила меня собирать свои вещи для отъезда, и через пару дней я уже ехала в поезде вместе с Таисией Андреевной. Бабушка, мама и сестра смогли переехать в город Н. только через полгода. И те шесть месяцев без родных людей были одними из самых сложных в моей жизни до аварии. Таисия Андреевна слишком многое сделала для меня, чтобы я могла променять ее на неизвестного мне тренера, поэтому все подобные предложения мной отклонялись. Первое, что сделала бабушка, когда приехала в город Н., забрала меня из школы при базе и перевела в обычную, понимая, что там никто не будет снисходительно относиться ко мне.

Во время тренировки что-то дёрнуло меня поднять глаза на зрительные места. Клим стоял на трибуне второго этажа, рядом с худощавой девушкой, явно из художественной гимнастики. Лицо её мне было знакомо, может быть, мы даже общались. Она пыталась привлечь его внимание, но парень, казалось, её особо не замечал.

Ревность острой иглой пронзила сердце.

Я остановилась и хмуро смотрела в его сторону, Клим это заметил и растянул губы в кривой улыбке. От его самодовольства меня вдруг охватил такой гнев, что хотелось подойти и дать ему в нос, чтобы хотя бы чуть-чуть испортить красивое лицо.

Эта его улыбка так меня взбесила, что я просто отряхнула руки и ушла в раздевалку. Настроение, поднятое тренировкой, во время которой нога почти не беспокоила, пошло на спад. Сняла с себя тяжёлую мокрую одежду и залезла под горячий душ, подставляя ноющие мышцы под сильные струи воды. Вместе с водой утихла злость и уходило раздражение. Я очень надеялась, что, когда покину раздевалку, его уже не будет. Переодевшись в повседневную одежду, расчесав мокрые волосы, с которых стекали на толстовку капли, я всё же решила и вышла.

Увидела его, как только открыла дверь. Стоял прислонившись к стене и ждал.

– Ты долго, – констатировал он факт, не здороваясь.

Удивилась, что за время пребывания у дверей женской раздевалки гимнастки не облепили его со всех сторон, как коалы секвойю.

– Тебя никто не просил ждать, – сказала я резче чем хотелось бы, обнажая раздражение.

– Я соскучился.

Два слова, а меня будто молнией пробило насквозь. За семнадцать лет я научилась сдерживать эмоции, но сейчас чувствовала, как маска безразличия трещит по швам.

Перекинув спортивную сумку через плечо, я пошла по длинному коридору спортивного комплекса, слыша, как Клим шагает следом.

– Не заметила, чтобы ты скучал, – не сумев скрыть горечь,

прошептала, смотря прямо перед собой.

Клим обогнал и пошёл спиной вперёд, так чтобы смотреть мне в лицо.

– Ревнуешь?

Я встрепенулась.

– Хочешь, чтобы ревновала? – подняла левую бровь, имитируя удивление.

– Хочу.

Не могла понять, как так, это ведь больно, разве можно так поступать? Вызывать ревность, которая выжигает всю душу кислотой. Хотелось ответить той же монетой, показать, каково быть мучимым этим чувством. Но не была уверена, что способна на такое.

Злость помогла мне не раскиснуть, хотя глаза как магнитом тянулись к его лицу. Мы не виделись неделю, и я тоже скучала.

Сейчас мне так не хватало подруги-сверстницы, чтобы поговорить и обсудить хаос, творящийся в сердце. С Олесеи теперь точно только одноклассницы, и ничего более. В любом случае, в университете общение складывалось лучше, там никого не интересовали мои спортивные заслуги и среди прочих студентов я никак не выделялась.

– Поужинаем где-нибудь? – спросил Клим, открывая передо мной дверь.

Мы вместе шли по парковке, и я заметила, что ребята, с которыми тренировалась, с нескрываемым любопытством

смотрели в нашу сторону. Раньше меня никогда не видели с посторонними парнями, учитывая, что я ни с кем не встречалась, за исключением тех эпизодов, когда мужская команда не решила поспорить на «кто первый завалит чемпионку на лопатки», а вот с Климом уже видят не в первый раз.

Я случайно встретила взглядом с Кириллом, который тоже был среди тех, кто спорил на меня. Он отличился от остальных, сдав своих товарищей. Просто подошёл и признался во всем, сказав, что считает спор подлым, и даже сообщил, будто я ему нравлюсь. Как девушка. А я смотрела на него и пыталась сообразить, это тоже часть спора? Вот сейчас он будет пытаться затащить меня в постель якобы проявленной честностью?

Даже не плакала, когда его слова подтвердились. Только чувствовала себя вещью, которую захотели смыть в унитаз. Ведь с людьми так не поступают. И я ничего плохого им не делала. Один из спорщиков в своё оправдание сказал, что я слишком высокомерна, хожу задрав к небу нос, вот и решили они меня проучить. А я просто построила между собой и остальными стену, потому что устала от вечного третирования за то, что не такая, как все. Потому что долгое время не могла позволить себе носить модные вещи, потому что нет родителей, потому что мать была алкоголичкой, потому что работаю не покладая рук, потому что ни с кем не дружу.

Кирилла я простить не смогла и не захотела, потому что он мог признаться во всём гораздо раньше, а признался, ко-

гда ему было это удобно. До того, как я проявила слабость и поверила одному из них, словно наивная дурочка, которая посмела думать, будто может кому-то понравиться.

Кирилл хмуро смотрел в нашу сторону. После того случая он больше не проявлял активность, поэтому неожиданно возникший интерес удивлял.

Переведя взгляд на Клима, я поняла, что он поймал наше невербальное общение с Кириллом. Давно заметила, что, когда молодой человек начинал злиться, все его мускулы будто напрягались, готовясь к атаке. Мне стало не по себе от того, как он сейчас смотрел на меня. Будто считал своей. Вещью.

Эта догадка меня не радовала.

– Ты решила мне отомстить?

Я и не сразу сообразила, что он пришёл к выводу, будто я плачу ему той же монетой. Забавно, ведь я об этом действительно думала.

– Ты решил, будто я больше не должна ни на кого смотреть? – упрямо выпятив подбородок, парировала.

– Садись в машину, Алёна, – кивнул он в сторону нового автомобиля, за рулём которого я его раньше не видела.

Если минуту назад я ещё допускала мысль поехать с ним, то теперь его голос звучал как угроза и предупреждение, заставляя меня опомниться.

– Ты знаешь, я, пожалуй, лучше пройду до остановки.

Клим подошёл ко мне вплотную и наклонился к уху.

– Либо ты сейчас сама садишься, либо я тебе помогу. Вы-

бирай.

Это был шантаж, он однозначно понимал, что мне не захочется скандала. Я отстранилась от него, пытаюсь заглянуть в глаза, дабы найти в них адекватность. Но Клим и не думал смотреть на меня, его взгляд был обращён за мою спину. С нехорошим предчувствием я обернулась и поняла, что они с Кириллом враждебно рассматривают друг друга. Два хищных зверя перед нападением оценивают силу противника. Я и сама мысленно сравнила их. Кирилл был мощный, накачанный атлет, а Клим пусть и был выше, но худощавее. Хотя на уровне инстинктов чувствовалось, что именно Клим из этих двоих куда опаснее.

Обогнув парня и закинув спортивную сумку в багажник красного Шевроле Камаро, я опустилась на пассажирское сиденье рядом с водителем и застегнула ремень безопасности. Клим сел в машину спустя некоторое время, через окно я видела, что с минуту он просто стоял, не двигаясь с места.

Когда дверь за ним захлопнулась, Клим молча выехал с парковки и вдавил до упора педаль газа, так что меня по инерции отбросило на сиденье.

Я видела, что он чертовски зол. Он выехал на загородную трассу, и я понятия не имела, куда мы держим путь. За окном мелькали, расплываясь в зелёное пятно, деревья и встречные машины. Мощный двигатель и конструкция машины сглаживали скорость, но я видела, как нервно дёргается стрелка спидометра, приближаясь к двумстам километрам в час.

Интуитивно почувствовала, чего он ожидает от меня. Думает, буду просить сбавить скорость или остановиться. В этот момент мне больше всего хотелось закрыть глаза и не испытывать страха, усмирить учащённое дыхание, но от охватившего ужаса во рту всё пересохло, правой рукой я судорожно сжимала ручку двери, а левой упиралась в центральную консоль.

Он был упрям в своём желании услышать мою мольбу, но и я была не менее упёрта. Ненавидела, когда мной пытались манипулировать. Дрожащими руками с трудом добралась до ремня безопасности и отсоединила его, сжимая до скрежета зубы.

– Верни ремень на место, – прозвучало холодно.

– Раз уж решил попасть со мной в аварию, то на этот раз я хочу наверняка и насмерть.

Он мельком взглянул на меня и начал сбавлять скорость, после чего и вовсе остановил машину. Его руки напряжённо прощлись по коже руля, сжав длинными пальцами нижнюю часть. Он тоже тяжело дышал, продолжая оставаться на пределе, напряжённый и взвинченный.

Самым странным в этой ситуации было то, что, несмотря на страх, я испытала возбуждение. Когда видела, как он управляет машиной на огромной скорости, как пальцы сжимают руль, переключают механическую коробку передач, как сжаты челюсти от охватывающих его чувств, когда просто видела его красивый профиль, на котором угадыва-

лись сильные эмоции. Ревность? Вот и я поняла теперь, отчего ему так хотелось, чтобы я ею мучилась. Ядовито-сладкое чувство триумфа теплом опаляло моё нутро. Я стыдилась этого и одновременно наслаждалась.

Повернулась к нему боком, не в силах скрыть улыбку, что так и норовила залезть на губы. Сейчас, когда страх остался позади, во мне играло веселье. Клим считал это по моей расслабленной позе.

Не знаю, откуда во мне появилась эта смелость, почему я забыла про вереницу девушек, что он водит в постель, и то, что я могу также оказаться одной из многих. Ненадолго. На время. Но сейчас мне нестерпимо хотелось вновь почувствовать вкус его губ, и я потянулась к нему, запуская в его волосы пальцы, притягивая к себе. Он был удивлён, явно не ожидая подобного. Помогать мне не стал, но и не отталкивал. Он даже не отвечал на поцелуй, замер, не двигался.

Я отстранилась в судорожной попытке скрыть разочарование, в то время как Клим разворачивал автомобиль, явно намереваясь вернуться в город. Поездка прошла в гнетущей тишине. Меня сжигал стыд от собственной глупости, ненужности.

У Климa была интересная особенность. Он мог быть со мной рядом каждый день, приезжать ко мне, звонить, интересоваться самочувствием и тренировками. Создавалось впечатление, что я ему важна и, может быть, даже нужна, а

это вызывает зависимость.

Спустя две недели с нашей последней встречи, когда я поддалась чувствам, а он просто привёз меня к бабушке и сухо попрощался, даже не посмотрев в мою сторону, данное утверждение разрушилось об стену абсолютного молчания. Я перестала его интересоваться даже быстрее, чем предполагала. Ничего не оставалось, кроме как глушить мысли о нём изматывающими тренировками и учёбой.

После окончания пар в университете я чувствовала себя безумно уставшей. Впереди светили очередные тренировки и подготовка к семинарам. На лекциях я всегда старалась запомнить как можно больше информации, впитывала её в себя, зная, что времени на изучение у меня не будет. Нужно возвращаться в форму к соревнованиям, в которых я даже не была уверена, что буду участвовать. В спортивной гимнастике мало кто обходится без травм, до аварии у меня были растяжения, вывихи, после которых я всё равно возвращалась в свою прежнюю форму, но перелом и разрыв связок – это совсем другая история. Я боялась, что после аварии могла потерять свою психологическую стабильность, которая, как говорила мне тренер, была моей суперспособностью, утратить уверенность в себе, на их место мог прийти страх навредить травмированной ноге, снова получить перелом или разрыв связок. Уже сейчас я с трудом преодолеваю в себе желание побережь ногу, порой мне снились кошмарные сны о том, что я оступаю на ровном месте, получаю новое повреждение

голеностопа, а дальше скорая, хирургия и длительная реабилитация. Я просыпалась в ночи в холодном поту, а днём прихрамывала не потому, что нога болела, а потому что эти страхи владели мной.

С нетерпением ожидала поездки к своему хирургу в Москву. МРТ и рентген покажут, могу ли я заниматься в полную силу без ограничений. Пока же я не смела делать прыжки и соскоки, да и тренер не разрешала. А потому мне казалось, что, несмотря на тренировки, я занимаюсь ерундой. Ни одного полного отработанного до конца элемента. Так я не могла отшлифовать свою соревновательную программу до совершенства, до золота.

Без сил, я, еле передвигая ноги, заткнув уши наушниками, брела в сторону остановки. Пока не споткнулась на ровном месте, увидев знакомое лицо. Клим шёл в компании неизвестных мне парня и девушки. Нет, это была не просто девушка. Это была настоящая королева красоты, модель с глянцевой обложки. Именно такую я с ним и видела рядом.

Высокая, почти с него ростом, тонкая, как эльфийка, с длинными по пояс блестящими каштановыми волосами и округлой грудью, которую едва прикрывал шёлковый топ. Она шла по улицам моего города, как диковинное создание, точно ступала по подиуму на миланской неделе моды. Мужчины сворачивали голову, и только то, что она шла с молодым человеком, останавливало их от свиста ей вслед.

Мой взгляд опустился на его руку, что по-хозяйски поко-

илась на её тонкой талии. Я с силой сжала кулаки, так что ногти вонзились в кожу.

И снова стало ужасно стыдно за собственную глупость и самонадеянность. Ну как я могла подумать, что он мог мной по-настоящему заинтересоваться? Напридумывала себе ерунду, увидела то, чего нет на самом деле. Где я и где эта красавица? Где я и где Клим?

Нет, я не считала себя некрасивой или недостойной, просто была обычной девчонкой. Когда мимо меня проходили мужчины – они проходили мимо. Внимание парней на тренировочной базе легко объяснялось моим статусом чемпионки мира по спортивной гимнастике, и для многих из них переспать со мной значило повысить собственный рейтинг перед другими парнями. Именно поэтому я давно поняла, что у меня больше не будет отношений с парнями из спортивной гимнастики, которые метили девчонок, проставляя на них после секса воображаемое тавро.

Больше всего на свете сейчас мне хотелось провалиться сквозь землю, так как сбежать я уже не могла. Он меня заметил, и это выглядело бы слишком трусливо. Я стояла как громом поражённая и не знала, куда себя деть. Собрав себя по кусочкам, я пошла вперёд, лишь кивнув ему в знак приветствия, резко перевела взгляд в обратную от троицы сторону.

Шаг. Ещё шаг. Кажется, что ноги вот-вот подогнутся и я свалюсь прямо тут.

Перед самой остановкой меня схватили за руку и так резко развернули, что один из наушников выпал из уха и повис на шнуре, а я ударилась носом в грудь Клима.

– Я тебя звал, почему ты не отвечала? – как всегда со стальными нотами в голосе, когда что-то шло не по его плану, требовательно спросил Клим.

Мне ничего не оставалось, как молча приподнять выпавший наушник и показать причину. Он моментально расслабился, я видела, как напряжённые мышцы опустились под рубашкой, но локоть мой продолжал сжимать.

– Отпусти. Я очень устала. К тому же тебя ждут, – поджав губы, напомнила я.

– Я тебя подвезу.

Посмотрела за его плечо. Неподалеку стояла оставленная им компания и с нескрываемым любопытством наблюдала за нами.

– Тесновато будет в машине, – вновь намекнула.

Он поморщился.

Я начинала серьёзно злиться, меня достали эти игры. Выдернув локоть, я гневно смотрела на него, задыхаясь от возмущения.

– Надоело, Клим. Ты мне надоел. Я не хочу тебя видеть и слышать. Отстань. От. Меня.

Пока он переваривал сказанное, я, заметив остановившийся автобус, не разбирая его номера, запрыгнула внутрь. Меня всю колотило. Сердце ухало в груди, и единственное,

чего бы мне хотелось, – это обнять подушку и проплакаться.

В голове царил хаос. Я совершенно была сбита с толку. Чего он хочет? То он пытается вызвать мою ревность, через минуту сам ревнует, когда я всего лишь перекинулась взглядом с Кириллом, не отвечает на мой поцелуй, пропадает на неделю и объявляется с девушкой, а затем бежит за мной, чтобы предложить подвезти. Закрадывались сомнения в его нормальности, все признаки биполярного расстройства налицо.

Я ума не могла приложить, зачем им была запланирована эта «случайная» встреча. К такому выводу я пришла просто потому, что казалось слишком подозрительным, что для прогулки он выбрал мой обычный маршрут из института на базу.

Злость была сильнее обиды, поэтому желание поплакать в подушку быстро прошло. Только какая-то дикая моральная усталость, скопившаяся за эти недели, что я его не видела и мучилась мыслями о нём, разом обрушилась на меня.

Ужасно опаздывала на тренировку, сев на автобус с маршрутом в обратном от базы направлении, могла бы и раньше выйти, да так погрузилась в собственные мысли, что слишком поздно опомнилась. В итоге вновь впопыхах торопилась на тренировку, прихрамывая на одну ногу.

Ворвавшись в тренировочный зал, застала странную картину – группка спортсменов столпилась вокруг тренера и

что-то оживлённо обсуждала. Аккуратно пристроившись, будто стою тут уже давно, пыталась разобраться, о чём речь.

– О, Алёна, привет, – заметил меня Кирилл.

Я кивнула ему и поздоровалась со всеми остальными.

Кирилл подошёл ближе и пояснил:

– Мы тут обсуждаем, куда поехать на выходных, пока совсем не похолодало.

Последнее время Кирилл уделял слишком много внимания, которое меня смущало. Я знала, что если у него есть ко мне симпатия, то я никогда не смогу ответить ему взаимностью. К тому же не знаю почему, но он вызывал у меня отторжение, может быть, из-за того, что произошло ранее, может быть, просто это был совершенно не мой человек, но я старалась свести наше общение к минимуму, однако он не обращал на мои попытки особого внимания и продолжал навязывать своё общество.

Я не относилась к тем, кто может долго раздумывать, нравится им что-то или нет, для меня это в равной степени относилось как к людям, так и к вещам. Кирилл мне не нравится, а встречаться с ним назло Климу, для самоутверждения или просто от скуки (на которую, впрочем, времени не было), я не планировала. Каждую минуту, что он находился рядом со мной, я думала о том, как скорее от него удрать.

У ребят впереди были соревнования, и, должно быть, эта поездка была нужна, чтобы эмоционально их расслабить перед выступлениями.

Как сказала тренер после того, как я получила травму:

– Девочка, тебе повезло, что ты травмировалась сейчас, когда самые важные соревнования завершены, – имея в виду чемпионаты России и мира, – успеешь восстановиться.

Эти слова меня мало утешали, но, действительно, в последние месяцы года остались лишь некрупные соревнования местечкового масштаба, ни на что не влияющие. Моя задача оставалась прежней – восстанавливаться и попасть в сборную России на Олимпийские игры. Но с какой тоской я смотрела на ребят, которые должны были скоро выступать. Сердце рвалось на помост, показать программу, показать, на что я способна.

– Комар, – строго произнесла Таисия Андреевна, – ты поедешь со всеми.

Вот так, тренер не спрашивала, она приказывала. Могла бы возразить, отказаться, но посчитала, что мне не повредит сменить обстановку. Почему-то сразу задалась вопросом, будет ли меня искать Клим. Уверена была, если Клим захочет, достанет из-под земли. Подозревала, что не потому, что нужна ему. Нет, просто он любит всё контролировать, когда всё идёт по его плану, и по какой-то непонятной мне причине он считал, что может распоряжаться и моей жизнью.

Хотя зря я думаю об этом, может быть, мы больше и не увидимся.

10. Клим

Она напоминала мне маленькую балерину из заводной шкатулки. Точёная, с чёткими, выверенными движениями, хрупкая, словно из стекла, и полупрозрачная, с голубыми прожилками вен под алебастровой кожей.

Я приезжал на базу и, затаившись, наблюдал, как она тренируется, потом уезжал, не дожидаясь, когда она закончит. Последнее время девушка даже не возвращалась домой, а оставалась с ночёвкой там.

Гимнастки, с которыми она занималась, неоднократно ловили меня на моём вуайеризме, но, судя по тому, что смотрели на мою девочку волком, вряд ли солют меня ей как сошедшего с ума поклонника.

Порой от неосознанного и неконтролируемого страха за неё у меня замирало сердце и сбивалось дыхание. Как Алёна может творить такие вещи? Я смотрел на неё и не мог понять, откуда в её маленьком теле столько силы и упорства.

После произошедшего на стоянке, когда у меня срывало крышу от бушующей ревности, а затем её поцелуя, окончательно меня добившего, я понял, что мне необходимо держаться от неё подальше. У неё появилась власть надо мной, а этого я не мог допустить.

Никогда не был сумасшедшим ревнивцем просто потому, что не испытывал потребности закрыть от чужих глаз жен-

щину. Не хочет быть со мной? Пусть уходит, не держу, не одна, так другая, – так я всегда думал и так к этому относился. Чаще всего, конечно, мой интерес остывал быстрее.

А сейчас я смотрел на Алёну, которая тренировалась в открытом спортивном костюме, открывающем шикарный вид на ноги и её маленькую задницу, понимая, что превратился в помешанного на девушке собственника.

Стоя в тени, я смерил взглядом зал и нашёл того парня, который пялился на неё на парковке. Всё в нём вызывало во мне желание набить ему морду, кулаки так и чесались проехаться по его носу и услышать хруст костей. Моя интуиция всегда была острой и чёткой, сейчас я видел не просто парня, у которого девушка вызывает интерес, а человека, поставившего перед собой цель, и этой целью была Алёна. Он рассматривал её как мишень в тире, намереваясь попасть в яблочко. Как жаль, что я тогда не устроил ей допрос с пристрастием. Интересно, их что-то связывает?

Понятия не имею, как сам на неё смотрю, к собственному ужасу, скорее, как алтарник на божество.

Алёна, казалось, и не замечала воздыхателей, что пялились на неё. Она была вся в себе, только она и снаряд. Через боль, через слабость повторяла упражнения раз за разом. Я даже издали видел, что её топ полностью мокрый, а кожа блестит от пота. Но она не совершала ни одного лишнего движения, даже не вытирала влагу, стекающую по вискам.

Завибрировал телефон, сообщая о входящем звонке.

– Да, – резко ответил я.

– Ну и что предлагаешь мне делать в этом Мухосранске? – весело поинтересовался голосок девушки на том конце, не так давно выбравшейся из аналогичного города.

– Меня развлекать. Не нравится идея?

– Что ты, Климчик, – тут я поморщился, услышав такое обращение. Знает же, что терпеть не могу. – Ради тебя я, как жена декабриста, готова даже в Тмутаракань, ты же знаешь.

– Людочка, – подыграл я ей, пародируя елейный тон, – не ради меня, денег ради. Условия ты знаешь, адрес есть. Жду.

– Выезжаю, – уже по-деловому ответила одна из самых дорогих московских эскортниц.

Мила была не простой проституткой, подобно гейшам или куртизанкам, она была образована, умела себя вести в обществе, поддерживать интеллектуальную беседу, такую девушку было не стыдно вывести в свет. Мила, как переходящее знамя, подтверждающая статус папика, становилась содержанием более богатого спонсора, порой даже без получения её согласия, её просто выкупали как товар.

В паспорте Милы стояло имя Людмила, но оно ей казалось слишком простым, словно персонаж из «Любовь и голуби», а ухажеры Милы считали, что она девушка не простая и имя у неё должно быть не простое. И всё же она мне нравилась, там, где-то за всей шелухой, под которой она себя прятала, скрывался неплохой человек, которому не повезло

родиться в нормальных условиях.

Я чувствовал, что слаб перед Алёной, она отнимала у меня способность ей сопротивляться, быть бесчувственной тварью, какой я считал себя всю сознательную жизнь, мои демоны шептали, что я просто должен её трахнуть, и напряжение, что скапливалось в груди, когда она была рядом или когда мои мысли были заполнены ею, отпустит. Чёрт бы с мыслями, но эти желания странным образом отражались и на моём физическом состоянии. В груди пекло и болело, так что впору идти к кардиологу. Я стал зависимым от неё: видеть её хочу постоянно, голос её слышать, запахом её дышать.

С этим надо было прекращать.

И одновременно знал, что она лучшее из того, что происходило в моей жизни, а я, очевидно, худшее в её. Стоило закрыть глаза, как я видел этот её взгляд, полоснувший как лезвие бритвы, оставляя на мне кровоточащие раны. И холодно, и горячо одновременно. Горячо, потому что видел её боль, холодно, потому что она могла с ней справиться, а я не мог.

Добровольно отказаться от неё я тоже был не в силах, и в мою дурную голову пришёл извращённый план. Мне казалось, что девчонка сама будет держаться от меня подальше, если поймёт, что у меня полно баб, которые по щелчку пальцев готовы ради меня на всё. Пусть я один знаю, что не ради меня, а ради денег, возможностей, которые они могут дать.

Макс и Мила удивлённо уставились на меня, когда я сорвался и побежал за Алёной, противореча собственному замыслу, теряя всё своё хвалёное хладнокровие, зная, что потом буду до скончания веков слышать издёвки в свой адрес от Макса.

– Чёрт, клянусь, Клим, я был уверен, что у тебя вместо сердца батарейки. Ну знаешь, как у вибраторов. Ты ж кроме желания потрахаться других-то и не испытывал никогда.

– Заткнись, Макс. Просто заткнись, – цедил я сквозь зубы.

Это была паранойя, мысли всё время о ней. О коже её, о том, как она смотрит на меня, открыто и честно, о её губах, которые на вкус как малина, и которые хотелось сминать поцелуями, о тонких прохладных пальцах, что так трепетно касались моей кожи.

Вечером в клубе Мила что-то делала со мной, а у меня даже не вставал на неё.

Красивая она, конечно, статусная тёлка, на которую друзья пускают слюни, ну за исключением тех, кто уже её имел. Знает, какую вилку держать, когда подают рыбу, знает, что сказать, когда интересуются мировой политикой. Но эмоций никаких не вызывает. Почти как покупка авто. Первое время ты радуешься новой игрушке, а потом охладеваешь и хочешь новую.

Мы сидели в убогом ночном клубе, её упругая задница выделяла восьмёрки на моём паху. Длинные чёрные ног-

ти царапали кожу под рубашкой. Белым шумом до меня доходили те непристойности, что произносили пухлые опытные губы, касаясь моего уха. И мне оставалось лишь записать свою тупость алкоголем. Не испытывая абсолютно ничего кроме омерзения к себе.

Боролся с желанием спихнуть её с колен, бросить всё и пойти к Алёне, где бы она сейчас ни была. Дома или на базе. Не знаю, что бы я делал. Прощения просил, на коленях ползал, объяснял, что не достоин её? Она это и так знает.

Не заметил, когда Мила замерла и отстранилась.

—

Клим, ты вообще живой? У шестидесятилетних уже давно стояло бы после моих манипуляций.

Снова глотнул обжигающий напиток, не отпускало.

—

Трахни уже свою спортсменку, и всё пройдет. Или меня трахни, в конце концов.

«Моя спортсменка». Как дурак прокрутил эту мысль в голове и улыбнулся сам себе. «Моя» – что-то сладкое было в этом слове, вкусное. Хотел, чтобы она была моей. И даже не возражал, чтобы и она ко мне так относилась.

Поймал себя на этих мыслях и понял, что я отравлен каким-то ядом и он проникает с каждым мгновением всё дальше и глубже, и, как избавиться от него, как вытравить из крови, не понимаю.

11. Алёна

Меня убивала необходимость постоянно заглядывать в телефон, ждать эсэмэски или звонка от него. Абсолютно ничего. Тишина.

Неужели он так послушно внял моим словам?

Даже на тренировках я не находила себе места, отвлекалась, думала о нём постоянно. Хотелось сжать голову пальцами от разрывающих её мыслей и предположений. О боже, насколько лучше была бы моя жизнь, если бы он никогда в ней не появлялся! Ни аварии, ни травмы, ни душевной боли! Ни-че-го!

Оставшиеся дни до поездки на природу тянулись так же туго, как застывшая жвачка. Моя разбитость мешала учиться и тренироваться. Хотелось сбежать далеко-далеко, чтобы не мучиться мыслями о Климе, где он не смог бы меня найти, даже если бы захотел.

А мне хотелось, чтобы он меня искал, и, наверное, впервые в жизни я желала кому-то испытывать страдания. В те пару минут, что проходили с момента, когда моя голова касалась подушки, и до того, как меня вырубал сон, я мечтала, представляя себе, как он мучается оттого, что не может найти меня. Сладкие иллюзии.

Перед отъездом я позвонила бабушке, сказала, что с тре-

нером и ребятами едем на кемпинг. Бабушка на неделю должна была уехать в наш родной город к сестре, попросила на всякий случай оставить ей адрес, но так как я знала, что, если Клим спросит, она обязательно ему всё сообщит, мне из чистого упрямства не хотелось этого делать. Не знаю почему, но я была уверена, что бабушка меня сдаст. Отчасти я знала почему. Подозревала, что она считала, будто Клим способен забрать меня из большого спорта. Конечно, это было не так. Из гимнастики я уйду только тогда, когда пойму, что больше не могу выигрывать.

Большой икарус, принадлежащий нашей спортивной базе, забрал нас рано утром. Я заняла место у окна, кинув рядом свой рюкзак в надежде, что этот знак будет верно расценён. Но мне не повезло. Нагло сбросив мои вещи на пол, рядом присела Катюша.

Она была старше меня на пару лет, являлась посредственной гимнасткой, каких множество. На тренировках с блеском выполняла элементы, но стоило предстать перед судьями, терялась, совершала ошибки. Тренер отправляла к психологу, чтобы разобраться причину, по которой она не может собраться на соревнованиях, но она отказалась. Конечно, мои победы её никогда не радовали, и она часто отпускала саркастические шуточки на тему того, что мне просто повезло оказаться среди слабых соперниц и что своим тщедушным телом я только пугаю судей.

Именно из-за таких, как она, я старалась ни с кем из де-

вочек не общаться. Не получалось у меня с ними дружбы, между мной и остальными, менее успешными спортсменами нашей тренировочной базы, стояла стена моих успехов. Да, я отлично понимала, что всегда найдётся кто-то более физически одарённый, талантливый, удачливый. Но сейчас я оставалась одной из сильнейших гимнасток страны, и это всё меняло.

Да, мне нравилось быть лучшей из лучших, находиться в центре внимания, слышать аплодисменты. Не только потому, что я была тщеславной, хотя, наверное, в какой-то степени так и было, ведь в нас с детства закладывают нацеленность на победу. Если нет стремления быть первым – в спорте нечего делать. Но по большей части потому, что я получала колоссальную энергию на соревнованиях, она питала меня, наполняла силой, и, стоя на пьедестале, я испытывала ни с чем не сравнимые ощущения. Адреналин в моей крови зашкаливал, превышал все допустимые пределы и дарил дикое удовольствие. Кто-то ищет его в прыжках с парашютом, быстрой езде, опасных видах спорта, а я там – на соревнованиях, на помосте. И сейчас, будучи травмированной, у меня возникала мучительная ломка по этому чувству. Гимнастика была моим наркотиком, поэтому я так стремилась восстановиться и вернуться.

– Видела твоего парня вчера в «Солярисе», – растягивая слова, начала она, упоминая о самом популярном в городе ночном заведении, – с какой-то моделью.

Сердце болезненно сжалось в груди от этой новости. А чего я ждала, что он, как меня, проводит до двери или попьёт чай вместе с бабушкой и пожелает спокойной ночи?

– Мне так жаль, что вы расстались, – продолжила она, не обращая внимания на моё молчание, – этот красавчик, конечно, не мог бы долго быть с такой, как ты. Но ты не расстраивайся, для тебя же самое главное – тренировки.

Я поморщилась, продолжая смотреть в окно, чувствуя, как она покидает соседнее кресло. Мне хотелось ответить что-то острое, колкое, в голове крутились подходящие фразы, да только к чему злить её сильнее, чем она уже была, больше она ненавидеть меня тоже уже не сможет.

Уже стоя в проходе, Катя приблизила ко мне своё лицо, заглядывая в глаза, и прошептала, так что нас больше никто не слышал:

– И, кстати, на твоём месте я бы держалась подальше от Кирилла.

Подняла удивлённо бровь, не ожидая подобного спича от неё. Около года назад их часто видели вместе, но долго это не продлилось, а сама Катя больше даже не смотрела в его сторону.

– Ревнуешь?

– Предупреждаю, – произнесла она, прежде чем удалиться на своё место.

Пожалела, что поехала со всеми. Противное сосущее чув-

ство появилось где-то под ложечкой. Если бы не Клим, ни за что бы и не согласилась, да только сбежать хотелось, скрыться от себя самой.

Дорога была недолгой, всего два часа от города в тряске старого автобуса, и вот мы уже на территории заброшенного лагеря, где нас оставил водитель икаруса и вернулся в город. Уныло проводила его взглядом, сожалея, что оказалась здесь.

Девушки готовили, парни собирали палатки, все вместе что-то весело обсуждая, и я остро ощущала, что лишняя тут. Вот бы в зал, на мат. Там не было одиночества, там никто мне не нужен был. До боли было неинтересно слушать сплетни, обсуждение программ других спортсменов, кто хуже, кто лучше, кто с кем встречается, кто кого бросил.

– Не хочешь общаться с нашими курочками? – подошёл ко мне Кирилл, когда я, сидя на корточках, копалась в рюкзаке, ища осеннюю шапку. Подняла на него глаза, серое небо не мешало рассмотреть парня. Он стоял засунув руки в карманы штанов и с ухмылкой смотрел на меня. Идея ехать вместе с мужской командой мне не нравилась, не то чтобы я была пуританкой, но двум тренерам, которые были с нами в этой поездке, сложновато будет углядеть за толпой молодёжи.

Натягивая головной убор, выпрямилась во весь свой небольшой рост. Кирилл был ниже Самгина, и мне не приходилось задирать голову, чтобы смотреть ему в глаза, однако я готова была пожертвовать этим днём своей жизни, что-

бы вместо Кирилла смотреть на Клима, только вот без этих его баб.

– Не хочу общаться.

Глаза молодого человека зло сощурились.

Хотелось отпочковаться от всех, как типичному интроверту, остаться в одиночестве было куда предпочтительнее, нежели находиться среди людей, которые сейчас наверняка обсуждали меня за моей спиной. Вызвалась собирать хворост для костра и побрела подальше от шумной компании. Видела, как тренер провожает меня взглядом, поджимая губы оттого, что мне по-прежнему не удаётся ни с кем сблизиться. В моей жизни были две взрослые женщины, имевшие совершенно разные представления о моём будущем. Бабушка видела меня дипломированным специалистом, а тренер как минимум двукратной олимпийской чемпионкой. Если бы я сама не желала и того и другого, пришлось бы разрываться на части.

Сама не заметила, куда забрела, наблюдая за лесом, за его звуками, так непривычными для человека, всё время проводящего в зале. Подставила лицо редким солнечным лучам, которые перестали греть, а получила пощёчину от ветра.

– Далеко ушла.

От страха я дёрнулась и едва сдержалась, чтобы не взвизгнуть.

– Ты меня напугал, зачем так подкрадываться!

Холодные глаза внимательно меня рассматривали, и от

этого взгляда мне стало не по себе.

– Говорят, с тем парнем у тебя ничего не вышло, – произнёс Кирилл, даже не пытаясь спрятать глумливую улыбку.

– У меня с ним ничего и не было, – нехорошее предчувствие заставляло оправдываться.

Уговорила себя отвернуться от него, хотя мои инстинкты кричали, чтобы я бежала отсюда. Заглушила их, ведь это глупо. Ну что он мне сделает?

Продолжила то, зачем пришла, лихорадочно пытаюсь рассмотреть сухие ветки.

По треску из-под ботинок я отчётливо слышала, когда он приблизился ко мне вплотную, но прежде, чем он успел коснуться меня, я отошла на шаг назад и обернулась, прижимая к груди хворост, будто защищаясь им.

– Что тебе нужно? – я была напугана и не могла этого скрыть.

– Комар, ну что ты целку из себя строишь? Все же знают, что было у тебя со Стасом.

Я попятилась назад, пока он подступал всё ближе и ближе. Его странное поведение уже не просто пугало, а продирало до мурашек. Хотелось кричать и звать на помощь, но я так глупо, по-детски боялась оказаться в нелепой ситуации, да и от страха горло будто само собой сжалось, так что из него вырывались только всхрипы, когда с трудом выбивала из лёгких воздух, заставляя себя дышать.

– Тебя не касается это, – прошептала я.

– Ты мне давно нравишься, знаешь это?

Мне было абсолютно всё равно, кому я нравилась, а кому нет.

– И что?

– А то, что я хочу то, что получил Стас и тот мажорчик. Тебе понравится.

Сказала бы, что они ничего не получили, так не поверит же.

Самое гадкое было в том, что я даже бежать не могла из-за травмы. Я ещё верила, что на него нашло просто временное помешательство и скоро он придёт в себя.

– Пожалуйста, не надо, – прошептала я, когда он, сильно сжав мои запястья, заставил разжать пальцы и бросить ношу, которая посыпалась к моим ногам. Сердце выбивало в груди дикий ритм, стуча так громко, будто просило о помощи, и я чувствовала его биение где-то в ушах.

– Кирилл, тебя посадят, ты не сможешь заниматься спортом, отпусти, – я пыталась вразумить его, чувствуя, как он со всей силой, до боли сжимает мои запястья, – вокруг люди, что ты им скажешь?

Он рассмеялся и дёрнул меня к себе, впиваясь в губы, больно сжимая и оттягивая мои волосы, так что не могла дёрнуть головой. Ощутив его чужие влажные губы, я испытала омерзение, захотелось немедленно вытереть губы и прополоскать рот.

– Ты думаешь, что нужна кому-то кроме своей бабки?

Мой отец главный прокурор Н. области, мне не будет ничего, – Кирилл смотрел в моё лицо, сжимая в кулаке волосы с такой силой, будто хотел снять с меня скальп. Он абсолютно не сомневался в том, что останется безнаказанным, считая, что ему всё дозволено, а это значит, что сейчас он может сделать со мной всё что угодно.

Я понимала только одно – если мне не удастся сбежать, он меня изнасилует. Страх заставлял бороться, я попыталась его оттолкнуть, но парень был сплошной горой мышц и у меня не получилось увеличить между нами расстояние даже на миллиметр. Кирилл будто и не замечал моих попыток. Толкнул меня и опрокинул на сухую листву, задирая куртку в желании добраться до обнажённой кожи, потянул вниз штаны, затянутые на кулиске, с лёгкостью их стаскивая к коленям. Ноги оказались скованы собственными штанами, мешающими движению. Понимание того, что я уже полуголая и открытая, осталось где на краю сознания, дотянулась до его лица, вспоминая приём самообороны, и надавила большими пальцами на глаза, что было мочи, Кирилл убрал мои руки и тут же принялся растирать глаза, что дало мне возможность отползти, но через секунду он, став ещё злее, потянул на себя, хватая за щиколотку, так что я проехала на сырой грязной земле, царапая ладони, обнажённые ягодицы и бёдра.

В пылу борьбы забыла, что нужно звать на помощь, попыталась закричать, но, успев едва слышно произнести только два слога, получила удар кулаком по губам, разбивающий их

в кровь.

По щекам текли слёзы от бессилия и злости, но его это, кажется, совсем не заботило, а может быть, даже заводило. Погода, будто переживая со мной эту боль, обрушила на лес ливень такой силы, что мы тут же промокли. Капли дождя смешивались на щеках со слезами, я билась изо всех сил и одновременно понимала, что этих сил почти не осталось, они на исходе. Отчаянье подступало всё ближе и ближе. Мне удалось ударить его в пах и отползти, но он схватился за мои штаны и потянул на себя. Перевернулась на живот, елозя по мокрой земле, пытаюсь зацепиться за что-то, чтобы выбраться из-под его захвата, я схватила какую-то деревяшку и проехалась по его лицу. Это не сильно помогло, но отвлекло.

– Урою, сука, прямо тут закопаю, – шипел он, вновь на-двигаясь на меня. Не хотела думать о том, что со мной будет, если не получится сбежать.

В какой-то момент поняла, что моя нога сейчас на уровне его головы, и, ни секунды не мешкая, двинула со всей силы, заезжая по уху. Мгновение смотрела, как он оказался дезориентирован. Натянула штаны, неловко поднялась на ноги и побежала что было сил, понимая, что сейчас на кону не спорт, а моя жизнь, и все же продолжая думать о том, что, не дай бог, я сейчас где-то упаду или подверну ногу. Дождь не прекращался, не видела, куда бегу, слышала лишь бушующую природу и не имела понятия, гонятся ли за мной, понимая чувства лани, на которую ведут охоту. Не знаю, сколько

я так пробежала, пока не почувствовала, что больше не могу, лёгкие горели огнём. Я обернулась в страхе увидеть позади Кирилла, но никого не было. Спряталась за широким деревом и сползла по нему, прислушиваясь к каждому шороху. Потрогала ногу, вроде всё в порядке, не болит.

Сейчас не было времени на истерику, нужно было оказаться в безопасности.

Не представляю, куда забралась. Дождь постепенно стихал, но тёмные облака не сулили тепла, а я промокла насквозь. Обняла себя руками и поняла, что в кармане куртки телефон, обрадовавшись, достала его. Все деления были прозрачными, сигнала не было, связи не было, телефон в лесу бесполезная игрушка. Засунула его обратно. И всё равно сейчас здесь одной не было так страшно, как наедине с Кириллом. Подумаю о своей глупости потом, сейчас надо выбраться к дороге.

Как жаль, что я пропускала все уроки ОБЖ в школе, мои никудышные навыки ориентации на местности и топографический кретинизм сегодня могут стоить мне жизни. Ничего не оставалось, как просто брести вперёд. Мысленно рисовала карту того места, где могла сейчас находиться, вспоминая наш лагерь, пытаюсь откопать в памяти хотя бы что-то, что поможет сориентироваться в пространстве. Мы не заезжали далеко в лес, и где-то неподалёку должна быть дорога, если, конечно, когда я бежала, не выбрала обратное направление, в глубь чащи.

Чем медленнее шла, тем холоднее становилось, к тому же начинало темнеть, а я еле переставляла ноги и уже теряла надежду выйти хоть куда-нибудь, думая лишь о том, что тренер заметит мою пропажу и отправит на поиски. В конце концов когда-нибудь меня найдут, и надеюсь, Кирилла среди поисковой группы не будет. Интересно, а тренер считает Кирилла хорошим мальчиком? Этот вопрос вдруг остро резанул сознание. Может, оттого, что Клим никогда не пытался быть хорошим, вёл себя порой как грубое животное, и в то же время он был честен со мной, ничего не обещал, а Кирилл же, наоборот, сколько я его знала, на людях был вежлив, обходителен, и в то же время я чувствовала, что с ним что-то не так, но не могла понять, что же в нём меня так настораживало. Его глаза мне всегда казались слишком холодными, я не могла распознать эмоций, которые он испытывает.

Где-то впереди услышала знакомый звук, какой издают огромные фуры. Там дорога. Гудок фуры был далеко, и я надеялась, что это не плод моего уставшего сознания, не слуховая галлюцинация.

Вскоре я действительно вышла к дороге. Рядом не было никаких опознавательных знаков, а идти по загородной трассе было чертовски страшно. Не хотелось, чтобы кто-то завершил то, что начал Кирилл. Потом, могу представить, как я сейчас выгляжу.

Вновь посмотрела телефон, появилось одно деление, а заряд близился к концу. Не стоило так часто проверять связь.

Я знала только одного человека, которому сейчас могла позвонить, и очень надеялась на то, что, как бы безразлична я ему ни была, он мне поможет.

Клим взял трубку сразу.

– Алёна?

Я молчала, чувствуя, как к горлу подступают слёзы, не зная, что сказать, как попросить о помощи.

– Клим, – едва сама слышала свой сдавленный голос.

– Алёна, что случилось, где ты?

– Не знаю, – смотрю на дорогу, прислонившись к дереву, не понимая даже, как объяснить, где нахожусь.

На том конце мат, кажется, Клим начинает что-то понимать.

– Хорошо, скажи, как тебя найти, – его голос звучит предельно спокойно, и я сама начинаю успокаиваться. Объясняю локацию нашего лагеря, но поясняю, что заблудилась в лесу и сейчас стою у дороги.

– Я понял, буду на красной машине. Жди меня.

После короткого разговора стало спокойнее. Не сомневалась, что он найдёт. Сама грустно усмехнулась собственным мыслям о том, что если Клим захочет, то достанет меня из-под земли.

Я увидела его яркую машину удивительно быстро. Сначала он пронёсся мимо, я выбежала ближе к дороге, махая руками, испугавшись, что он не вернётся назад, но он каким-то

чудом меня заметил. Развернулся, и уже спустя секунды автомобиль притормозил рядом.

Клим вышел из машины и резко остановился, увидев моё лицо. Я раньше никогда не видела, чтобы загорелый человек в одно мгновение вдруг становится белым как полотно.

Мне стало дико стыдно за всё случившееся и за то, как я сейчас выглядела. Хотя ничего не успело произойти, я всё равно чувствовала себя грязной и осквернённой, будто это я была виновата во всём, а не Кирилл. Какими своими действиями я могла заставить его так себя со мной вести?

Когда его оцепенение прошло, он приблизился ко мне, и я заметила, как дрожит его рука, осторожно касаясь моей разбитой губы, как тихо звучит голос.

– Кто это сделал?

– Можно я сегодня переночую у тебя? – игнорирую вопрос, думая о том, как мне будет страшно остаться в пустом доме без бабушки.

– Что случилось, Алёна? – с нажимом проговорил он.

Я опустила глаза, не в силах что-либо сказать, от воспоминаний вновь хотелось плакать, горло будто сжимали тиски.

– Меня пытались изнасиловать, – кое-как произнесла я, и слёзы покатались по щекам, уже не могла остановиться, весь ужас случившегося будто сейчас разом на меня обрушился. Плакала от пережитой боли и страха, оттого, что мне всё ещё мерещился рядом Кирилл, от отчаяния, когда уже думала, что не смогу спастись, от непонимания, почему это произо-

шло со мной, чем я заслужила такое.

Клим резко выдохнул воздух из лёгких и притянул осторожно к себе, словно ему было страшно до меня дотрагиваться. И вновь я плачу у него на груди, чувствуя себя с ним слабой и защищённой одновременно. Не знаю, сколько прошло времени, но я просто выдохлась и уже не могла плакать. Пришло какое-то забвение. Обнимала его так, будто боялась, что он может меня отпустить и я окажусь одна.

Он обеими руками сжал мою голову, всматриваясь в мои глаза. Чувствовала, как его пальцы мягко поглаживают мою кожу, массируя и успокаивая.

– Пытались, – повторил он как-то безэмоционально. – Кто?

– Кирилл, – ответила я и поняла по глазам, что он сообщил, о ком речь.

Клим был так спокоен, что меня это даже немного обидело. Открыл дверь машины со стороны пассажира, усаживая меня, после чего снял с себя куртку и свитер, оставаясь в одной майке.

– Надень это.

– Отвернись, пожалуйста.

Я не была готова к тому, чтобы оказаться перед кем-то полуголой. Клим послушно повернулся спиной, пока я снимала с себя мокрую одежду, благодарение богу, что он такой высокий, потому что его свитер сошёл мне за платье. Он забрал мою мокрую одежду и забросил в багажник. В машине,

сухой и тёплой одежде, мне стало сразу легче.

– У тебя были с собой какие-то вещи? – спросил он, голос по-прежнему нейтральный, ничто в нём не выдавало напряжения. Протянул молча мне бутылку воды, которую я жадно выпила.

– Рюкзак остался в лагере.

– Хорошо.

Расположение лагеря он уже примерно знал, и мы направились туда. Сейчас я находилась в таком ужасе от того, что могу вновь увидеть Кирилла, что даже говорить не могла. Не понимала, зачем вдруг Климу сдался мой рюкзак, в нём не было ничего ценного, к тому же в любом случае его вернут, а мне меньше всего хотелось возвращаться туда. Клим припарковался и стремительно вышел из машины. Что-то было в его взгляде, что заставило меня выбежать следом за ним.

– А вот и она, смотрите, с ней всё в порядке, – услышала я голос Кирилла и ещё кого-то из команды.

Тренер подбежала ко мне, что-то спросила, но всё смазлось. Мой взгляд был устремлён на Клима, который шёл на моего обидчика. Лицо последнего исказилось в непонимании, Клим одним ударом уложил его на землю, опустился на его тело и наносил методичные удары один за другим. Меня трясло, и, стоя за спиной Клима, я видела только движения локтя, который он отводил назад, набирая размах для удара, и звук соприкосновения кулака с лицом. Никто ему не мешал и не останавливал. Сам Кирилл, видимо, был выве-

ден из строя ещё первым ударом и просто сжался, пытаюсь спрятаться от кулаков. Я не понимала, как Климу это удавалось, Кирилл был мощным атлетом, превосходно умеющим работать с собственным телом, как и все спортивные гимнасты, но, должно быть, в крови моего заступника было столько ярости и адреналина, что они утроили его силы.

Клим был не в себе, он с таким хладнокровием его избивал, что я поняла, – если сейчас его не остановить, он просто убьёт Кирилла. Мне было совершенно плевать на будущее этого парня, но я не хотела, чтобы из-за него Клим испортил себе жизнь. Я побежала и кинулась на спину Клима, обнимая под рёбрами, рискуя попасть под удар.

– Прошу, прекрати. Он того не стоит. – Чувствовала его рваное дыхание, расширяющуюся на вдохе грудную клетку и опадающую на выдохе, бешено бьющееся под моими пальцами сердце. Поняла, что совсем мало его знаю, не сумев распознать в том спокойствии, которое я не так давно наблюдала, наивысшую форму гнева.

За этой сценой наблюдали все, кто был в лагере. Парни застыли, не думая помочь своему товарищу, девушки явно были испуганы и мало что понимали. Даже тренеры выглядели ошарашенными. Всё произошло так быстро, что, возможно, никто ничего даже не понял.

Клим убрал мои руки и поднялся, стряхивая кровь с разбитых костяшек.

Я смотрела на него, не в силах поверить в то, что наблю-

дала собственными глазами.

– Спасибо, – как-то глупо прозвучало из моих уст.

Клим поднял на меня глаза, их лёд начал таять, возвращалась человечность, эмоции.

– Мы приехали за рюкзаком, не хочешь его забрать? – лёгкая улыбка коснулась его губ, но не глаз.

Тренер передала мне рюкзак и сказала, что они уже собирались вызывать помощь, потому что, отправившись искать меня всем отрядом, не могли найти моих следов, кроме оставленной шапочки и вороха сухих веток. Кирилл же даже не упоминал, что видел меня. К своему ужасу, я поняла, что он, скорее всего, рассчитывал, что я вообще не выберусь живой.

– Господи, прости, какая же я дура, – причитала Таисия Андреевна, – вижу же, что волком на тебя смотрят, и всё равно потащила с собой.

Не могла на неё смотреть, во мне будто что-то сломалось, пропало то абсолютное доверие, которое испытывала раньше. Возможно, я слишком много от неё хотела, наделила простого человека сверхспособностью видеть людей насквозь, которой в действительности у неё не было. Она всё ещё была мне дорогим и близким человеком, заменившим отчасти маму, но, как теперь положиться на неё, я не знала.

– Таисия Андреевна, мне пора, – услышала свой голос откуда-то издалека, и самый он показался холодным и отстранённым. Она посмотрела на меня с такой болью, что мне ста-

ло стыдно за своё отчуждение, но и поделать с ним ничего не могла.

Клим стоял у своей машины и курил, смотря, как я медленно иду к нему. Почему-то остановилась в нерешительности под его пристальным взглядом. Он докурил сигарету, подошёл ко мне, забирая рюкзак, молча открыл пассажирскую дверь передо мной и сел за руль, увозя нас из этого места.

– Алёна, тебе сейчас нужно будет пройти медицинское обследование, чтобы врач мог засвидетельствовать побои, – очень осторожно пояснил Клим, смотря на дорогу.

Мне стало дурно от мысли, что придётся раздеться перед посторонним человеком, кто-то будет на меня смотреть и ощупывать.

– Клим, пожалуйста, не надо, мы можем обойтись без этого? – мне казалось, это унижение я не смогу пережить.

Пальцы молодого человека на мгновение сжали мои, будто в намерении передать часть своей силы.

– Алёна, так надо, его нужно посадить в тюрьму, а без освидетельствования это будет сложно.

Я не подумала об этом даже. Единственное, чего мне хотелось, это принять душ, лечь спать и завтра уже думать, как жить со всей этой грязью, что сегодня случилась.

– Это бесполезно, он сын прокурора нашей области, его отмажут, – горько вспомнила я.

С минуту Клим размышлял над моими словами.

– Он будет наказан тем или иным способом, но, как бы

там ни было, в больницу мы в любом случае поедем, тебя должны осмотреть.

Внимательно вглядываюсь в профиль Клима. Его слова звучали пугающе, но меня они будто исцеляли, кровь на его руках ослабляла ту боль, что нанес её владелец. Очень хотелось ещё раз обнять Самгина, но я просто продолжала сидеть и смотреть на него, стараясь не разреветься от благодарности, которую испытывала.

До этого момента я не сознавала, насколько мне было страшно услышать от него, что ничего серьёзного не произошло, что я сама нарвалась, заслужила, виновата.

– Хорошо, – сдавленно проговорила я, стараясь больше не пялиться.

Клим привёз меня в частную клинику. Белые стены, свечение холодных люминесцентных ламп создавали ощущение стерильности. Я ни с кем не говорила, все вопросы решал Самгин с мужчиной, которого мельком видела в день аварии: среднего роста в дорогом костюме в полоску, зачёсанными назад светлыми волосами, в очках. Потом уже Клим объяснил мне, что это адвокат, который решал в нашем городе вопросы его семьи, в первую очередь связанные с работой.

Уже через пять минут меня проводили в кабинет для осмотра. Врач была со мной очень деликатна, не задавала лишних вопросов, и в целом вся процедура, кроме фотофиксации, забора материала под ногтями, мало отличалась от обычного приёма врача. Она только спросила, не возражаю

ли я, чтобы мне обработали раны, но мне не хотелось здесь задерживаться, моё тело требовало горячего душа, еды и сна, и именно в такой последовательности. Перед тем как отпустить, она сделала укол успокоительного и дала с собой какие-то таблетки, велев пропить их неделю.

Результаты осмотра и фотографии были переданы адвокату, не хотела знать, что будет дальше. Не сегодня. Просто слушала то, что мне говорили, и безропотно исполняла, благодарная за то, что самой сейчас не нужно ни о чём думать.

Не знаю, деньги так на людей действуют или сам молодой человек, никогда не видела, чтобы так быстро и слаженно работали.

Мы добрались до его дома молча, возможно, он понимал, что мне сейчас не до разговоров, возможно, он сам был не расположен обсуждать произошедшее, но, когда мы вышли из машины, он взял меня за руку, как маленькую девочку, и повёл в сторону многоэтажного дома. Так странно, иногда проезжая эту высотку, я мечтала о том, что когда-нибудь тоже буду жить в таком доме.

Клим не отпустил мою руку, и когда мы зашли в лифт, и когда переступили порог огромной двухуровневой квартиры, расположенной на последних этажах. Моя обувь была грязной и старой. Предполагалось, что в город я сегодня уже не вернусь, и, пока смотрела на ботинки, стоя на этом дорогом полу, почувствовала себя здесь совершенно посторон-

ним инородным предметом, хотелось развернуться и уйти. Иногда забываю, что между мной и им огромная пропасть, но и об этом тоже не хотелось думать. Я разулась и неловко стояла в ожидании Клима. Он принялся помогать снимать с меня куртку, но вдруг застыл.

Обернулась, не понимая, что случилось, и вновь увидела его бледное лицо, тёмный взгляд и стиснутые челюсти. Осторожно осмотрела себя в зеркало в пол, обнаруживая множество кровоподтёков на ногах, сейчас я даже не могла сообщить, в какой момент они были получены.

Забрав мою куртку, Клим взял меня за руку и повёл в сверкающую ванную комнату. Усадив на бортик ванны, он смочил полотенце и приложил холодную мокрую ткань к моим губам.

– Рана на губе засохла, – глухо произнёс он, не знаю, мне или себе. Щипало.

Я смотрела на Климa снизу вверх, пока он нависал, прижимая холодное полотенце к моим губам. Он был рядом, и его тепло после произошедшего приносило покой.

Парень мотнул головой и вышел из ванной комнаты, чтобы вернуться с полотенцами.

– Прими душ, тебе нужно согреться, потом поговорим и ты всё расскажешь.

Его тон значил, что мне придётся всё рассказать, даже если я этого не хочу. А если буду молчать, он найдёт способ получить ответы.

С трудом разобравшись с сантехникой, я смыла под струями воды всю грязь этого дня. Грязный взгляд Кирилла, его грязные губы и грязные руки. Посмотрела на мозаичный кафель под ступнями и поняла, что он окрасился моей кровью. Я даже не заметила, когда успела получить столько глубоких ссадин и ран, кровь на которых запеклась и раздражала кожу. Знатно же он повалил меня по земле. В одно мгновение слёзы вновь обожгли глаза, и я, не сумев сдержаться, расплакалась, радуясь, что вода унесёт с собой и эту слабость, и жалость к самой себе за произошедшую несправедливость.

Выключила воду, стянула в жгут волосы, убирая лишнюю влагу, и завернулась в огромное махровое полотенце, которое доходило мне почти до пят. Зеркала в этой странной ванной не запотели, это даже как-то не нормально. Из отражения на меня смотрела девчонка с мокрыми рыжими волосами, разбитой губой и расплывающимся синяком, с лихорадочно поблёскивающими голубыми глазами.

Вышла из ванной, оставляя позади тепло, не зная, куда идти теперь.

– Согрелась?

Он появился из тени соседней комнаты, где был погашен свет.

– Замёрзла.

Смерил меня тяжёлым взглядом и подтолкнул в сторону одной из дверей, за которой оказалась его спальня. Она была вся им пропитана. Его запахом, его вещами, печатью его

присутствия.

Прошёл следом, открыл шкаф и положил свою майку на кровать. Я мысленно порадовалась, что в моём рюкзаке было чистое белье.

– Надень это, а я сейчас подойду со средствами, которые дали в клинике.

Он вернулся через пару минут, не давая мне лишнего времени и едва не застав обнажённой, так как майка оказалась на мне буквально за секунду до его возвращения. Сел на кровать и потянул меня за руку на место рядом с собой. Я едва заметно поморщилась, но он заметил это и внимательнее осмотрел запястье, на котором мы оба теперь рассматривали следы чужих рук, отпечатанных багровыми разводами на моей коже. Клим молчал, но казалось, его потряхивает от того, как он пытался себя сдерживать.

Прошёлся по коже ранозаживляющей мазью, мягко водя длинными пальцами по моей мозолистой ладошке. Несмотря на раны, я остро чувствовала ток, когда его пальцы, едва касаясь, описывали круги на моей коже. Дыхание сбивалось, становясь отрывистым, и я даже не знала, как это можно скрыть. Подозревала, что всё это игры пережитого стресса.

Когда неловкость достигла пика, а я уже хотела вырвать руку, он прекратил маленькую пытку.

– Где ещё ссадины?

Я сразу покраснела и замялась, отлично чувствуя каждую

на ягодицах, бёдрах и даже животе.

Слишком резко и нервно покачала отрицательно головой, так что он, прищурившись, сканировал меня зелёными глазами.

– Сама признаешься или мне забрать свои вещи обратно?

– Я сама обработаю! Только выйди.

Зелёные глаза смотрели ещё более внимательно и холодно.

– Где, Алёна?

– Пожалуйста, Клим, не надо.

– Алёна, выбирай, либо я сейчас закончу это, – показал на тубик с мазью, – либо оставляю тебя тут и уезжаю туда, откуда мы вернулись, и довожу дело до конца, а потом жду от тебя передачи в тюрьму. Ок?

Возвела очи горе. Упрямый.

– На ногах, животе... – прошептала я, с ужасом думая, что он сейчас будет делать с этой информацией.

Он легко поднял меня, будто я была игрушечной, и повернул спиной к себе, задирая мою майку до самых трусов, рассматривая ссадины, шумно выдыхая воздух. Думаю только об одном – они белые, хлопковые с ромашками, купленные бабушкой. Жмурюсь от неловкости.

– Как это произошло, чёрт возьми? – его голос был какой-то металлический, тихий, но странно резонировал в этой комнате. Клим будто пытался уложить в голове, что, как и где хотел сделать со мной Кирилл.

Я пожала плечами, не желая произносить вслух то, что рисовала память.

– Покажи, что на животе.

Я смотрю на него минуту растерянно, не зная, как себя вести. Все грани и рамки будто стёрлись. Ещё утром не могла представить себе подобной ситуации.

– Ты боишься меня? – вдруг спрашивает растерянно, и на его лице я угадываю страх услышать положительный ответ.

Наверное, я сама не знала, насколько глубоко доверяю молодому человеку, если после случившегося позволяю вернуть себя как куклу, рассматривая со всех сторон.

Вместо ответа поднимаю майку, сжимая в кулаках ткань под грудью. На животе всё не так печально, как на ногах, но ссадины всё равно доставляли мало удовольствия.

– Можно? – Клим показывает на тубик с мазью, и я киваю, наблюдая, как он выдавливает средство на свои пальцы и нежно проводит по каждой отметине на моём животе. Дыхание сбивается, от его касаний я непроизвольно выдыхаю, удивляясь собственной реакции.

Снова поворачивает спиной, слышу, как опускается на корточки, и через пару секунд я ощущаю его прикосновения на ягодицах и бёдрах, дрожа от новых, непривычных ощущений. Благодарение тому, что он не видит, насколько широко распахнуты мои глаза, мой шок и удивление, что после попытки изнасилования я могу испытывать нечто похожее на возбуждение. Меня никогда так не касался мужчина, ране-

ная кожа продолжала оставаться чувствительной, хотя Клим не позволил себе лишнего.

Вроде и привыкла выступать в леотарде, закрывающем не больше, чем купальник, но стоять перед парнем вот так было странно. Особенно перед Климом, который, наверное, никогда и не видел девушек, пропорции которых отступали от золотого сечения.

У меня не было комплексов, связанных с фигурой. Как-то никогда не приходило в голову порицать своё тело. Всегда относилась к нему как к орудию для спорта, вроде ещё одного снаряда, который нужно готовить, протирать, смазывать. Не более того. Я была благодарна ему за то, что выдерживает высокие нагрузки, и тело меня не подводило. А вот сейчас вдруг остро ощутила, как отличаюсь от той девушки с идеальным телом куклы Барби, что висела на нём, и о которой, очевидно, упоминала Катя.

Ещё не успев до конца восстановиться после травмы, моё тело представляло собой жалкое зрелище из кожи и костей, почти без присущих девушкам выпуклостей. Но тренер и раньше говорила, что я обладаю не типичным для гимнастки строением, слишком худая, не мышечная, но в то же время способная виртуозно им управлять, превращая недостатки в достоинства. Лёгкая, прыгучая, чрезвычайно гибкая, с идеальным чувством баланса – именно таким я видела достоинства своего тела, а не грудь или попа.

Он обрабатывал маслянистой мазью, осторожно прика-

саясь, будто боялся причинить мне боль, но вместо неё я ощущала, как кожа покрывается мелкими мурашками под его пальцами. Поднялся с корточек и развернул меня к себе лицом, выдавливая ещё одну порцию лекарства. Сглатываю слюну, когда он, не окрывая от меня взгляда, наносит мазь на разбитую губу, и чувствую покалывание, от которого судорогой все внутренности сводит.

Всё происходящее сейчас в его квартире походило на какое-то странное ритуальное действие, и чувствую себя соответствующе – словно ягнёнок на алтаре.

Я не понимала, почему он подвергает меня этому испытанию, почему вдруг решил лично оценить масштаб повреждений.

Позднее, после того как Клим налил мне чай и накормил заказанной из ресторана горячей едой, я сумбурно рассказала ему о случившемся, пока хозяин квартиры изучал собственные руки с таким интересом, будто видел их первый раз в жизни. Он хотел, чтобы я рассказала все подробности, и, наверное, мне не стоило ему подчиняться и выкладывать, как всё было, отвечать на множество вопросов, возникавших у него в процессе повествования. Но этот парень оказывал на меня какое-то гипнотическое воздействие, как, впрочем, сытость, тепло и ужасная усталость, что развязали мне язык.

Когда я закончила свой рассказ, он всё также не двигался с места, будто задумался о чём-то своем. Только спустя несколько минут напряжение его отпустило, и он устало по-

тёр лицо руками, прежде чем посмотреть на меня.

– А теперь ответь мне, почему ты поехала с людьми, которые тебя ненавидят?

Я опустила глаза, понимая, что не могу признаться, что от него бежала. Поэтому просто пожала плечами и задала встречный вопрос:

– С чего ты решил, что они ненавидят меня?

Он посмотрел на меня, будто я маленький неразумный ребёнок.

– Ты лучшая среди них, не стоит удивляться, что они никогда не примут тебя.

Он улыбнулся, когда я возразила:

– Я лучшая не только среди них.

Щёлкнув меня по носу, Клим произнёс, наконец-то улыбувшись:

– Не сомневаюсь, самодовольная маленькая гимнастка.

Пожала плечами, помешивая ложкой чай.

От трели дверного звонка я вздрогнула, Клим поднялся, пояснив, что к нему должны были приехать. Сердце тревожно забилось, когда я услышала ряд грубых мужских голосов. Ноги сами понесли в тамбур, и я встала столбом, наблюдая, как на Клима надевают наручники. Не понимаю, зачем они так с ним, он же не особо опасный преступник.

Клим не выглядел обеспокоенным, пока не заметил меня.

– Всё нормально, Алён.

Сотрудник милиции выказал сомнение на данное утвер-

ждение:

– Нормально будет, когда посидишь пятнадцать суток в обезьяннике.

Я знала, почему они приехали, мне хотелось заступиться за него, что-то сказать, но слова не лезли на язык, да и этим людям в погонах до меня дела не было. И я растерянно смотрю в глаза молодого человека, чувствуя себя абсолютно беспомощной, как когда-то в детстве, ещё будучи совсем маленькой, оказавшись в эпицентре боевых действий родителей, не зная, что нужно делать.

– Найди в телефоне номер Фёдорова, объясни ему ситуацию и ложись спать, – услышала я голос Клима, когда его уже уводили. Закрыла дверь и побежала к окну, наблюдая, как его грубо засовывают в милицейскую машину, надавливая на голову, чтобы пригнулся.

Мне стало дурно, я слышала о произволе милиции, когда из людей выбивают признания во всех грехах, как собственных, так и чужих. В голову влетел рой мыслей о том, что с ним могут сделать там, но я как могла старалась их гнать, иначе сойду с ума.

Дрожащими руками взяла его телефон, ища нужный контакт. Адвокат ответил немедленно. Неужели никогда не спит? Я рассказала о произошедшем, Фёдоров всё понял с

первых слов и только неоднократно выказал недовольство по поводу того, что он предупреждал его о подобном исходе, после чего просто положил трубку. А мне не оставалось ничего, кроме как ждать.

Ни о каком сне не шло и речи, я металась по его квартире, как загнанный зверь по клетке. Начинала думать, что зря ему всё рассказала, зря нажаловалась на Кирилла, ну сказала бы, что просто заблудилась, что с того? А вдруг с ним что-то случится?

Взяла подушку с его кровати и ходила с ней в обнимку, потому что где-то на ней ещё сохранился его запах. Было чертовски страшно, что он не вернётся или с ним что-то сделают, и этого я никогда не смогу себе простить.

Уставшая, вымотанная, находящаяся на пределе стресса, я была не в силах остановиться или просто сесть, страх во мне будто перерабатывался в энергию и требовал выхода.

Через пару часов раздался звонок в дверь, и я, не веря своему счастью, побежала открывать, даже не подумав посмотреть на экран видеодомофона.

– Привет, – протянул молодой человек, тот самый, которого я не так давно видела с Климом и красивой незнакомкой.

– Привет, – едва слышно произнесла я, думая о том, насколько грубо будет прямо сейчас закрыть перед ним дверь, но мои мышцы работали быстрее мозга. Только вот парень

не собирался так быстро уходить.

– Стой-стой-стой, – зажал кроссовок между дверью и дверной коробкой незванный гость, – я так понимаю, твой герой-любовник не дома.

Очевидно, он ничего не знает про Клима и потому мало мне интересен. Я лихорадочно размышляла, что делать. Спустя пару часов после попытки изнасилования оказаться наедине с незнакомцем совсем не улыбалось.

– Клим скоро должен вернуться, – ответила нейтрально.

– Ну так я тут подожду, – сообщил гость.

Вот ведь докучливый. Нет, я не чувствовала от него агрессию, скорее любопытство, утолять которое совсем не хотелось. Но в то же время он ведь был другом Клима, и я пришла к прагматичному выводу о том, что он может всё-таки пригодиться, да и выбора у меня особого не было. Не могу же я вытолкать его.

Нехотя открыла дверь шире, параллельно размышляя о том, что неплохо было бы держать что-то острое поблизости, и проводила молодого человека на кухню, дорогу в которую он знал не хуже меня.

– Меня зовут Макс, – протягивает мне руку.

– Алёна, – пожимаю в ответ.

Макс обхватывает мою ладонь, поглаживая большим пальцем тыльную сторону, неприлично долго смотря прямо в мои глаза. Удивлённо приподняла левую бровь, посылая в его мозг вопрос «что ты делаешь?».

Парень усмехнулся и перевернул мою руку, рассматривая царапины и мозоли, готова была спорить на миллион долларов, что ему ещё не доводилось видеть, чтобы у девушки кожа на ладонях трескалась до крови от мозолей. Максим медленно отпустил руку, оставив возникшие мысли при себе.

Рассматриваю его, чтобы отвлечься, пока он ищет что-то в кухонных ящиках, ведя себя так, словно находится у себя дома. Он симпатичный, наверное, можно даже сказать, красивый, черты его лица мягкие, плавные, губы, на мой вкус, излишне полные, свечение глаз тёплое, даже каштановые волосы, обласканные солнцем, добавляют приторности в его внешность, словом, абсолютная противоположность Климу, который весь будто высечен из холодного тёмного камня с зелёными колюще-режущими глазами. Только вот прикосновения и взгляды Клима меня обжигали, а этот парень вызывает во мне эмоций не больше, чем предмет мебели.

– Как так вышло, что Самгин оставил тебя тут одну? – поинтересовался он, по-хозяйски делая себе кофе в кофемашине.

Как плохо, что я так мало знаю про Клима, и понятия не имею, можно ли доверять его другу.

– Видимо, у него нашлись срочные дела, – пожала я плечами, не имея желания что-либо пояснить.

Максим смерил меня странным долгим взглядом, значения которого я не могла разгадать.

– Что-то я сомневаюсь, чтобы у него нашлись дела важнее,

чем те, что он оставил у себя дома.

Хмурюсь. Понимаю, что, должно быть, он обо мне, но суть сказанного от меня ускользает.

– Кто с тобой так? – спросил он, показывая на мою губу.

Завибрировал телефон, и я, вздрогнув, потянулась проверить сообщения, лишь разблокировав, поняла, что звонят не мне, а Максиму. Седьмое чувство подсказало, что это Клим звонит. В течение всего разговора Максим не отводил от меня взгляда. Я слышала, как он говорит Климу, что сейчас у него дома, и, видимо, последовал вопрос Клима обо мне.

– Да, сидит твоя беда, бледная как смерть. Да. Ок. Жди.

Беда – это он обо мне?

Стоило Максиму закрыть телефон, как я бросилась с распросами.

– Что он сказал, откуда звонил?

Успела только подумать, что, раз телефон дома, значит, точно не из изолятора звонит.

– Скоро будет, – произнёс парень и направился к выходу.

Как ни пыталась выспросить у него ещё что-то, но это было бесполезно. Он просто молча обулся и покинул квартиру.

Снова звонок в дверь, заставивший моё сердце учащённо биться. Теперь уже я не хочу смотреть на экран видеодомофона, не хочу увидеть там кого-то другого. Проворачиваю замок и испытываю ни с чем не сравнимое облегчение.

Кидаюсь ему на шею, обнимая и прижимаясь всем телом,

чтобы почувствовать его, чтобы ощутить, что это действительно он, будто ждала с войны. И судя по его виду, оно так и было: кожа на скуле лопнула и окрасилась багрянцем.

Он сжал меня до хруста в рёбрах, а я, судорожно вдыхая родной запах, потёрлась носом о его шею, слыша, как от этого невинного жеста он тяжело втягивает воздух.

– Ну что ты, малышка, – смеётся, – всё хорошо, всё в порядке.

Отлепляюсь, внимательно вглядываюсь в его лицо. Улыбается криво, по-мальчишечьи. А мне не нравится, что он ко мне так обращается, чувствую ревность от мысли, что других девушек также обезличенно называл.

– Что случилось, тебе предъявят обвинение? – спрашиваю я встревоженно, продолжая висеть на нём. Он снимает кроссовки без помощи рук и, обнимая меня, несёт в спальню.

Ставит меня на ноги, медленно опуская руки с моей спины на ягодицы. Я дёрнулась, испугавшись пробежавшего по телу разряда, и отступила назад, наблюдая, как по его губам заскользила понимающая ухмылка.

– Может быть, ты будешь по мне скучать?

– Не шути так, пожалуйста.

– Кирилла должны арестовать скоро, – недобро улыбнулся он, не отвечая на мой вопрос, – насильников не любят на зоне. Я постараюсь, чтобы твоего присутствия требовалось как можно меньше, но показания всё же придётся дать.

Его голос был спокойный и отрешённый. Вспомнила тот

холод в его глазах, когда он вышел из машины, будто действительно готов был убить, отчего я невольно поёжилась и сделала ещё шаг назад. Иногда Клим казался мне лучшим человеком на земле, а в такие минуты, как сейчас, вызывал страх, пробирающий до костей. И дело было не в том, что мне было жаль Кирилла, после того, что довелось испытать, я не была способна испытывать к нему что-то помимо ненависти, просто я не знала, на что способен Самгин.

Клим приблизился и положил руки на мои плечи, слегка сжимая:

– Не смотри так на меня, тебе я никогда не причиню вред. Но если кто-то тебя обидит, то не сомневайся, что я могу и убить.

На языке вертелось так много невысказанных слов, но вместо них я просто осторожно обхватываю ладонями его щёки, покрытые колючей щетиной, всматриваюсь в глаза и вижу, как в их тёмной радужке плещутся демоны, его личные, которых прячет от меня, скрывает под маской спокойствия и отрешённости, и чувствую, как они ползут по моим пальцам, вылезая наружу, а мне хочется их всех с собой забрать, вытащить из него, потому что я теперь знаю, что его постоянно что-то снедает.

На ум приходят слова Таисии Андреевны про любовь, которую с теплом вспоминаешь. А я не хочу никакого тепла, хочу кинуться в его огонь и сгореть вместе с ним дотла, и пусть останется только пепел, но в нём будем мы вдвоём.

Клим сжимает запястье, скользя моей же ладонью к своим губам, и целует.

– Спокойной ночи, Алёна.

Выходит из спальни, оставляя здесь меня, свой запах и своих демонов, сворачиваюсь на его кровати, закручивая себя в кокон его одеяла, и понимаю, что сегодня был один из худших дней в моей жизни, а я непостижимым образом умудряюсь сейчас чувствовать себя счастливой, потому что он рядом.

12. Клим

С ней у меня многое было в первый раз – первые сильные эмоции, первая ревность и первое желание убить за неё человека. Я и раньше участвовал в драках, но все они были скорее для потехи, от дозы алкоголя, что зашкаливала в крови. А тогда, в лесу, мои глаза застилала кровавая пелена, не чувствовал ударов, которые наносил, не понял, в какой момент кожа на костяшках полопалась, пока я полировал его череп.

Даже её голос, когда она попросила остановиться, раздался откуда-то издалека, возвращая меня обратно в эту реальность. Хотел убить, и плевать было на свидетелей, столпившихся вокруг, только его кровь успокоила мой гнев.

А потом, когда увидел её на дороге с разбитой губой, мне казалось, я сойду с ума. От мысли, что кто-то посмел её касаться и причинить боль, от страха, который я видел в её глазах и который причинял боль мне. В тот момент мне хотелось так сильно сжать её в своих объятиях, чтобы она срослась со мной, вошла в моё тело и стала частью меня, потому что за себя я никогда не испытывал страха. А за неё стал бояться до умопомрачения.

Фёдоров ещё в клинике сказал, что нужно срочно уладить вопрос с прилюдным избиением пока ещё не виновного Кирилла, объяснив на пальцах, чем мне будет грозить эта вы-

ходка. И всё сводилось к одному-единственному человеку, который мог решить возникшие проблемы парой звонков нужным людям, и тошно было от необходимости обращаться за помощью к отцу, который отнесёт эту просьбу к списку моих вечных долгов перед ним, а расплачиваться придётся, выполняя его приказы.

Не стал звонить ему тогда, знал, что заберут, только не рассчитал, что так быстро сработает доблестная милиция. Фёдорову особого труда не стоило вызволить меня, но его действия не отменяли следствия и предъявления обвинения в причинении вреда здоровью средней тяжести. Поступил бы я иначе, будь у меня возможность прокрутить день назад? Нет, потому что воспоминания о крови Кирилла на моих руках доставляли удовольствие.

Мы стояли с Максом у здания Изолятора временного содержания, скуривая сигарету за сигаретой в тишине. Мне нужно было побороть отвращение к себе, чтобы набрать номер отца, а Макс, похоже, думал о чём-то своём.

– Дай трубу.

Друг протягивает свой телефон, и я набираю номер отца, молясь, чтобы он не взял трубку, а я – получил отсрочку. Но высшие силы не вняли, и отец ответил.

– Похоже, сын, жизнь тебя ничему не учит, что в Англии, что в России совершаешь одни и те же ошибки, – наслаждался отец звуком собственного голоса, после того как переварил мой рассказ, – поэтому закрывай поручение и возвра-

щайся в Оксфорд.

Я положил трубку, зная, что, в зависимости от настроения моего отца, Кирилла ждёт длительный срок, в лучшем случае, а в худшем – на его отца будет нарыто столько компромата, что они смогут делить соседние камеры, а в том, что компромат будет, – я даже не сомневался. Отец никогда не работал честно, закон его в принципе не интересовал, потому что он считал себя выше закона и сам устанавливал правила игр, которые вёл в России.

Его методы всегда меня отвращали, как и его отбелённый бизнес, созданный на крови и костях, но, как любил повторять отец, работу его я ненавижу, зато люблю деньги, которая она приносит. Я же мечтал, что когда-нибудь смогу построить честный бизнес, но пока в России правят такие, как Анатолий Самгин, лучше искать другое поле.

– Что он сказал?

– Что нужно возвращаться в Англию.

– И что будешь делать с Алёной?

Бросил на друга взгляд, задаваясь вопросом, когда она успела «из той девчонки» вдруг вырасти в его глазах до «Алёны».

– С Алёной, значит?

Макс пожимает плечами.

– Что-то есть в ней, признаю.

Слушать рассуждения друга о девушке, которую считал своей, не хотелось (и пусть она об этом ещё не знает). Друг

детства, верю ему больше всех, но доверил ли бы ему Алёну? Да ни за что на свете.

– Макс, лицо Кирилла видел? Если хочешь, украсу также.

Кирилл припёрся к отделению, когда меня уже выпустили, но он рассчитывал на другой исход и явно хотел лицезреть меня за решёткой. Мы как раз с Фёдоровым стояли у ворот, обсуждая заявление Алёны и всё, что адвокату удалось раскопать на Кирилла и его семью, когда Горяйнов выбрался из чёрного тонированного джипа. Я его не признал, увидел парня с опухшей рожой и заплывшими глазами, но внимания никакого не уделил, поэтому не был готов к тому, что он додумается на меня накинуться и нанести два удара: под рёбра и в лицо.

– Сука, – шиплю я, чувствуя, как по щеке струится кровь, у него был кастет.

Фёдоров, как бывший военный, оперативно скрутил парня, пока я сгибался в три погибели, надеясь, что мне не разорвало печень, а там уже подросли сотрудники ИВС. Мой прозорливый адвокат попросил зафиксировать факт нападения на его доверителя и передать запись с камер видеонаблюдения.

Кирилл приехал не один, а с Горяйновым-старшим, тяжело вылезшим следом из машины, и явно атлетичностью сын пошёл не в отца – откормленного борова в синей форменной одежде с погонами. Распознать что-либо по лицу Кирилла

было невозможно, но я чуял, что он растерян, как и его папаша, оба не понимают, как я оказался так скоро на свободе.

Смотрю на Кирилла, и вновь глаза наливаются кровью, мышцы непроизвольно напрягаются, адвокат преграждает мне дорогу к нему, видя, что я на взводе, и лишь осознание, что сейчас не то место, где следует осуществлять возмездие, меня останавливало.

– Клим, поезжай домой, – слышу совет адвоката, – я с ними разберусь.

Макс подъехал буквально следом за ними и наблюдал всю сцену, но поучаствовать не торопился, а лениво облокотился на свою машину в ожидании меня.

На физиономии прокурора было написано, что разговаривать со мной или моим адвокатом – ниже его достоинства, а я и не рвался, он был мне совершенно не интересен, потому доверил завершить дело Фёдорову и направился к Максиму.

Избить Горяйнова, попасть в Изолятор было не такой большой платой за то, чтобы, когда я вернулся домой, встретить там ожидавшую меня девушку. Увидел её, синяки и ссадины, оставленные Кириллом на ней, и пожалел, что не развязал драку у ИВС.

Мой адвокат постарался и нарыл на него целое досье с показаниями девушек, которые подавали заявления об изнаси-

ловании, где ему была отведена главная роль, и все дела были благополучно забыты. Оказывается, сын прокурора любил жёсткий секс без согласия партнёра. Что же, в тюрьме у него подобного будет навалом, правда, роли немного помешаются.

В голову закрадывалась чёрная мысль о том, как бы я себя повёл, если бы Кириллу удалось совершить задуманное, сомнений не возникало – убил бы. Спланированно или нет, не знаю, но не смог бы жить, зная, что он где-то портит воздух, даже за решёткой, может, и дал бы ему надежду на жизнь, потомил год среди других осуждённых, которые бы пользовались им, пока не сломали, а потом, если сам не закончил бы своё существование, то помог бы ему в этом.

Сон не шёл, раз за разом прокручивал в голове рассказ Алёны о произошедшем с ней кошмаре. Когда она пересказывала, то обронила фразу о том, что меня видели в клубе с другой девушкой и решили, будто я её бросил. Как тут не поверить в эффект бабочки? Не будь я конченным дебилом, не позвони Миле и не позови её в город Н., нас не увидели бы в клубе, знакомые Алёны не сделали бы вывод о том, что я утратил к ней интерес, и насильник, возможно, сдержался бы в отношении девушки. Впрочем, я не сомневался, что Кирилл псих, раз его мозг настолько отключался, что он не мог контролировать себя под боком у тренеров и товарищей по команде, а значит, если не там и в тот день, то он выбрал бы другое место и время.

И всё же от меня Алёне были одни беды. И чем сильнее я хотел держаться от неё подальше, тем хуже был итог этих стараний. Но больше я не собирался убежать от своих чувств, они победили окончательно и бесповоротно, они ломали меня, изменяли, делая совсем другим человеком. А может, я таким и был изначально? Не знаю. Меня затапливало сокрушительным теплом, когда я смотрел на неё, и вся жизнь «до» казалась серой и убогой. Это и есть любовь? Когда сердце разрывается на маленькие кусочки, как от атомного взрыва, с периодом распада длиною в жизнь.

Утром, проходя мимо своей спальни, услышал, как соня, что в ней спала, чихает. Чёрт, ну конечно, она же вся продрогла вчера, долго находясь в лесу в мокрой одежде. Осторожно постучал по двери, не желая её пугать, ответом было очередное чихание.

– Привет, – поздоровалась девчонка, снова чихая в ладонь, – прости, не могу остановиться.

– Привет, кажется, кто-то заболел, – удручённо заметил я, размышляя, останется ли она у меня ещё на чуть-чуть.

– Нет! – запротестовала. – Я никогда не бо-пчхи-лею.

Сел на край кровати, касаясь губами горячего лба. Возможно, я и хотел бы, чтобы этот жест не был таким интимным, но совладать с собой не смог. Расположил руки по обе стороны от неё, рассматривая крапинки в голубых глазах с потрескавшимися капиллярами белков.

– А ты очень горячая девочка.

Она растерялась, и я понял, что совсем не подумал о том, что у неё может быть посттравматический стресс. Отстригся, коря себя за необдуманное поведение.

– Надо вызывать врача, ты горишь.

– Ничего подобного, – возразила, гундося. – И что у тебя за навязчивая идея показать меня докторам, до тебя я вообще их в глаза не видела.

Да уж, с этим не поспорить.

– Похоже, я приношу тебе одни беды, Алёна, – озвучил собственные мысли.

Она замерла, а когда я захотел встать с кровати, сжала край моей рубашки, очень серьёзно смотря на меня.

– Я тебя не ненавижу больше.

– Порой мне кажется, что лучше бы ненавидела, – коснулся нежной щеки мимолётным движением. Она поймала мою руку и сжала кончики пальцев. И снова этот прямой взгляд, сбивающий наповал.

– Только иногда, – призналась она усмехнувшись. – Мне, наверное, пора, а то скоро придёт твоя девушка.

Чёрт. Мила.

Тысячу раз пожалел о совершенной глупости. И как теперь всё объяснить?

– У меня нет девушки.

– Конечно, – фыркнула Алёна, откидывая одеяло. – У тебя множество девушек.

– И куда ты собралась?

Моя майка на ней задралась, и я увидел на бёдрах девушки ссадины, которые вчера обрабатывал, и подумал, что мало Кириллу досталось от меня.

– Домой, а то нагрянут твои поклонницы, а тут я. Не хочу мешать.

Алёнка злилась как маленький ребёнок, не в силах сдерживать эмоции, и до того это выглядело забавно и мило, что с трудом переборол в себе желание засмеяться. Будь на её месте любая другая, это вызвало бы во мне раздражение, как, впрочем, раньше всегда и бывало.

Потянул за край собственной майки, привлекая Алёну к себе, так что она оказалась зажата между моих ног, удивлённо на меня взирая. Хотелось залезть руками под её скудную одежду, сжать бёдра, подняться руками к талии, чтобы чувствовать тепло обнажённой кожи. Стиснул зубы, силясь вспомнить, что собирался сказать, оставляя руки поверх майки на уровне бёдер.

– Хочешь, у меня никого кроме тебя не будет?

Она вглядывалась в моё лицо, должно быть пытаюсь понять, серьёзен ли я, а потом отпустила глаза и тихо произнесла:

– Нет.

Отошла и, сев на пол, принялась искать что-то в рюкзаке, не обращая на меня внимания, пока я переваривал, что меня отшили. Ничего не понимаю, видел же, как она реагирует на меня, как дрожит под моими руками, как смотрит на меня.

Спросить «почему» не позволяла гордость, поднялся и покинул комнату, скрывая разочарование. Никогда не предлагал девушке монополию на собственное тело, а когда предложил – она отказалась.

Вышел на террасу, думая о том, что либо у меня дым пойдёт изо рта, либо пар из ушей. Чёрт, до чего я докатился.

– Клим, – оборачиваюсь, стоит в обтягивающих серых штанах и толстовке с изображённым на груди гербом России, должно быть приготовленные ей для ночевки в лагере, спасибо, что не пижама с оленями. Вещи, которые вчера были на ней, переданы адвокату, заверившему, что они могут пригодиться на следствии.

– Здесь холодно, зайди внутрь, – сказал, делая глубокую затыжку. Она снова чихнула, нос красный, глаза воспалённые, но продолжила стоять на месте, обнимая себя руками.

– Самгин, неужели ты считаешь, что тебе стоит только поманить меня пальцем и я прибегу?

Делаю очередную затыжку, смотря на нее. Дрожит как осиновый лист, но не уходит.

– Считал бы, если бы ты за мной когда-нибудь бегала, – говорю сухо. – Из нас двоих бегаю только я.

Она открывает рот в желании возразить, но, должно быть, слов не находит и в итоге выдает:

– У меня не может быть секса.

Прав Макс, эта девочка – моя погибель, честное слово.

Бросил окурок в пепельницу и увел её на кухню, желая

услышать интересный рассказ.

– На этой неделе или в этой жизни? У тебя что, планируется постриг в монахини? – спросил я, делая нам кофе.

– Очень смешно, – съязвила малявка, кроша бумажную салфетку. – Мне нельзя до Олимпиады заниматься сексом, это может подстегнуть выброс гормонов, и тогда у меня начнутся проблемы с телом. Я не могу так рисковать.

Угораздило же меня влюбиться в девчонку, которой нельзя трахаться. Карма сука.

Где-то уже слышал подобное, но думал, это что-то из ряда фантастики. Надо будет почитать на эту тему, звучит как бред, но не удивлюсь, если его вбивают гимнасткам в головы, чтобы они не отвлекались от спорта.

– Сколько времени осталось до игр?

– Десять месяцев.

– Хорошо.

Она тут же поднимает глаза, не веря собственным ушам.

– Ты готов воздерживаться девять месяцев?

И я не верю, что могу согласиться на подобное, мало представляя, как выживу. Десять месяцев без секса, мать вашу, я же свихнусь!

– Да, но после меня должны будут причислить к лику святых, – морщусь, чувствуя уже боль в паху, внутренности даже от одной мысли об отказе от секса сводит в узел.

Алёна бросает несчастные остатки салфетки, подходит ко мне и проверяет температуру, приложив ладонь к моему лбу.

– Просто хочу проверить, что ты здоров, – веселится, засранка, – и может быть, ты напишешь мне об этом расписку, что-то вроде: я, Клим Самгин, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, обязуюсь воздержаться на десять месяцев от секса по собственной инициативе. За смерть от воздержания прошу винить Алёну Комар.

Притягиваю к себе, с деланно-серьёзным видом смотрю в голубые глаза, пока медленно провожу ладонью по спине, спускаясь к маленькой попке, которую начинаю поглаживать, теснее прижимая к собственному паху. Сжимаю упругую задницу, наклоняясь к шее, касаясь губами нежной кожи за ушком, чувствуя, как дрожь проходит по всему её телу, а с губ срывается рваный вздох, а потом отпускаю и подхожу к холодильнику, рассматривая его пустоты.

– Просто знай, что ты в любой момент можешь попросить меня снять напряжение, знаешь, секс отлично расслабляет мышцы, – слышу собственный хриплый голос, если Алёна сейчас опустит взгляд на мою ширинку, то поймёт, насколько мне хреново. – Надо бы еды купить.

Она стоит и смотрит на меня огромными глазищами, готов биться об заклад, сейчас принявшими тёмно-бирюзовый оттенок, на щеках пылает румянец, делая её невероятно красивой, так что мне стоит огромных усилий держаться на расстоянии.

– Ты играешь в грязные игры! – хватает попавшее под горячую руку полотенце и кидает в меня, ловлю его прежде,

чем оно ударится об мое лицо, и ухмыляюсь.

– Не хочу страдать в одиночестве, – подмигиваю ей.

Закрываю холодильник.

– Поехали возьмём твои вещи, ты остаёшься здесь, пока твоя бабушка не вернётся, купим еды и что-то от простуды.

Алёна долго злится, дуется, но, к моему удивлению, соглашается, должно быть, ей чертовски не хочется ночевать в доме одной, да и я не смог бы спать нормально, думая о том, что она там.

Стоим вместе в прихожей, одеваемся, вдруг девушка дёргает меня за рукав, понуждая подойти ближе, и показывает на наши отражения в большом зеркале:

– Как ты думаешь, что о нас сейчас прохожие подумают?

Оба в синяках, у неё разбитая губа, у меня щека.

Кладу по-хозяйски руку ей на плечо, притягивая к себе. Она маленькая кнопка, и я дядя Стёпа Великан, но мне нравится, как мы вместе смотримся.

– Если бы синяки были только у тебя, то думали бы, что я распускаю руки, если только у меня – то, не сочти это сексизмом, что я подрался с кем-то, напившись, ну а так как мы украшены оба, то будут думать, что у нас просто слишком дикий секс.

Повела плечом, убирая мою руку, и фыркнула.

– Или мне просто этот «дикий» секс не понравился.

Шлепнул её по попке, подталкивая к выходу.

– Готов прямо сейчас доказать обратное.

– Как только Олимпийские игры закончатся, дам тебе шанс обелить репутацию в глазах общественности.

В доме бабушки она сменила содержимое рюкзака, переделась и, как пионер-отличник с ранцем за спиной, встала передо мной, пока я докуривал очередную сигарету. Ближайшие месяцы курить я точно не брошу. Вот так, не любил двадцать один год – трахался сколько хотел, стоило влюбиться, и пришлось, мать вашу, начать блюсти целибат.

Мы приехали в самый большой в городе гипермаркет, и я наблюдал, как Алёна бродит между прилавков, рассматривая состав продуктов. Последнее время она ела всё меньше и меньше, будто практиковала аскезу не только в сексе, но и в еде, потому что была очень худенькой.

– Мне практически ничего из этого нельзя, – грустно посмотрела в заполненную до краев тележку с едой.

– Так возьми то, что тебе можно.

– То, что мне можно, не очень хочется, – кисло пояснила девушка, – тренер сказала, что нужно есть больше белка, а на мясо я уже смотреть не могу.

Взяли всё, что подходило под понятие высокобелковой пищи, и направились к кассе. Стоя в очереди, Алёна с интересом рассматривала товары, там были в основном шоколадки, презервативы, батарейки и жвачка.

– Что-то ещё будете брать, молодые люди? – поинтересовалась кассирша, похожая на ожившую мумию, пробив все наши покупки.

– Алёна, ты же просила взять побольше презервативов, – доставая с витрины рядом с кассой пару пачек и кидая на ленту, «напомнил» девушке, потом потянулся за смазкой, делая вид, что обдумываю необходимость этой покупки, – как считаешь, брать?

Я повертел перед носом девчонки лубрикантом, назначение которого она, возможно, не знала.

– Можно взять клубничную, но мне кажется, мы обойдёмся и без неё, – пожал плечами, возвращая товар на место.

Продавщица никак не реагировала, а Алёнка стояла красная, как варёный рак, и совершенно механически собирала покупки в пакет, словно контуженная неловкостью.

– Клим, как ты мог, она же может знать мою бабушку, это очень маленький город!

Я посмотрел на продавщицу и ответил:

– Судя по её виду, она может знать и твою прапрабабушку тоже.

13. Алёна

Очень переживала, что, когда бабушка узнает о случившемся, ей может стать плохо, поэтому заранее приготовила её сердечные лекарства. Чтобы не шокировать своим видом, я попыталась замазать синяки, но получилось не очень, с разбитой губой выглядела как жертва домашнего насилия.

Я смогла ей всё рассказать спокойным голосом, без накачивающих рыданий, как это случалось в первые дни после попытки изнасилования, и, возможно, поэтому она относительно нормально перенесла эту новость. Как мой опекун, она должна была присутствовать при даче показаний в милиции против Кирилла, и мне пришлось проявить всю выдержку, чтобы вновь не разреветься, рассказывая или вновь и вновь отвечая на вопросы следователя. Думаю, всё было бы ещё хуже, если бы с нами не было адвоката Самгина, который останавливал представителя власти. Вся процедура больше походила на мучительную пытку, и, хотя я являлась потерпевшей, порой мне начинало казаться обратное, но я понимала, что Кирилл должен быть наказан, и была благодарна Климу за то, что удержал меня тогда от малодушного желания забыть и простить насильника.

Пока находилась в доме молодого человека, он вытягивал меня из тёмных глубин моего сознания, в которые я погружалась, возвращаясь в тот день, к Кириллу. Шутил, злил,

выводил меня из себя, целовал так, что хотелось забыть о всех запретах и отдаться ему. Мы смотрели вместе романтические комедии, на которых я настаивала, хотя его вкусы в кино сильно отличались от моих, поэтому с видом мученика Самгин комментировал нелогичности сюжета, вызывая у меня приступы хохота.

Когда я лежала на его груди, глядя на большой экран телевизора, мне казалось, что счастливее меня просто никто не может быть. Под ухом размеренно билось его сердце, пока он рисовал узоры на моём предплечье, а я вдыхала в лёгкие непередаваемый аромат, состоящий из микса туалетной воды, сигарет и запаха его кожи.

Никогда не думала, что мне будет нравиться, как пахнут сигареты. Не знаю, какую марку он предпочитает, но выбранный им табак дурманил моё сознание. А ещё я любила наблюдать за тем, как он достаёт из пачки сигарету, зажимает зубами, подносит зажигалку, прикрывая ладонью пламя от ветра, поднимает на меня тёмные глаза и втягивает в лёгкие дым. Когда он так на меня смотрел, мои внутренности будто стягивало в жгут, и я забывала дышать, краснея удушливой волной, как в стихах Цветаевой, задыхалась, потопая в бездне эмоций, рождающихся к нему, и точно знала – умру, если узнаю, что он потерял интерес ко мне.

До середины недели тренер не пускала меня на тренировки, настаивая на том, что я должна отдохнуть и прийт-

ти в себя. К тому же врач в той клинике передала мне довольно сильнодействующие успокоительные, от которых меня штормило, поэтому я кое-как смирилась с данной ситуацией, успокаивая себя тем, что передышка мне не мешает.

Поняла, что творится что-то неладное, сразу как переступила территорию базы. Ребята суетились, бегали, о чём-то переговаривались, выглядели взволнованными.

Как ни странно, царившая на базе атмосфера не была связана с арестом Кирилла и завершением его спортивной карьеры. Сознательно ожидала, что меня будут винить, но отношение ребят как было прохладно-отстранённое, таким и осталось.

– Таисия Андреевна просила, чтобы ты зашла к ней, она сейчас в тренерской, – передала одна из девочек.

В раздевалке все хранили какое-то странное молчание, пока я переодевалась, переглядывались между собой, будто знали то, чего не знаю я. Смысла задавать вопросы не было абсолютно. На меня смотрели враждебно, и вряд ли что-то вразумительное услышала бы в ответ.

Зашла без стука в тренерскую, Таисия Андреевна шагами мерила комнату, но, заметив меня, остановилась и жестом показала на стул.

– Таисия Андреевна, что случилось?

– Нас сегодня посетил высокий чин из Федерации спортивной гимнастики, сообщил, что к нам в штат приходит новый тренер, его ученица уже у нас занимается – Анастасия

Малевская. Признаться, я не была в курсе этого.

Не сказать, чтобы тренер выглядела осчастливленной этим известием.

– Троянский конь?

Сумина проигнорировала мою шутку, а я всё ещё не понимала, как это может касаться меня.

– Алёна, ты должна сделать всё от тебя зависящее, чтобы попасть к нему.

Почувствовала, будто меня хлыстом ударили.

– Вы не хотите больше меня тренировать?

Она недовольно поджала губы, как бывало, когда я плохо осваивала новый элемент.

– Успокойся, Алёна, и выслушай, – строго, как с маленькой девочкой, начала она, – давно мне следовало уже тебя отпустить, да не могла, ты моя самая талантливая ученица, сама хотела подвести тебя к Олимпийским играм, но я понимаю, что не хватает у меня ресурсов для этого как у тренера, тебе нужны сложные элементы, нужно учиться тому, что могут американки и китайки. Я считаю, что у тебя есть реальный шанс попасть в сборную России на Олимпийские игры, но для этого ты должна показать новую программу, сильную, а я не могу тебе этого дать.

– Таисия Андреевна, я не понимаю.

– Новый член нашей команды – это Сергей Данилевский, – тренер опустила глаза на свои переплетённые пальцы.

О Данилевском знали все в спортивной гимнастике. К своим подопечным он относился так же, как относились тренеры в Советском Союзе и Румынии в семидесятых. Безжалостно и беспощадно, не считаясь с чувствами и вообще не думая о том, что работает с живыми людьми. Но, несмотря ни на что, его ученики выигрывали золотые медали на олимпиадах раз за разом. Я была не из тех, кого пугали трудности, и сейчас испытывала даже в некоторой степени азарт и предвкушение.

– Кроме Малевской, он не планировал больше никого тренировать, и ты должна убедить его в обратном. Точная дата приезда Данилевского ещё не известна, сейчас заканчивается его контракт в США, после чего начнутся бумажные формальности здесь, в России, и он приступит к работе на нашей базе.

Вместе с тем теперь мне стали ясны взгляды девочек в раздевалках, это был какой-то микс жалости и злорадства одновременно – не меня он выбрал.

– Будь готова к тому, что он тиран и моя школа по сравнению с его методами – это детский сад, – призналась тренер.

Данилевский не просто тиран, он чудовище, самое настоящее. Но если после него я выживу и приму участие в Олимпийских играх, то несомненно стану чемпионкой.

– Хорошо, – кивнула я, и тренер безошибочно распознала в моих глазах решимость.

Возможно, будь на моем месте кто-то другой, перспекти-

ва работать до кровавых мозолей и пугала бы, но меня она будоражила.

Вечером я зашла в раздевалку, не ожидая в ней кого-то ещё застать, потому что выходила из зала последней, но, к моему удивлению, на скамейке, прислонившись к шкафчикам, сидела Катя. После душа, с ещё влажными волосами и в повседневной одежде, очевидно, её тренировка давно завершилась, и когда она увидела меня, то едва заметно вздрогнула. Зная её отношение ко мне, решила не лезть на рожон и игнорировала её присутствие. Но когда я вышла из душа, Катя всё так же сидела.

Она очень медленно встала, будто ноги ко мне не несли, и подошла, сложив руки на груди в оборонительной позе, прислонилась к дверце соседнего шкафчика.

– Комар, – начала она, – я просто хотела сказать тебе спасибо.

Хмурюсь, не понимая её, ожидая подвоха.

– За что?

– За Кирилла.

Пазл в голове начал складываться. Внимательно смотрю на девушку, осознавая, что не просто так тогда, в автобусе, ею были произнесены те слова, не в ревности дело, а в личном опыте.

– Катя, он тебе что-то сделал?

Она тут же опускает глаза, но за секунду до этого я успе-

ваю прочитать в них то же, что видела в своём отражении, когда смотрела в зеркало, – уязвимость.

Замечаю, как она теснее прижимает к себе руки, сжимая их в кулаки, словно от одних воспоминаний про Кирилла ей хотелось защититься. Кивает, не поднимая на меня головы, и я чувствую её страх и беспомощность.

– Только тебе повезло больше, – искажённым от подступающих слёз голосом говорит она, – со мной он успел довести дело до конца.

– Почему ты не обратилась в милицию? – глупый вопрос, знаю. Без Клима я бы сама не пошла туда.

Катя смотрит на меня затравленным взглядом, которого я раньше не замечала.

– Если мой папаша об этом узнает, убьёт меня, а не его.

– Ты никому не рассказывала?

Она отрицательно качает головой, вытирая слёзы, как беззащитный ребёнок, и я понимаю, как мне повезло, потому что мои близкие не осудили, не обвинили и не предали анафеме. Не думая, я поддалась желанию и неуклюже обняла её, желая разделить вместе с ней её боль и свой страх. Сначала мне показалось, что Катя оттолкнёт меня, её мышцы задеревенели, она будто сжалась вся в комок, а потом расслабилась и уже не сдерживала слёз, пока не выплакала часть своих переживаний. Я понимала, как важно ей было с кем-то поделиться, прекратить держать всё это в себе, и постепенно слёзы угасли, а девушка начала успокаиваться. Но нам обе-

им станет лучше только после того, как виновный понесёт наказание.

Когда мы неловко отстранились, обе не могли смотреть друг на друга, правда, Катя перед уходом всё же буркнула, что это не мир, а мы не подруги, но с того дня наши отношения изменились навсегда.

С момента аварии прошло шесть месяцев, в течение которых я испытывала адские муки ради того, чтобы вновь встать в строй, но без полноценных тренировок ещё не ясно, на что способно моё тело. И всё же я не позволяла себе мыслей о том, что функциональность не вернётся или будет ограничена. В плохие дни, когда боль одолевала, я сидела сложив ноги по-восточному, представляя, как поднимаюсь на пьедестал, не видела травм, не видела препятствий, но отчётливо видела, как мне на шею надевают золотую медаль. И каждый раз, когда боль была нестерпимой, когда хотелось всё бросить, я визуализировала себе этот момент и ради него готова была пойти на всё.

Я должна стать олимпийской чемпионкой, иного я просто не допускала. Внутренняя сила и энергия, зажигая меня изнутри, давали ресурсы работать больше и лучше других. Тот, кто хотя бы раз вкусил победу, знает, что этот наркотик

самый тяжёлый, вызывающий привыкание с первого раза, и порой со смертельным исходом. Тренировки до потери пульса, до изнеможения, до обезвоживания, до крови на ладонях были достойной платой в обмен на золото.

Клим сам вызвался меня отвезти на решающий осмотр к моему хирургу в Москву. Бабушка очень серьёзно отнеслась к поездке, настояв на том, чтобы на мне было одно из платьев, которые дарила Лада. Когда сестра встала на ноги в Штатах, она постоянно направляла мне посылки с модной одеждой, отлично зная, что меня третировали за гардероб. Мой внешний вид волновал сестру куда больше, чем меня саму. Ну подумаешь, одним поводом больше, одним поводом меньше. Но каждая присланная ею вещь была подобрана с такой любовью, что выбора у меня не оставалось, правда, чем старше я становилась, тем больше откровенных нарядов прибавлялось в посылках. Естественно, они оставались нетронутыми висеть в шкафу, так как повода, да и времени их надевать у меня не было.

Если бы бабушка не завела волюнку на тему: «ты девушка, ты должна носить платья», я, как обычно, натягивала бы сейчас джинсы и кофту, но теперь стояла перед полками с одеждой, размышляя, что же выбрать. Порой мне казалось, будто бабушка хочет скорее отдать меня замуж и уже, очевидно, выбрала за кого. Я старалась не придавать особого значения её планам, хотя сама, лёжа по ночам с улыбкой до ушей после свидания с Климом, позволяла себе запретные

мысли о нашем будущем. Но в то же время ругала себя за подобные фантазии, потому что не знала, возможно ли что-то серьёзное и долгое с таким, как он, или этим отношениям дан короткий отрез времени, и после них у меня ничего останется. Даже самой себя.

На дворе стоял декабрь, тот период, когда снег ещё не выпал, а сухой и морозный воздух жалил кожу, и всё же почему-то у меня всегда в это время было ощущение грядущего праздника.

Я вышла к Климу в очень коротком платье, открывающем мои стройные спортивные ноги, что ещё больше было подчеркнуто ботинками на каблуке, с короткой курточкой, не прикрывающей поясицу. Чувствовала при этом себя ужасно некомфортно, ощущая ещё более обнажённой, чем в леотарде, потому что последний не нёс посыл подчеркнуть мою сексуальность, с которой я не научилась справляться, в отличие от подаренных сестрой вещей, кричащих о моей женственности. В таком виде он меня ещё не видел, и я рада была наблюдать, как из его рта выпала сигарета, стоило мне оказаться на пороге дома.

Этого дня я ждала и боялась одновременно, не только потому, что ответ может меня не порадовать, но и потому что, если заключение будет положительное, времени на встречи с Климом почти не останется. И честно говоря, слово «почти» здесь лишнее. Поэтому я с ужасом пыталась представить, как моя личная жизнь может вписаться в спорт.

– Ты решила соблазнить врача? – спросил он, притягивая к себе, с ленивой улыбкой, зная, для кого предназначен этот наряд.

– Он видел меня голой, вряд ли я его чем-то удивлю, – усмехнулась я, вспоминая предоперационную больничную робу, под которой не предполагалось наличие белья.

Брови парня тут же сошлись на переносице.

– Что?!

– Ты забыл тот больничный халат, что завязывается на спине, как в американских фильмах? На мне был такой же.

Мне казалось, это смешно, но Клима воспоминания об аварии совсем не веселили. И для меня самой было удивительно, что способна так спокойно говорить о дне, когда получила травму.

Клим был напряжённым с момента, как мы выехали из города, и стало очевидно, что его что-то гложет. Не выдержала, спросила, что с ним.

Он долго молчал, не отрывая взгляда от дороги.

– Алён, так всегда будет?

– Ты о чём? – я откинула спинку сиденья и легла на бок, лицом к парню.

Порой по его лицу было невозможно понять эмоций, вроде и спокойный, но внутри будто ураган разворачивается, набирая силу. Но кто его будет винить, если его лишили секса?

– Мы видимся в лучшем случае раз в неделю, и в этот единственный раз всё, на что ты способна в моём присут-

ствии, – это бороться со сном, – он покосился на меня, когда я в очередной раз сладко зевнула, – не то чтобы я был в себе не уверен, но раньше у девушек вызывал иную реакцию.

При упоминании других девушек тут же очнулась от подступающей дремоты, приподнялась и внимательно посмотрела на Клима.

Олеся была реальным воплощением отношения Самгина к противоположному полу, и каждый раз пересекаясь с ней в университете, я невольно вспоминала об их мимолётной связи, как обозначил её Клим. Олеся же, когда первый раз увидела, кто забирает меня с пар, вылила на меня ушат грязи, после которого хотелось бежать в душ. В её голове засела мысль, будто я его отбила, хотя слышать подобное было нелепо, но оправдываться, рассказывая ей историю нашего знакомства, было бы ещё глупее. Игнорировала Олесяю как могла, хотя казалось, стоит ей меня увидеть, у неё выделялся яд как у змеи. Благо, остальным был совершенно безразличен этот конфликт.

Но думала ли я о том, что он не сдержит слово, что будет удовлетворять свои потребности с другой? Как ни странно – нет. Находясь рядом с ним, я чувствовала ту искренность, с которой он ко мне относится, и абсолютно доверяла ему, и может, это было следствием наивности, неопытности или глупости, но по-другому я не знала, как быть с ним и не верить ему.

– Клим, ты же понимаешь, что я не могу тебе дать пока

большого?

– Не в сексе дело, помню наш уговор. Знаешь ли, у меня весь ноут завален твоими фото и видео в этих купальниках с выступлений, пока меня это спасает, – порой он говорил с совершенно серьёзным выражением лица абсолютно не серьёзные вещи.

– Дурак, – я ударила его по руке, не в силах удержать краску, затопившую лицо от фантазии, что нарисовало тут же моё воображение.

Он остановился у какого-то придорожного кафе, отсоединил мой ремень безопасности и сгрёб себе на колени, обнимая.

– Я безумно скучаю по тебе, от того, что мы не можем видеться каждый день, мне хочется лезть на стенку, – он отстранился, заглядывая мне в глаза, – и всё бы ничего, но порой мне кажется, что эти эмоции испытываю я один, понимаешь?

Удивлённо хлопаю ресницами, не веря собственным ушам. Неужели сам Клим Самгин только что почти признался в своих чувствах и одновременно, что не видит взаимности? От его слов, казалось, в моей груди разливался тёплый, разогретый солнцем тягучий свежий мёд. Я обхватила своими шершавыми ладонями его щёки, содрогаясь от смеха.

– Ты смеёшься, – глухо произнёс он мне в губы.

– Потому что ничего глупее я в жизни не слышала, – поцеловала уголок рта и отстранилась, чтобы встретиться с хму-

рым взглядом.

– Хочу это услышать, – безапелляционно произнёс он.

– Это? – шёпотом спросила, оттягивая момент, так как не была уверена, что могу сказать вслух заветные слова.

Он недовольно убрал мои руки, уже понимая, что не получит желаемого, и усадил обратно на моё место. Оставшись без его тепла, я почувствовала какое-то дикое одиночество, но вместе с тем будто лишилась голоса и забыла, как произнести простые три слова.

Но почему он так хочет услышать моё признание, когда сам молчит?

Моё волнение нарастало по мере приближения к Москве, несмотря на всю браваду, чем ближе, тем мрачнее рождались мысли в голове. Я пыталась предположить, как буду жить, если результат будет не в мою пользу, но моя фантазия так хорошо не работала. Клим чувствовал охватившую меня тревогу и, пока мы шли по коридорам больницы, преодолевая кабинеты МРТ, рентгена, сосудистого хирурга, держал за руку.

В дорогой клинике не было очередей, но время, к которому нам назначено, ещё не подошло, и мы ожидали под дверью. Я измеряла шагами коридор из угла в угол, не в силах усидеть на месте, в то время как Клим следил за моими пере-

движениями, устроившись в удобном кресле. Когда я нервничала, моё сознание от одолевавших мыслей буквально закипало, и, чтобы усмирить его, мне нужны были физические нагрузки. Движение всегда успокаивало мой ум.

Наконец услужливый администратор в белом халате, из тех, что больше похожи на топ-модель, нежели на сотрудницу клиники, проводила к хирургу. За спортивную карьеру мне довелось видеть немало травматологических кабинетов, но этот разительно отличался от всех остальных, здесь всё будто дышало деньгами, каждая вещица говорила об эксклюзивности, и врач мой был не обычный, а лучший из лучших, но только для избранных. Я к ним не относилась и понимала, что здесь лишь случайный гость.

Мой высокий доктор оторвал взгляд от экрана монитора, на котором, не сомневалась, мои результаты МРТ, и улыбнулся, кивая головой в сторону соседнего кресла, обтянутого белой кожей, гармонично сочетающейся с остальным интерьером этой кипенно-белой комнаты.

От заключения этого человека зависело моё будущее, и я смотрела на него как на Бога, способного либо убить меня, либо спасти.

– Здравствуй, Алёна, – поздоровался Царёв.

– Здравствуйте, Алексей Владимирович, что вы можете сказать по результатам исследований? – с места в карьер интересуюсь я, не в силах оттягивать вердикт.

– Ох уж эти нетерпеливые спортсмены, – покачал головой

хирург, – сначала мне нужно провести осмотр, ложись на кушетку.

Вдох-выдох. Неуклюже сняла с себя колготки, разместив на специальной вешалке, и легла, сцепив руки на животе, рассматривая название светодиодной лампы на потолке. Врач холодными пальцами в перчатках производил осмотр, его лицо ничего кроме медицинского интереса не выражало, пока он вертел мой травмированный голеностоп в разные стороны.

– Боли в щиколотке случаются?

Хотелось соврать, но врала я плохо.

– Бывают.

– Прописанное обезболивающее помогает?

– Да.

– Хорошо, одевайся.

Хирург, сняв перчатки и вымыв руки, вновь занял место за столом, а я, торопливо одевшись, вернулась на кресло.

– Исходя из результатов обследования, кости и связки зажили полностью, с венозным оттоком тоже проблем нет, в связи с чем могу разрешить тебе постепенно возвращаться к привычным спортивным нагрузкам. – Слова врача гулом прошлись где-то внутри черепной коробки и развеяли все страхи минувших месяцев, я наконец смогла выдохнуть сгусток напряжения, росший во мне с момента аварии. – Но тебе, учитывая колоссальные спортивные нагрузки, к ноге следует относиться бережно, сразу большие нагрузки давать

нельзя, как бы тебе этого ни хотелось. Если боли усилятся, не откладывая визит ко мне. У тебя очень подвижные суставы, эластичные мышцы, но то, как нога после травмы поведёт себя, покажут только тренировки.

Я не относилась к девушкам, которые могут от счастья завизжать и броситься на шею, скорее к тем, кто, неловко переминаясь, обнимет человека, вернувшего надежду, что я и сделала, стараясь не расплакаться от охвативших меня чувств. Врач сказал, что всё зависит теперь только от меня, а я больше не видела перед собой преград.

Мы вышли из кабинета вдвоём. Должно быть, на сегодня я была его последним пациентом. Царёв пожал Климу руку и велел беречь меня. Всё-таки персонал тогда не ошибся.

Самгин вцепился в меня обеспокоенным взглядом, ожидая результата приёма. А я смотрела на парня, под колёса которого попала шесть месяцев назад, и не верила, что жизнь может перевернуть всё с ног на голову. Кто бы мог подумать, что моя чёрная ненависть к нему бесследно растает? Я боялась признаться себе в чувствах к нему, не понимала, к чему могут привести наши отношения, осознавая ту глубокую социальную пропасть, что разделяла очень богатого мальчика и влюблённую в спорт девочку из неблагополучной семьи.

– Всё хорошо.

Стоило произнести эти слова, как он сорвался с места и заключил в объятия. Только сейчас я в полной мере ощутила, насколько он переживал всё это время, что я не смогу

вернуться к тренировкам, и, должно быть, осознавал – будь заключение врача иным, я не смогла бы на него смотреть, не думая о том, из-за кого я лишилась мечты. Скажи врач, что кости или связки плохо срослись, а путь в большой спорт для меня закрыт навсегда, я бы просто не смогла быть рядом с ним, не смогла смотреть на него и корила бы, даже понимая, что наша с ним вина обоюдна.

– Может, отпразднуем, посидим где-нибудь? – спросил он, улыбнувшись, продолжая меня обнимать.

Мне не хотелось его расстраивать, но единственный способ, которым я готова была отпраздновать разрешение врача, – это возможность опробовать все элементы спортивной гимнастики, которыми я владела раньше, понять, насколько я потеряла силу, гибкость, выносливость за минувшие шесть месяцев, рассчитать время на восстановление и возвращение к былой форме и добиваться её улучшения настолько, насколько это будет необходимо для олимпийского золота.

– Понятно, – прочитал он ответ в моих глазах, – только гимнастика, только хардкор. Ладно, поехали.

Клим ещё даже не знал, что ждёт меня впереди, что скоро у меня не будет времени ни на что, я трусливо не заводила с ним разговор на эту тему, да и до Царёва смысла в нём не было, – не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Успела ухватить его за руку, переплетая пальцы, остановив от горячего желания направиться к выходу без меня.

Сейчас мне не хотелось говорить о будущем, я не знала,

каким оно будет, что нас ждёт, но мы были вместе, и я хотела продлить эти мгновения.

– Давай отпразднуем, – согласилась, целуя его в подбородок. Каблуки хорошая вещь, без них я бы не дотянулась.

Клим привёз меня в пафосное место, где, должно быть, собирались сливки местного общества. Я сразу ощутила себя не в своей тарелке среди этих лощёных лиц, дам в блестящих нарядах, медленно cedивших апельсиновый сок из трубочки, с глазами-сканерами тугих кошельков, мужчин с выпяченными животами, обнимавших длинноногих дев, годящихся им в дочери.

– Не обращай внимания, здесь просто хорошая кухня. Попрошу, чтобы нас посадили подальше, – шепнул он мне на ухо, почувствовав моё волнение, теснее прижимая к собственному боку.

Пока мы шли вслед за хостес, мой затылок готов был воспламениться от прожигающих взглядов, меня рассмотрели со всех сторон, взвесили, оценили и вынесли вердикт – она его недостойна, я лучше, краше, но почему она с ним?

Я слишком выбивалась из общей массы местных глянце-вых див своей простотой: моя одежда – ноунейм, на моем лице нет косметики, мои волосы не уложены в локоны, и мой взгляд не ищущий, а испуганный и напряжённый.

Нас проводили к столику у окна, открывающего вид на мегаполис, с огнями города, на который спустился зимний

вечер. Я постаралась случайно не ослепнуть от красоты очередной девушки, бросавшей голодные взгляды на Самгина, и наблюдала за кипением жизни в Москве, пока Самгин выбирал что-то из меню.

– Какие люди, – раздался незнакомый голос, заставляя поднять глаза.

Клим не выглядел радостным, увидев молодого человека, обнимавшего модельной внешности девушку. Обменялся с ним формальным рукопожатием с таким видом, будто его пальцы могут быть посыпаны ядом. Не похоже было, чтобы они дружили.

– Всё бегаешь по поручениям нашего папаши, братец?

Я очень внимательно посмотрела на парня, внешность которого ничем не выдавала в нём родственника Самгина. Но слова говорили об обратном.

Неоднократно наблюдала, как Клим сбрасывает при мне звонки от абонента, записанного в его телефонной книге как «отец». Он рассказал мне о том, как оказался в городе Н., и что, собственно, его пребывание в нём ограничивалось годом, большая половина из которого уже благополучно прошла.

Иногда Климу нужно было уехать на несколько дней куда-то по работе, возвращался он взвинченный, хмурый. Так хотелось узнать, с чем связано это плохое настроение, но всё, что касалось его работы или семьи, оставалось тайной. Он не любил рассказывать о себе, я практически ничего про него

не знала кроме той информации, которую можно найти в интернете. Но гугл выдавал лишь сухие факты о том, что Клим Самгин – сын крупного бизнесмена Анатолия Самгина, владельца заводов, дворцов, пароходов, не отличается примерным поведением, зато отличается красивым личиком, которое любят запечатлевать фотографии на светских вечеринках в столице, и не только родины.

– Не твоё дело, Валя, – Клим и не думал сдерживаться, когда его что-то раздражало, а тот, кого называли Валя, ошестинился, явно недовольный подобным обращением, и перевёл злой взгляд на меня.

В приглушённом свете ресторана сложно было его рассматривать, но он как минимум на голову ниже Самгина, тощий, со сгорбленной осанкой, которую не поддерживали отсутствующие мышцы, создавая впечатление болезненности молодого человека. Да и лицо от сохи совсем не прибавляло очков к внешности и ещё больше отделяло от возможного родства с Самгиным.

– Ой, а это у нас кто, твоя новая игрушка?

Валентин сел рядом, разворачиваясь ко мне корпусом, укладывая руку на спинку кресла за моей спиной, рассматривая меня с любопытством студента-медика, препарирующего в первый раз лягушку.

– Игрушка? – повторила я, удивлённо переводя взгляд на своего молодого человека.

– Валя, убрался отсюда, – сквозь зубы прошипел Клим,

смотря на названного брата с таким видом, будто планирует устроить в ресторане драку. Я поймала взгляды бугаев, что стояли на входе и смотрели в нашу сторону, готовые в любой момент поучаствовать в разборках.

– Клим, о чём он говорит?

Валентина моя неосведомлённость явно развеселила. Его девушка, к слову, продолжала безучастно стоять, словно манекен в витрине магазина, в ожидании спутника.

– А ты не знаешь о забавах моего братца? Есть у него такое увлечение, как спорить на девчонку о том, за сколько времени он сможет затащить её в постель. Судя по тому, что вы тут вместе, тебя он ещё не поимел.

Сбитая этими словами с толку, даже не заметила, когда Клим успел встать со своего места и оттащить брата за грудки из-за нашего столика, волоча его по проходу, как мешок с картошкой, и просто бросив там, на глазах изумлённой публики. Бравые охранники тут же подбежали выяснять, что происходит, а Клим, перекинувшись с ними парой фраз, вложив купюру в нагрудный карман одного из них, вернулся за стол. В то время, как разъярённый и униженный Валера, удерживаемый охраной, рвался обратно к нам. Девушке же его потребовалось ещё несколько секунд на осознание, что ей стоит следовать за своим парнем.

– Он мне не брат, это сын новой жены моего отца, – отпивая воды, пояснил молодой человек, будто сейчас и не было ничего.

Пока я пыталась отойти от сказанных Вале́й слов и поведения Климá, последний выглядел совершенно спокойно.

– А в остальном он не солгал? – я склонила голову, внимательно вглядываясь в глаза парня, будто видела в первый раз.

Клим раздражённо скомкал салфетку, не смотря в мою сторону, достал из пачки сигарету и закурил.

Все эмоции во мне словно заморозились, я понимала, что он не ангел, но не думала, что способен играть с чувствами других так грубо и низко. Не в моей натуре было спокойно это принять, после того как побывала на месте тех, кого Валентин назвал «игрушкой». Когда чувствуешь себя частью чьих-то чужих забав, понять и простить игрока очень сложно.

Хотелось высказать Климу всё, что думаю о нём, только не умела я выяснять отношения, когда назревала ссора, я будто сдувалась, мне всегда было проще уйти от конфликта.

Потому и сейчас приняла решение сбежать из этого сосредоточения роскоши, гламура и лжи, чувствуя себя лишней здесь. Как некстати это желание возникло в чужом городе, с досадой размышляла я, мысленно просчитывая все возможные варианты бегства, зная, что Клим просто так меня не отпустит, и выбрала самый простой.

– Мне нужно в дамскую комнату, – сухо произнесла, беря с собой сумку. Пудриться мне было нечем, косметики с собой не было. Зато был паспорт и деньги на билет, до города

Н. хватит, успеть бы на регулярный поезд.

Должно быть, Клим был усыплен моим спокойствием, потому что я без преград забрала свою куртку в гардеробе и покинула ресторан, выбежала на улицу. Спросила у прохожих, как добраться до метро, и спустилась в тепло подземки. Вокруг посторонние люди, погружённые кто в книги, кто в свои проблемы. Кто-то меня толкнул, так что я чуть не упала, но сама виновата, зазевалась. Встала рядом с поручнем на противоположной стороне открывающихся дверей, неудобно чувствуя себя в коротком платье на высоких каблуках, хотя вроде никому не было до меня дела.

Телефон беспрерывно вибрировал, высвечивая на экране имя человека, которому совсем не хотелось отвечать. Отключила, бросив его в сумочку. Только сейчас осознав, что меня потряхивает от совершённого поступка. Правило сначала думать, а потом делать мной явно ещё до конца не освоено.

Добралась до Площади трёх вокзалов, купила билет на нужный поезд и села в зале ожидания, стараясь разместиться подальше от людей. Среди уставших людей с баулами я, с одной сумочкой, в платье и ботиночках, выглядела не менее лишней, чем в дорогом ресторане. Пахло несвежими телами, алкогольными испарениями вперемешку с едой и запахом грязной половой тряпки. Хотелось домой, к бабушке, чтобы она обняла меня, накормила ужином, и я легла в свою постель, а утром всё случившееся наверняка не будет казаться-

ся таким гадким.

В киоске с продуктами из еды были только шоколадки и пирожки, которые мне нельзя, и я с тоской вспоминала заказ, разложенный официантом на столе перед тем, как я покинула ресторан. Рациональности ноль, надо было сначала поесть. Дурёха.

Немелодичный женский голос объявил о прибытии моего поезда, на табло высветился его номер и путь. Решила подождать ещё десять минут, прежде чем выходить на перрон, рассматривая начавшийся снегопад через окно, через которое чувствовалось, как холодно на улице было. Поёжилась, обнимая себя за плечи, – выходить совсем не хотелось.

Это чувство, которое невозможно распознать и вычленить среди других, похоже на магию, потому что ты не видишь, но знаешь, когда на тебя кто-то смотрит, и твой взгляд безошибочно встречается с глазами смотрящего. Стоило немного сфокусировать зрение чуть выше, и я нахожу в отражении стекла зелёный напряжённый взгляд.

Предательское сердце пропускает удар, чтобы начать усиленно биться в груди. Он подходит и обнимает меня, прижимая к себе, а я чувствую его тепло, запах, и не в силах не то что сопротивляться ему, а шевелиться.

– Не бросай меня, – слышу его голос и не могу поверить, что это его слова, и все чувства, которые испытывала недавно, вся решимость убраться из Москвы без него, растаяли быстрее, чем снежинки на щеках.

14. Клим

Знал, что, как только отец поймёт, что всё идёт не по его плану, он может не только перекрыть мне финансовый кислород, но и организовать для Кирилла освобождение. Пришлось ехать на несколько дней к нему в Барвиху, где он проводил выходные, пока его новая жена развлекалась на яхтах, а пасынок тратил наши деньги.

Раздражало ли меня то, что Валентин может жить как хочет, а мне всегда ставили рамки и требования? Пожалуй, отец понимал, что Валя слишком туп, чтобы доверить ему бизнес, да, наверное, и не стал бы. Родство по крови многое для него значило.

Он частенько «угрожал», что если я не буду исполнять его приказы, то никакого наследства не получу. Всегда это забавляло. Отец был мощным мужчиной, чуть ниже меня ростом, и партнёры по бизнесу с хорошей памятью до сих пор нервничали, когда он выходил из себя. Правда, на него несколько раз совершались покушения, но Анатолий Самгин удачливый сукин сын, даже царапин не получил, но потерял одного телохранителя. Поэтому ни на какое наследство я не рассчитывал, хотя подозревал, что кому-кому, а Вале точно ничего не достанется – загнётся раньше отчима от наркоты.

Дом в отсутствие Алисы был похож на бордель. Я приехал рано утром, застав сцену, как отец доказывает юным любов-

ницам, что он вполне себе ещё жеребец. Хотелось после такого закапать в глаза кислотой. Оргия была в самом разгаре, когда я зашёл в гостиную. Никто не остановился, хотя отец заметил меня, а я прошествовал мимо в кухню, планируя перекусить.

Минут через двадцать пришёл отец, уже в халате, с мокрыми после душа волосами, когда я допивал кофе, копаясь в ноутбуке.

– Доброе утро, сын. Не ожидал, что ты явишься.

– Рад, что это было не спланировано, моя детская психика такого бы не выдержала.

Отец хмыкнул, наливая себе кофе и усаживаясь за барную стойку напротив меня.

– Ты должен быть уже в Оксфорде, – напомнил мне он.

Зашла одна из юных нимф, должно быть не первый раз гостившая в нашем доме, открыла холодильник и достала оттуда сок. Я повернулся, рассматривая девушку. Никакое стеснение ей не мешало, она была абсолютно обнажена и не имела на теле волос, кроме головы, с ровным золотистым загаром во всех местах.

– Я приехал просить об отсрочке на восемь месяцев, – оторвавшись от нимфы, вспомнил, зачем явился.

– Нравится? – кивнул отец на девушку, а та с интересом рассматривала меня.

– Нет, – честно ответил я. Эмоций больше, чем резиновая кукла, эта дева не вызывала, даже несмотря на отсутствие

секса.

Отец был удивлён. Впрочем, как и я.

– Чем же вызваны такие перемены?

Я пожал плечами, не собираясь что-либо рассказывать.

– Надеюсь, ты не влюбился в какую-нибудь провинциальную девку, или эта та, которую ты сбил?

– Что, если даже это и так? – поднимаю взгляд на отца, и без того зная ответ.

На лице Анатолия Самгина отразилось разочарование, кривя его губы в презрительную гримасу.

– Не совершай тупых ошибок, сын, у тебя должна быть холодная голова.

Ага, как у тебя по отношению к моей непутёвой мамаше.

– Поздновато для родительских наставлений, не находишь?

– И чем ты планируешь заниматься эти восемь месяцев, а главное, где? – пропуская мимо ушей моё замечание, переходит отец к тому, что его интересует больше всего.

– Буду в России, работать здесь, в Москве, как ты и хотел, – произнёс я, планируя ездить к Алёне при первой возможности, – а потом вернусь в Англию и завершу обучение.

Отец рассматривал меня колючими глазами, не так, как смотрят на своего ребёнка, а как на выгодное вложение капитала. Знал, что подобный расклад его устроит, что бы между нами ни происходило, в работе он всегда мне доверял и понимал, что диплом для меня лишь формальность для газет.

Ему было сложно мной управлять даже с помощью денег, и сейчас я видел в его глазах понимание, что ради этих восьми месяцев я готов пойти на многое. Механизм в его голове был запущен, и он просчитывал, как это можно обернуть в своих интересах.

Только я чувствовал, что за этот разговор мне ещё воздастся и цена будет высока. Ради Алёны я заключал сделку с дьяволом, которым являлся мужчина напротив, с моими глазами и фамилией.

Отец давно мечтал окончательно переложить часть своих дел на меня, как открытого бизнеса, так и теневого. И то, что было закрыто от общественности, представляло для него куда больший интерес. Я не всегда играл по-честному, и ангелом совсем я не был, но мне претило то, что я делал ради него, и я сам себя ненавидел за те дела, которые совершал, но на данный момент выбора не имел. Он будет поручать мне разбираться с самой грязной частью работы, считая, что так учит жизни и без этой школы успехов в России мне не достигнуть. Может, оно так и было, не знаю, он ещё жил по понятиям тех лет, которые дали ему сегодняшние возможности.

Пока закон работает на тех, у кого больше денег, связей, – ничего не изменится, поэтому я не видел своего будущего в этой стране.

Если руки моего отца были по локоть в крови, то мои ещё не успели так испачкаться, но я не сомневался, что отцу бу-

дет выгодно лишить меня, как он рассуждал, бесполезных попыток заработать иначе, а может быть, и для того, чтобы, имея на меня компромат, и дальше продолжать руководить мной как марионеткой.

Не стал задерживаться дома, да и домом он мне не был. После ухода матери я жил в интернатах до двенадцати лет, где отец навещал меня время от времени. С двенадцати, когда, должно быть, отец решил, что я из себя уже что-то представляю как личность, он позволил жить вместе с ним и его меняющимися одна за другой женщинами.

Больше город Н. меня не душил, и отвращение к нему, появившееся, как только я сюда приехал, ушло. Мне было всё равно, где находиться, главное, знать, что Алёна рядом.

Последнее время я жил только ею. Чувства, которые я испытывал к ней, были для меня открытием. Никогда не думал, что человек может быть настолько родным и близким. Её запах, звук её голоса, смеха, вкус кожи и губ, всё было моим, и я жадно поглощал те крохи времени, которые она способна была мне уделить.

Да, меня чертовски пугали эти перемены. Алёна, не прилагая никаких усилий, связала меня невидимыми путами, и я не собирался себя из них выволять, да и не смог бы, как

ни пытался, а я пробовал, сознавая, что у неё слишком много власти и при желании она способна меня уничтожить.

Мне было совершенно не ясно, как я жил прошедшие годы без этих ощущений. Но одновременно с ними пришли и другие, новые для меня эмоции. Страх её потерять, боязнь, что она ко мне не испытывает и малой толики тех безумных эмоций, что рождаются во мне, когда она поблизости. Дичайшая, не свойственная мне ревность, когда я видел взгляды мужчин на неё.

Я знал, что Алёна считает себя обычной, не примечательной особой, но на деле всё было иначе, просто она была настолько поглощена своим миром, что не замечала окружающего.

Несмотря на всю внутреннюю волю, что копилась в ней, она казалась мне хрупкой и ранимой. Хотелось закрыть собой от внешнего мира, чтобы никто не мог причинить ей боли. Надеюсь, это ещё не грань помешательства, радовало одно – сооружать изолированный звуконепроницаемый подвал порывов пока не возникает.

Я не знал причин, по которым она так фанатично отдаётся спорту. Иногда мне казалось, что это её способ жить и справляться со своими эмоциями, через боль, пот и кровь сбитых мозолей.

Вопросов о том, сколько продлится это наваждение, я себе больше не задавал, при этом испытывая одновременно и наслаждение, и муку. Мозг отказывался работать по годами вы-

строенным алгоритмам: познакомился, потрахался, забыл.

Ежедневно мне приходили сообщения от девушек, которые хотели залезть ко мне в штаны, а я вёл жизнь праведника, потому что не получал от девушки, которую считал своей, ничего кроме поцелуев и касаний. Но даже невинные поцелуи с ней были ярче и красочнее, чем порой секс с другими. Она была невинна, и меня будоражило осознание того, что именно я буду её первым, хотя никогда этот момент не имел для меня какого-либо значения. Собственно, мысли о том, что я хочу быть последним, меня тоже посещали.

Когда она вышла от врача, я испытал огромное облегчение. Сам не понимал, какой груз был на плечах, пока она не сказала, что всё позади. И эта дурацкая встреча со сводным братом, чтоб ему неладно было. Смотрел на то, как он рассказывает ей нелицеприятную часть моего прошлого, словно на крушение поезда, страшно, а оторваться невозможно. Мог бы остановить его раньше, вытолкать из-за стола ещё до того, как он посмотрел в её сторону, но во мне родилось какое-то дикое желание узнать, оттолкнёт ли она меня, узнав часть правды обо мне.

И когда она не вернулась, я получил ответ на вопрос. Хостес сказала, что моя спутница забрала свои вещи в гардеробе и ушла. Стоял на улице, пытаюсь понять, куда она может пойти. Вроде в Москве у неё никого не было, но мало ли, она знала многих товарищей по спорту, и большинство из них жили в столице. Осталось несколько вариантов, и очень на-

деялся, что выбрал верный, между железнодорожным и автовокзалами.

Рыжеволосая девчонка сразу бросалась в глаза, да ещё в таком коротком платье, что проходящие парни сворачивали шею, а я недоумевал, как она умудряется не замечать эти сальные взгляды.

Остановился, наблюдая за ней. Разве мог её отпустить? Смогу ли я вообще когда-нибудь позволить ей уйти? Такой вариант развития событий разлился жгучей болью в грудной клетке, так что дышать становилось трудно. И сейчас я не чувствовал, что дышу, не чувствовал, что сердце бьётся, потому что она не хотела принимать меня.

По иронии, она видела в основном положительную сторону моей натуры, а что будет, когда столкнётся с тёмной?

Мы смотрели друг другу в глаза в отражении стекла, и не было на вокзале других людей, кроме нас, и время, кажется, замерло, а снег за окном повис в воздухе. Приблизился к ней, вдыхая её запах, и вновь мир обрёл краски, ожил, прекращая быть чёрно-белым.

Алёна откидывается на мою грудь, будто устала без меня, как и я без неё, продолжая смотреть в мои глаза через отражение.

– Давай уйдём отсюда.

Качает головой, но не отстраняется.

– У меня поезд.

– Здорово. А у меня машина.

– Самгин, я тебя ненавижу.

Поворачиваю лицом к себе, обхватывая ладонями её шею, заглядывая в глаза.

– Повтори.

– Я тебя ненавижу.

– А я жить без тебя не могу.

– И я без тебя не могу, – утыкается лбом мне в грудь и обнимает сама.

– Хоть это взаимно, – начинаю дышать.

– На меня ведь тоже парни спорили, – произносит, поднимая ко мне лицо, – так же, как и ты на тех девчонок. Знаешь, что это за чувство, когда к тебе как к вещи относятся?

Она вглядывается в моё лицо, будто пытается увидеть, насколько я похож на тех, о ком она говорит.

– Знаю, но давай не будем об этом.

Смотрит на меня удивлённо, не ожидая подобного ответа, и произносит:

– Боже, только не говори, что девчонки спорили о том, кто затащит тебя в постель!

– Да ну, они же все могли выиграть. Одновременно.

Отталкивает меня ладонями и пытается уйти, но я успеваю схватить её за запястье и притянуть к себе.

– Всё равно не отпущу.

Я не знаю, когда родились эти чувства. Может быть, в тот день, когда она бросила свой первый взгляд в мою сторону и поцарапала мою броню холодными глазами. Или когда я прочитал ей в палате первую книгу. Возможно, когда наблюдал, как девушка медленно засыпает. А может, в то утро после возвращения из больницы, когда увидел её в смешной пижаме, или тем вечером, когда она стояла на снаряде, грациозно выполняя гимнастические элементы.

Чем больше я об этом думал, тем больше понимал, что я любил её всю жизнь. Будто до знакомства с ней ни одна девушка не вызывала во мне эмоций, потому что я все берёг только для неё.

Порой мне казалось, что Алёна – это лёд, а я пламень, который готов её растопить. Я касался её и видел, как железное спокойствие покидает девушку, она словно оживает, выбирается из панциря на свет и начинает дышать. Уставшая после учёбы и тренировок, она приникала ко мне все телом и также жадно отвечала на мои поцелуи, с той же алчностью просила ещё и ещё, пока я не чувствовал, что схожу с ума от болезни, носящей её имя.

У меня не возникало желания поторопить её, несмотря на то, что я поклонялся ей как божеству, желал и мечтал войти в тело. Вместе с тем я получал мазохистическое удоволь-

ствие от того, что мы каждый раз оттягиваем близость. Меня спасали только фантазии о ней и правая рука.

В один из зимних вечеров середины января, в тот самый день, когда мне исполнилось двадцать два года, я предложил ей выпить со мной шампанского, правда, не сообщил, в честь чего. Мне не хотелось никого видеть и слышать в этот раз кроме неё, поэтому, когда она пришла, я отключил телефон, так и не приняв поздравления.

Алёна ушла с тренировки пораньше, что давалось ей с огромным трудом, отдыхать она совсем не умела, и мне стоило больших усилий получить этот вечер для себя.

Не знаю, откуда вообще у меня находились силы быть таким понимающим и терпеливым. Она могла делать со мной что угодно, хоть в узлы завязывать, потому что мы виделись так редко, что ради тех мгновений, когда она была рядом, я готов был отдать что угодно. Только вот не пользовалась этой возможностью.

– Я не пью алкоголь. Совсем, – тихо произнесла, когда я передал ей бокал. Она взяла его, посмотрела на пузырьки и поставила на стол.

Скажи эти слова она не так отстранённо, я, может быть, не обратил бы на них внимания, но её поведение дало понимание, что за ним кроется.

– Думаешь, от одного бокала завтра упадёшь с бревна?

Она качает отрицательно головой.

– У меня мама была алкоголичкой, не хочу рисковать,

вдруг это семейное.

Алёна произносит эти слова, глядя мне прямо в глаза, и я догадываюсь, что ей важно понять мою реакцию. Нет, я, бесспорно, догадывался, что бабушка не в капусте её нашла, строил версии о том, что родители попали в аварию или произошла ещё какая-то трагическая случайность. А ещё в моём представлении дети алкоголичек не становились чемпионками мира по спортивной гимнастике. Я навесил на девушку ярлыки, полагая, что единственная драма, случившаяся в её жизни, была связана с моей личностью.

Притянул её к себе, не зная, требуется ли ей утешение или это мне необходимо унять её страдание, потому что я видел его в её глазах. Она смотрит на меня так, будто после сказанного ожидает, что прогоню её.

– Расскажи, – прошу я. Не хочу, чтобы между нами что-то стояло, а сейчас она отгородилась от меня своей тайной, которая кажется ей постыдной.

Отходит к окну и уже больше не смотрит в мою сторону.

– Да нечего рассказывать, – слышу её по-детски обиженный голосок, не вижу лица, но догадываюсь, что она поджимает губы, – если вкратце, папа бросил маму, она не смогла с этим справиться и прибегла к помощи спиртного.

Стою сцепив пальцы за спиной на столешнице, борясь с желанием обнять Алёну, но чувствую, что сейчас ей это не нужно.

– Где сейчас отец?

Она поворачивает голову, давая возможность рассмотреть её профиль, немного надутые губы беззащитного ребёнка.

– Не знаю и, если честно, уже не хочу знать. У него другая семья, другие дети. Это совсем не интересно, Клим, – изгибает рот в болезненной улыбке, повернувшись ко мне.

– Интересно. Ты осталась в детстве без отца, а я без матери.

Не знаю, к чему произнёс это, наверное, хотел показать ей, что мы не так уж сильно различаемся.

– Но, по крайней мере, она не была алкоголичкой и не спалила единственное жильё своих дочерей, заснув с сигаретой.

Блядь. Что можно на это сказать? Мой отец не был примерным родителем, пусть и считал меня одной из шахматных фигур на своей доске, которую можно переставлять по своему усмотрению, но, по крайней мере, я никогда ни в чём не нуждался, пожалуй, кроме хотя бы какого-то проявления человеческого тепла.

– А я думал, у меня было тяжёлое детство, – криво улыбаюсь, желая снять напряжение.

– Как видишь, я и тут победитель, правда, медаль мне за это на шею не повесят.

– За это – нет, но у меня кое-что есть для тебя по другому поводу, – достаю бархатную коробочку и протягиваю ей, не зная, понравится ли ей мой маленький подарок.

Алёна нерешительно берёт, погладив крышечку пальца-

ми, но не находит в себе смелости раскрыть.

– И какой повод?

– Открой.

Немного хмурится, но, как послушная девочка, открывает и находит внутри кулон из розового бриллианта в форме сердца с венчающим его прозрачным бриллиантом круглой огранки на короткой платиновой цепочке. Никогда раньше не выбирал подарков, обычно отдавал свою карту, позволяя купить что вздумается, поэтому сейчас испытывал странное волнение. Алёна едва касается холодной поверхности камня, поднимая на меня глаза, в которых отражается свет драгоценных камней.

– Очень красиво, но я не могу принять такой дорогой подарок.

– Жаль, тогда придётся его выбросить.

Смотрит в глаза, выискивая признаки безумия, и, должно быть, находит. Я беру украшение из коробочки, поворачиваю девчонку к себе спиной и прошу приподнять волосы, застёгивая на шее кулон. Не сумев сдержаться, провожу небритым подбородком по тыльной стороне шеи, оставляя розовый след на нежной коже, который тут же покрываю поцелуем. Она замерла, дрожа в моих руках, и это была самая извращённая и сладкая мука, быть рядом с девушкой, которую хочешь больше всего на свете, и не иметь возможности её взять.

– Не теряй, это моё сердце, отдаю на хранение.

– Тогда я его никому не отдам и тебе не верну. Никогда. Даже не проси.

Поворачивается ко мне лицом, обнимая за шею. Я усаживаю её на столешницу, так что наши лица оказываются на одном уровне, а она сжимает мои щёки ладонями, закрывает глаза, проводя своим маленьким носиком по моему, и целует, сначала едва касаясь, а затем обжигая языком мои губы и рот, исследуя, изучая, ведя за собой, а я жаждущий путник, который идёт за своим проводником к оазису с пресным озером. В какой-то момент я дохожу до пика, понимая, что точка невозврата слишком близка, за ней я потеряю контроль, но не в силах остановиться.

Алёна ещё теснее прижимается ко мне. Нас разделяют мои брюки и её трусики, и тонкие колготки. Больше под платьем на ней ничего нет. Не знаю, делает ли это она осознанно или нет, но Алёна трётся о мою напряжённую ширинку промежностью, доводя меня до иступления. С подросткового возраста я не кончал в штаны во время ласк с девочкой, но похоже, это время сейчас ко мне вновь вернётся.

Не могу останавливаться, не хочу, целую изгиб шеи, ключицы, стягиваю платье с плеч, слыша треск ткани, чтобы во-брат в рот острый напряжённый сосок. Алёна немного откидывается назад, упирается руками за своей спиной, ещё больше открываясь мне, продолжая со всеми своими гимнастическими способностями скользить мокрыми трусиками по члену под слоем одежды. Провожу языком по ареоле,

немного дую и сжимая сосок зубами, доставляя ей лёгкую боль, но она лишь откидывает голову в судорожном вздохе, и её тело пронзают конвульсии, надеюсь, первого оргазма с мужчиной. Ноги дрожат, ещё сильнее сжимая мой торс, продлевая агонию движением вверх и вниз, и я кончаю от петтинга острее, чем от последнего секса с женщиной.

Мы замираем тяжело дыша, взмокшие и липкие, и девушка, осознав произошедшее только что, зарывается лицом мне в шею, лишь бы не смотреть в глаза. Я провожу ладонями по её спине, успокаивая, понимая, что гормоны на почве воздержания играют с нами в интересные игры. Я готов повторять их ежедневно, лишь бы иметь возможность касаться её, слышать возбуждённое дыхание, изучать языком вкус её тела во всех местах, и там, под трусиками, больше всего. Когда думаю об этом, мой рот наполняется слюной, чувствую себя голодным зверем, нашедшим свою самку и желающим отметить её своим семенем. И эти мысли пугают меня до чёртиков.

15. Алёна

Моё сердце рвалось в зал ещё и потому, что я знала, – скоро придёт новый тренер. Я всегда прислушивалась к словам Таисии Андреевны, и когда она сказала, что не потянет мою подготовку к Олимпийским играм, значит, так и было. Но если быть совсем честной, мне казалось, что после случившегося с Кириллом тренер чувствовала такую острую вину передо мной, что ей стало сложно меня тренировать, а мне – ей довериться, как раньше, на все сто.

Мне требовалась новая программа на предстоящие чемпионаты, я должна была доказать, что меня не выбило из строя, а именно так будет думать спортивное сообщество, зная, насколько тяжёлую для гимнаста травму я получила, после которой мало кто мог вернуться в спорт, а ещё меньше было тех, кто был способен завоевать олимпийское золото.

Дата приезда Данилевского всё ещё оставалась не известна. Знала, что последние годы он успешно тренировал американских гимнастов, но, как говорят, заскучал по родине и ему надоело приносить пользу чужой стране. Возможно, он просто успел достаточно заработать денег и решил сделать что-то для души. Хотя то, что я о нём знала, ставило под сомнение существование у него души.

Долгие годы в России не было гимнастов, которые могли бы побороться за олимпийское золото с мощными аме-

риканками, чьи бицепсы вызывали вопросы о том, что они для этого принимают и чем питаются, или с тонкими японками, которые выглядели так, будто не вступили ещё в фазу полового созревания, больше похожие на десятилеток в свои шестнадцать.

Конечно, все допинг-пробы были отрицательными, а поставленная в детстве гиперреактивность до сих пор была основанием для приёма запрещённых препаратов благодаря так называемому терапевтическому исключению. Для российских спортсменов такой трюк не работал.

Кто-то может спросить, зачем гимнастке допинг, ведь у нас важна не только сила, но и гибкость, артистичность и прочая, прочая. Однако отработка элементов требует сверхконцентрации и огромной выносливости.

Я слышала, что некоторые гимнастки принимают препараты для контроля своего эмоционального состояния, эти волшебные средства убирают волнения, переживания и стирают усталость, после них ты перестаешь вообще что-то чувствовать и откуда-то приходит прилив энергии. Я никогда не принимала запрещённых препаратов, на русских было обращено в последние годы слишком много внимания, и кровь, и моча так тщательно проходили проверку, что страшно было лишиться раз принять не ту таблетку. Я знала наизусть список запрещённых и разрешённых препаратов, содержимое моей аптечки было проверено до последнего компонента.

Чтобы победить своих главных соперниц, которые зара-

нее обладали преимуществом, контролируя своё тело и сознание с посторонней помощью, а также возможным судебским засуживанием, мне нужно было тренироваться больше и лучше, чем они, показать элементы чище и сложнее, чтобы стать безоговорочно первой.

Закончилась длительная разминка, каждая мышца моего тела в тонусе и наполнена кровью. Ранний час, в гимнастическом зале никого, и я имела возможность спокойно, без посторонних взглядов, позаниматься.

Таисия Андреевна стояла рядом с кружкой кофе в руках, наблюдая за мной сонным взглядом, пока я подготавливала брусья под себя, растирала снаряд магниезией. Обычный ритуал перед тренировкой сегодня был для меня особенно ценен. Сердце в груди билось быстро и взволнованно, пока я чувствовала под пальцами снаряд, я умирала его. Не знаю, могут ли так остальные спортсмены, никогда не была в чужом теле, но я была способна контролировать каждую мышцу своего тела вместе и изолированно, а сердце тоже было мышцей.

Я подошла к стойке с магниезией, чтобы тщательно проработать руки, после чего натянула специальные гимнастические перчатки. Пара шагов, и вот я стою у разновысоких брусьев, рядом тренер, готовая меня поймать в любой момент.

В период реабилитации я занималась на них, но не выполняла соскоков, прыжков, элементов, при которых была ка-

кая-либо нагрузка на ногу, в первую очередь ударная. Я хотела выполнить свою старую программу, которую показывала на чемпионате мира, но тренер запретила, так как она была полна сложных элементов, поэтому сейчас мне предстояло выполнить то, что делают заурядные спортсменки.

Отрываюсь от земли и касаюсь нижней жерди и сразу взлетаю на верхнюю. Тело лёгкое, мышц мало, слабость приходит быстро. Я никогда не была особо сильной в физическом плане, выполняла элементы скорее на силе воли, нежели силе мышц. Большой оборот на верхней жерди, я вижу мельком, как далеко от меня земля, но тут же забываю эту мысль. Сальто в вис, и от моих движений тонкие волоски вылетают из пучка, щекоча лоб и щёки, задерживаюсь на верхней жерди на доли секунд в стойке на руках, и вновь полёт вниз с высоким темпом вращения. Завершаю композицию соскоком и касаюсь стопами мата, тут же выпрямляясь за руками вверх, как пружинка.

– Слабенько, конечно, слабенько, – слышу я за спиной незнакомый мужской голос, но тут же осознаю, кому он может принадлежать.

Медленно оборачиваюсь, ощущая подёргивание мышц от напряжения. Передо мной стоит высокий мужчина в возрасте, его некогда тёмные волосы похожи на смесь соли и перца, крупные нос, морщинистый лоб и глубокие носогубные складки будто запечатлели на его лице вечную гримасу недовольства. От взгляда холодных серых глаз хотелось по-

ёжиться и надеть куртку.

Слова мужчины вызывают острую обиду, ведь он наверняка слышал об аварии, знает, как давно я не тренировалась в полную силу, но я тут же решаю избавиться от этого чувства, ведь он прав. Я действительно сейчас непозволительно слабая.

– Я знаю, сделайте меня сильной.

Кому-то в этот момент я могла показаться дерзкой или бросающей вызов, но сама я так не считала. В глазах мужчины блеснул интерес, и на долю секунды я увидела подобие улыбки на губах, которая быстро испарилась.

– У меня уже есть ученица, – и удалился в туман.

Смотрю на своего тренера в растерянности.

– Ну а кто сказал, что будет легко, – пожимает Сумина плечами.

Одна изматывающая тренировка сменялась другой. Моё расписание было настолько жёстким, что я едва находила возможность сходить в туалет. Утром пробежка для развития выносливости и небольшая тренировка перед занятиями в университете, затем пары, на которых я одновременно пыталась бороться со сном и усваивать материал. Если Клим был в городе, он забирал меня у входа в университет и отвозил на базу. Пожалуй, эти двадцать минут в пути были единственным временем, которое я могла уделить ему, а дальше тренировки до глубокого вечера.

Иногда я вырывала один выходной на неделе, и мы проводили его вместе, и всё равно часто мои мысли были заняты другим мужчиной – Данилевским. Клим знал, как я переживаю, что он не обращает на мои старания никакого внимания, я рассказывала ему всё происходящее в зале, правда, мои истории не отличались насыщенностью.

Если быть совсем честной, то я находилась на грани истерики от того, что в своих планах по завоеванию интереса Сергея Архиповича Данилевского я не продвинулась ни на гран, мои нервы были ни к чёрту, я очень переживала, что могу не попасть в сборную на предстоящие соревнования.

Однажды, когда я хотела обсудить с тренером свою программу и направлялась в тренерскую, стала свидетелем разговора Суминой с Сергеем Архиповичем обо мне.

– Серёж, да пойми ты, несмотря на травму, Алёна – единственный реальный претендент на золото, – яростно отстаивала меня тренер.

– Нет, это ты пойми, Таисия, что с такими травмами, как у неё, не выигрывают олимпийское золото, я видел её ногу, у неё там пластина на всю щиколотку. Не выдержит она моих нагрузок. Зачем мне ученица, которая будет потом жаловаться, что у неё болит нога? А она будет у неё болеть!

Не стала больше слушать, как они ругаются, потому что тон у обоих был повышенный. Действительно, слова Данилевского не так далеки от истины. После долгих тренировок нога болела, ныла, порой отекала, но никогда это для меня

не было основанием для того, чтобы завершить тренировку. Эта боль стала для меня привычной, шла фоном к каждодневным занятиям. Лишь когда она отнимала у меня все силы, я принимала обезболивающие таблетки, которые не всегда помогали. При острых болях в ход шли уколы.

Тренер старалась, готовила, но всё казалось мне недостаточным. Возможно, это была какая-то психологическая атака моего мозга, ведь до того момента, пока сама Сумина не признала, что не тянет мою подготовку, у меня не было мыслей сменить тренера, а сейчас всё, что мы с ней делали, казалось самодеятельностью.

Я видела, что Сергей Архипович применяет новые техники освоения элементов, даёт новые подводящие упражнения, которые нашей школе были не знакомы. Порой останавливалась и наблюдала за ним и его ученицей, почти не отдавая себе отчёта в этом. Малевская, конечно же, замечала мой интерес, и я видела на её лице выражение превосходства от того, что именно он её тренер. Да, я завидовала ей. По чёрному, так, что даже не думала, что способна на подобное чувство.

Но вместе с тем и она видела мой прогресс, с каждым днём я набирала форму, и благодаря жесткому режиму питания и тренировок мои мышцы оформились и налились силой, больше не дрожа от напряжения, как было первое время после начала полноценных тренировок. Мышечная память позволила быстро возвращаться на мой былой уровень, и я

очень ждала предстоящих соревнований, хотя пока не была заявлена ни на одни, но надежды не теряла.

Между нами существовало молчаливое соперничество, которое замечали все, и я бы даже не удивилась, узнав, что ребята делают ставки, кто кого обойдёт и попадёт в сборную. Мы с ней мало общались, но каждый наш разговор заканчивался склокой. Новые обстоятельства показывали и новые стороны моей натуры. Раньше, до травмы, когда я была безоговорочно первой, мне не приходилось быть колкой или агрессивной, сейчас же страх выдавал меня с головой, хотя у меня и находилось небольшое оправдание в том, что я была в сексуальном плане взвинчена Климом до предела и измотана тренировками.

В один из очередных тренировочных дней, в то время когда часть ведущих учителей была на выезде в администрации города по организационным вопросам, ко мне подошла Малевская:

– Что, Комар, так и будешь смотреть на нас как собака на кость?

Честно, мне кажется, в меня вселился Клим, потому что больше нечем мне было объяснить своё желание схватить её за хвостик и опустить лицом в чашу с магнезией.

– А ты настолько переживаешь, когда я смотрю в вашу сторону, что даже ножки начинают дрожать?

– Было бы с чего, Данилевский отлично знает, что я лучше тебя, – парирует Малевская.

– В том то и дело, что не знает, – ерщусь я.

К нам подходит одна из девчонок, делая брейк руками, разводя нас, как на ринге, в стороны.

– Девчонки, прекратите это уже, если хотите, устройте дуэль, кто чище выполнит какой-нибудь элемент, та и лучше, – предложила она.

Анастасия дерзко смотрит в мою сторону, оценивая, поведусь ли я на провокацию или нет.

– Что, Комар, трусишь?

– Дуэль так дуэль, – пожимаю плечами с деланно безразличным видом.

– Отлично, выбирай снаряд, я выберу элемент.

– Разновысокие брусья, – кидаю я, зная, что хороша на них.

– Выполняем «Петлю Корбут».

В зале повисла тишина. Я не видела, чтобы Малевская тренировала этот элемент, но очевидно, что так и было, раз она предложила его.

– Вы рехнулись? – слышу голос Кати, которая вышла из ряда наблюдавшей за нами толпы и приблизилась ко мне. – Комар, не вздумай соглашаться, ты не так давно вернулась в строй. Если упадёшь, никакой Данилевский не поможет тебе

попасть на соревнования, будешь в травматологии лежать до конца жизни.

Смотрю на Катю, не веря, что именно она единственный глас разума здесь. Сердце бьётся бешено. Я тренировала петли, но всегда рядом был тренер, которая могла меня поймать, поддержать, а сейчас рядом только девчонки, ни одна из которых не осмелится подойти к снаряду, пока я буду на нём, да и при желании, если буду лететь вниз, не смогут помочь.

Знаю, что Катя права и раньше я никогда не рисковала своей жизнью и здоровьем, но на плече будто чёрт сидел, шепча на ухо согласиться, несмотря на опасность и несмотря на то, что я не была уверена в своих силах при выполнении этого элемента на сто процентов.

Протягиваю Малевской руку:

– По рукам, – мы жмем друг другу сухие от магнезии ладони, и их разбивает девчонка, предложившая дуэль.

К нам подтягивается всё больше и больше людей, все прекратили тренировку. Наблюдать за нами было куда интереснее.

Настя вышла к брусьям первая. Обработала поверхность, проверила, закреплён ли снаряд под неё, должно быть, прочитала молитву и полетела на нижнюю, а затем на верхнюю жердь. Для выполнения этого упражнения Малевская подходила идеально, она была ниже меня, её ноги по отношению к туловищу короче, чем у меня, поэтому ей просто-напросто

было проще.

Мы все забывая дышать смотрели, как она, держась за брусья руками, встаёт на перекладину ногами и, отталкиваясь, делает сальто назад, чтобы вновь поймать перекладину. Она стремится руками, выгибаясь всем телом в сторону брусьев, но нам уже видно, что она не дотянется до них. Все, как в замедленной съёмке, наблюдали, как девушка летит на маты. Она если бы и не разбилась, то запросто могла себе что-то повредить, приземлившись животом о мат. Я заметила Данилевского, лишь когда он вышел на маты, чтобы поймать свою ученицу.

Мы все в ужасе наблюдали, как он опускает её на мат, оставшуюся целой и невредимой лишь благодаря его хорошей реакции.

– Чья это была идея? – он не кричит, но его голос раздаётся на весь зал настолько громко, что мне кажется, от вибрации его тона дрожат мои внутренности.

Оглядываюсь на ребят, все опустили глаза в пол.

– Это была наша с Малевской идея, – делаю я шаг вперёд, стараясь не показывать страха.

– И в чём же заключалась ваша «идея», девушка? – спрашивает он так, будто не может вспомнить мою фамилию.

Сглатываю слюну, облизывая пересохшие губы.

– Выполнить чисто «Петлю Корбут», – признаюсь, опуская глаза в показной покорности.

– И что, вы хотите сказать, что способны?

Я киваю. Какое-либо сомнение покажет мою беспросветную глупость.

Сергей Архипович удивлённо поднимает бровь и жестом показывает на брусья, но до меня не сразу доходит, что он хочет, чтобы я продемонстрировала верность своего утверждения.

«Надеюсь, меня он тоже поймает», – размышляла я, пока готовила снаряд, в чём он мне помог. Посмотрела на него украдкой. Всё же он пугал меня до чёртиков, но сейчас мне вдруг показалось, что если я смогу поразить его, то, может быть, он передумает и возьмёт меня?

В голове возникает идея, но я пока не сообщаю о ней, обдумывая её с трепетом и страхом. Стою, смотрю на белую пудру магнезии, прокручивая в голове комбинацию, которую хочу, чтобы сейчас исполнило моё тело. Не только петлю, но всю программу, с которой выступала советская гимнастка на чемпионате мира в семьдесят восьмом году.

В своё время я умоляла Таисию Андреевну обучить меня петлям, которые выполняли наши соотечественницы в семидесятых. Она, конечно, считала это блажью, так как их давно запрещено выполнять на соревнованиях, но мне очень хотелось, да и ей самой было любопытно, получится ли у меня.

Сумина будто почувствовала мою задумку, она, как и Данилевский, вернулась после совещания и подошла ко мне, тихо, так чтобы никто кроме меня и Данилевского её не услышал.

– Алёна, не вздумай!

Я смотрю на неё, не успевая слово сказать, как слышу слова Данилевского:

– Нет, она рвётся показать свои способности, не будем её останавливать.

Ощущаю в его словах желание меня наказать, а не увидеть, на что я способна, и это подстёгивает меня ещё сильнее.

– Ты не понимаешь, она хочет выполнить «Петлю Мухиной», – Сумина, с нескрываемой тревогой в голосе, пытается теперь отговорить Сергея Архиповича, но не знаю, кто из нас упрямее, я или он.

Снова киваю, подтверждая её слова. Данилевский никак не реагирует, лишь складывает руки на груди.

– Тогда лови её, у неё получается через раз, – опускает руки Сумина.

Пропускаю слова тренера мимо ушей. Я знала свои минусы, знала, что порой ленилась, могла проявить слабость, невыполнить элемент, рассчитывая на помощь и поддержку Суминой. Сейчас же морально на мне ответственность за собственное будущее, и я должна сделать всё на пределе своих возможностей.

Подхожу к брускам, закрываю глаза, сосредотачиваясь. Вокруг тишина, но даже если бы раздавались звуки – я не способна их слышать. Только собственное дыхание и биение жилки где-то на шее.

Открываю. Руки на нижней жерди, оборот вокруг неё,

поднимаю тело на руках, перелетаю с нижней жерди на верхнюю и встаю ногами на неё, полностью выпрямляясь. Там, где-то внизу, пол и маты, они очень далеко, и, если я брошу на них взгляд, обязательно упаду, сердце гремит в груди от напряжения, ладони потеют от страха. Я так некстати высока для гимнастки, что кажется, земля от этого ещё дальше, риск больше, страх выше. Отталкиваюсь ногами назад и делаю винт с вращением вокруг своей оси на триста шестьдесят градусов. Чувствую тело в пространстве, в воздухе, в отрыве от какой-либо опоры, и только мышцы знают, где сейчас находится жердь, за которую я обязана уцепиться просто потому, что не вижу её в таком положении.

Касаюсь её. Выдох.оборот, стойка на руках на верхней жерди и вновь сложный элемент с отрывом в полёте от верхней жерди, чтобы вернуться к ней, успев развести ноги в полёте почти в шпагат. Перелёт на нижнюю с отбивом животом – и земля. Тяжело дышу, не веря, что стою на мате. Не упала. Выполнила. Ноги и руки дрожат, меня всю трясет. И на таких негнущихся ногах я поворачиваюсь к Данилевскому. Он изумлён. Долю секунды я вижу это в его глазах. Мне удалось удивить его.

– Насте понадобится для поддержания соревновательного духа замена, так что приходи через неделю на тренировку, до этого меня не будет.

Он согласился меня тренировать и одновременно унизил, сообщив, что это только для того, чтобы Малевская не рас-

слаблялась. Сцепляю зубы, чтобы не высказать то, что думаю, и ухожу в душ.

Пока прохожу мимо зевак, они хлопают меня по спине, а я и забыла обо всех, мне не было ни до кого дела, потому что этот цирк был устроен для одного зрителя, но и он, похоже, не оценил.

Убеждала себя, что Данилевский хороший психолог и манипулятор, либо он знает, как воздействовать на мой боевой дух, либо действительно я лишь игрок на замену.

Вечером с базы меня забрал Клим. Душ не унял напряжение и злость, приправленные разочарованием. Мышцы, казалось, до сих пор дрожали, но не от усталости. Стресс её стер.

– Данилевский согласился меня тренировать, – сообщаю я.

Самгин бросает на меня взгляд, но не видит на моём лице радости.

– Что-то ты не прыгаешь от счастья, ты ведь так этого хотела.

Пожимаю плечами, думая, рассказывать ли ему, насколько сегодня безумно вела себя.

– У меня сегодня была дуэль с Настей, – всё же решаюсь,

Клим недоумённо приподнимает бровь. Я замечаю, что он не гонит машину, а медленно ведёт её на черепашьей скорости. Улыбаюсь, зная, что он оттягивает передачу меня на поруки бабушке. – Мы устроили соревнование на выполнение «Петли Корбут».

Клим резко тормозит. Чувствую, кое-кто перешерстил интернет на тему спортивной гимнастики, раз понимает, о чём речь.

Выключив двигатель, парень отсоединяет мой ремень безопасности и перетаскивает себе на ноги. Я довольно улыбаюсь, смотря на его злое лицо, думая о том, что растяжка позволяет, сидя на нём в тесноте спортивной машины, чувствовать себя абсолютно удобно.

Он сжимает мой подборок, так улыбаться уже не получается. Да, определённо очень злой.

– Ты сумасшедшая?

Его пальцы причиняют мне лёгкую боль, я вижу демонов в его глазах, и мне хочется заманить их к себе и поиграть. Откуда это во мне? Какое чудовище он разбудил? Совершаю движение бёдрами, вспоминая наше приключение на кухне, после которого я долго не могла смотреть ему в глаза от смущения, и вот, снова веду себя непристойно. Вижу, что на него это действует, он теряет сосредоточенность.

– Алёна, – голос предостерегающий, тихий, хриплый.

Невыносимо хочу его, так что в глазах темнеет.

Его рука расслабляется и скользит с моего подбородка к

шее, чувствую, как его длинные пальцы её сжимают, не сильно, но так, будто он угрожает мне, напоминая, что я играю с огнём и могу ещё прийти в себя. Но мне не хочется. От его близости, его запаха, его губ, которые совсем рядом, я теряю голову, забывая дышать и думать.

Он принимает эту игру. И теперь обе его руки исследуют моё тело, сжимают мой зад под колготками. Интересно, я специально стала носить юбки в те дни, когда он приезжал, чтобы он имел возможность вот так залезть под неё? Это не я, я не такая.

Клим сильнее прижимает мои бёдра к своему паху, и я удовлетворённо улыбаюсь, чувствуя его возбуждение. Мы оба тяжело дышим, так что даже окна машины запотевают. Я покрываю его лицо поцелуями. Чувствовать Клим губами безумно приятно, даже царапаясь о щетину.

Его рука оказывается в моих волосах, и он оттягивает мою голову назад, заглядывая в глаза. Возможно, мне больно, но боль сейчас я испытываю только оттого, что мои губы не касаются его. Другой рукой он проникает между наших тел и покрывает мой лобок и ниже, рисуя узоры на моей напряжённой плоти, заставляя меня задыхаться.

– Мне так хочется снять с тебя эту одежду и ласкать тебя не пальцами, а языком, – он признаётся в этом таким низким голосом, что моё тело покрывается мурашками, и я краснею от жгучего стыда, но желание оказывается сильнее, он притягивает мою голову к себе и проводит языком между моих

приоткрытых и жадно ждущих его губ, – вот так, – и тысячи иголочек пронзают тело, когда его рука забирается под мои трусики и повторяет движение там, внизу, и вновь оказывается на клиторе, скользя от моей влаги.

Это так ужасно порочно, но почему-то возбуждает меня ещё сильнее. Жмурюсь от удовольствия, пока его пальцы продолжают сладчайшую пытку.

Совершенно эгоистично я наслаждаюсь ласками, забывая про его потребности. Его палец осторожно проникает в меня, совсем чуть-чуть, раздвигая плоть, и я едва сдерживаю себя от того, чтобы не насадиться до конца. Где-то внизу живота будто пустота, и мне хочется её заполнить, и я понимаю, чем именно, невыносимо хочется ощутить его в себе, а пока я всего лишь полый сосуд. И снова пальцы оказываются на клиторе, и меня пробивает разряд в тысячи вольт, я дрожу, сжимая ноги с его рукой между ними, хватаю ртом воздух, будто рыба, выброшенная на берег, а он продолжает ласкать, медленно, осторожно и невыносимо, пока я не замираю, утыкаясь в его лоб.

Пока Клим освобождает свою руку, отрываюсь от него, смотря мутным взглядом в его лицо, и замираю в ужасе, когда засовывает пальцы с моей влагой себе в рот и облизывает.

– Знал, что ты вкусная.

Мимо проезжает по встрече машина и ослепляет меня фарами, так что я немного прихожу в себя.

– Ты очень плохой, – шепчу, пока он приводит мою одеж-

ду в порядок, потому что сама я не в состоянии. Тело будто ватное.

– А ты очень сладкая, – целует куда-то в скулу. Век бы так на нём сидела, но он пересаживает меня на место пассажира, а я вижу, что его ширинка может вот-вот порваться, и, хотя кончила буквально только что, этот вид меня завораживает. Поднимаю глаза к его лицу, его взгляд такой тёмный, голодный, что мне невыносимо хочется ему помочь, как это сделал он для меня, но я не знаю как.

– Не смотри на меня так, – отводит взгляд и тянется рукой к зажиганию, но я останавливаю его, положив руку на его запястье.

– Я хочу, – начинаю я, но не знаю чего, просто кладу руку на его член, который отчётливо проступает под джинсами, и провожу по основанию. Он сжимает мою руку, удерживая, останавливая.

– Позволь мне, пожалуйста. Скажи, что делать, – в моём голосе не просьба, а мольба. Кажется, мне это нужно не меньше, чем ему.

Но он всё же убирает мою руку и выходит из машины.

– Мне нужно подышать воздухом, – поясняет, пока я испытываю острое разочарование.

Прижимаю к себе ноги, обнимая руками, видя, как он скручивает не одну сигарету, стоя на ветру, гуляющем по трассе.

Возвращается в машину, холодный, с розовыми от ветра щеками, пахнущий сигаретами, чмокает меня в щёку, будто

ничего не было. Не понимаю, почему он не позволил мне дотронуться до себя, но спросить не решаюсь.

Минут через пятнадцать останавливает машину у дома бабушки, а мне так хочется сказать, что я его люблю до умопомрачения, но сдерживаюсь по какой-то глупой причине, известной только мне одной. Прощаюсь с ним, вкладывая в поцелуй все невысказанные слова, и убегаю от него, пока он не успел ничего произнести. Прощмыгивая мимо бабушки, пискляво здороваясь с ней, так чтобы она не видела возбуждённого блеска в моих глазах. Душ и крепкий сладкий сон.

16. Клим

Эта девочка сводила меня с ума и не понимала этого. Эмоции рядом с ней всегда были на грани, моя нервная система не успевала отдохнуть, как Алёна выдавала что-то эдакое, и моё сознание выполняло кульбит, подбрасывая как на американских горках.

Мы виделись редко. Она постоянно пропадала на тренировках, а я большую часть времени находился в разъездах, чувствуя себя бандитом, когда участвовал в разборках, эпицентром которых незримо выступал мой отец. Нет, мне не нужно было доставать оружие, рядом стояла охрана отца, когда в переговорах участвовал какой-нибудь местный Дон Карлеоне, решивший, что сосунок, которого Самгин-старший направил на встречу, оскорбление его мафиозной чести.

Кто-то в детстве с отцом играет в солдатиков, потом, возможно, в шахматы, а мы просчитывали способы ухода от налогов и отмывания денег, полученных нелегальным путем. Странно? Может быть, но для моего отца бизнес в первую очередь был игрой, и он хотел привить и мне этот азарт зарабатывания денег с раннего возраста.

Только вот я никак не мог понять одного, зачем человеку, который сегодня имеет хорошую деловую репутацию, счета в банках на миллионы долларов, бизнес не только в России, но и в Европе и Америке, продолжать заниматься тем, на

чём он начал зарабатывать свой стартовый капитал в далёком прошлом. Предполагал, что для поддержания себя в тонусе и сохранения знакомств среди преступного мира. Иным эту потребность я объяснить не мог. Отец давно не участвовал в подобных сходках, не тот у него был уровень уже многие годы, но в отношении меня у него были другие планы.

Вот и сейчас я сидел перед старцем в летах, выложившим на стол Глок, и рассказывал ему схему нашего «сотрудничества». Интересный выбор поставил мне папаша, либо обучение в Англии, либо общение с преступными элементами, застрявшими в девяностых. Любимые годы моего отца. Если бы не потребность находиться в городе Н., я бы не имел к грязным делам отца отношения, но уговор есть уговор. Для окружения моего отца я был сыном, который хоть и дебоширит, но учится, чтобы когда-нибудь занять место отца, только учился не в том заведении, о котором они думали.

Если что-то пойдёт не по плану и этот престарелый преступник, похожий на бульдога, выкинет какой-нибудь фортель, то начнётся заварушка. Перекинулся взглядами с Михаилом, давним телохранителем отца, которого он мне выделил для координации других амбалов два на два, как наиболее опытного. Михаил защищал отца столько, сколько я его помнил, и не раз спасал ему жизнь. Начальник охраны едва заметно кивнул, сообщая о готовности.

– Вы, Клим Анатольевич, слишком молоды, чтобы давать мне указы, как вести дела, – с хитрым прищуром белесых

глаз каркал прокуренным голосом Дон Бульдог.

Откинулся на спинку стула этого затхлого заведения, сожалея о том, что застрял с этим дятлом уже на несколько часов, и был на грани того, чтобы врезать ему его же Глоком по виску.

Если когда-нибудь я все же займу место отца, то почищу всё за ним, чтобы не иметь никакого отношения к этим жирным рожам и грязным деньгам.

Вскоре подошёл сын Бульдога, моего возраста, и принятие решения пошло быстрее. Даже драться ни с кем не пришлось в этот раз, но не сказать, что меня это обрадовало. Хотелось кому-то набить морду.

Утром ни свет ни заря в мою квартиру припёрся Макс, который, должно быть, гнал всю ночь из Москвы, судя по синякам под глазами. Выглядели мы одинаковой степени несвежести, потому что и я всю ночь потратил на дорогу из города в четырёхстах километрах от Н..

– Зачем явился? – шурясь от дневного света, недовольно интересуюсь у друга, который отчего-то зачастил сюда в последнее время.

– Лиля достала, не знаю, как от неё отделаться, и мать заладила, что я должен сделать ей предложение. Какое, на хрен, предложение я должен делать ей в двадцать два года?

Слушать после бессонной ночи про личную драму Макса точно было лишним. Знал, что семья друга находится на грани банкротства и его родители решили, что достойным

выходом из ситуации будет брак с богатой наследницей. Я искренне сочувствовал ему, но он взрослый мальчик и должен сам улаживать свои проблемы.

– Забрал бы уже свои фаберже из шкатулки матери и решил этот вопрос.

Макс плюхнулся напротив меня, пока я готовил кофе.

– Идея у меня есть, может, твоя девушка познакомит меня с какой-нибудь своей подружкой, гимнастёркой?

– Гимнасткой, идиот, – поправил его, сопроводив слова подзатыльником, – зачем тебе Алёнкины подружки?

– Может, я тоже гибкую хочу, да и потом, вы видите редко, такая занятая подружка не будет доставать меня. Насколько у вас, кстати, всё серьезно, она тебе ещё не надоела?

Макс не был дебилом, но порой поток слов, которые он извергал, был неудобоваримый.

– Надоела, – отвечаю из соображений: меньше знает – крепче спит.

И всё же я передал это пожелание Алёне, когда в очередной раз встречал её с тренировки.

– А он вообще нормальный? – спросила она, сводя тёмные бровки.

– Не уверен.

– Ты же знаешь, у меня не то чтобы много подруг, – пожимает плечами, – да и новых врагов наживать не хочется.

– Ну подумай о той, которую ты больше всех не любишь, – предлагаю шутя.

В её глазах мелькает какая-то хитреца, будто девушка что-то задумала, и я тут же жалею, что вспомнил про просьбу Макса.

Что это было в её глазах, я понял лишь спустя время, когда мы вчетвером встретились в одном из заведений города Н., расположенном на набережной реки, пересекающей город. Алёна, как и обещала, пришла с девушкой, которую я и не сразу узнал. А когда узнал, закатил глаза.

Олеся выглядела как оголодавшая кошка, которая сама не знает, какую рыбку хочет съесть больше, поэтому пожирала глазами то меня, то Макса, пока последний цедил алкоголь. Я выразительно посмотрел на свою девушку.

– Она меня в университете из-за тебя достала, вот я и решила, если она переключится на твоего товарища, то не будет больше о тебе вспоминать, – шепнула она мне на ухо, пока Олеся и Макс что-то обсуждали, сидя на диванчике напротив нас.

– Зря старалась. Я незабываемый, – поддеваю её, наслаждаясь тем, как на её щеках появляется возмущённый румянец, а маленькие губки бантиком сжимаются в тонкую линию. Была бы она более опытной, никогда не привела бы на свидание девицу, которую трахнул её парень.

Когда я пришёл в клуб, Макс был уже навеселе, что я списал на желание расслабиться из-за давления его семейки. Сомнительно, чтобы он так переживал из-за свидания, да и не

выглядел он довольным новой знакомой.

– Она не очень похожа на гимнастку, – заметил Макс, стояло Олесе выйти в дамскую комнату.

– Мне ничего не говорили о том, что это должна быть гимнастка, – развела Алёна руки, с укором смотря на меня.

Безразлично пожимаю плечами, сам уже не понимая, почему решил разделить внимание Алёны с другими людьми, которые в данный момент мне не были интересны.

– Твой косяк, Самгин, – пригубив дешёвый виски, бросает обвинение Макс, который даже не обратил внимания на блондинку, когда та уже вернулась на своё место рядом с ним, – а почему бы тебе тогда не разрешить провести один вечер с твоей гимнасткой?

Я каменею, читая в глазах Макса напоминание о нашем не столь далёком прошлом, и думаю, что, если он совершит тот же косяк, что и мой сводный братец, придётся его убить. Ножом для салата, что сейчас лежит на столе рядом с моей рукой.

Впрочем, моя вина тоже была, не ответь я утвердительно тогда на его вопрос, молчал бы сейчас в трубочку, а так он, видимо, решил, что я сам не прочь избавиться от Алёны. Иного оправдания поступку товарища не находил.

– Я тебе не гимнастка, у меня имя есть, – показывает зубки Алёна, пока я сдерживаю себя от убийства близкого друга, и поворачивается ко мне, – у тебя все друзья такие?

– Не суди по мне о моих друзьях, у Иуды друзья были без-

упречными, – прижимаю её к себе ближе, вспоминая Валери.

Весь вечер насмарку. Бросаю деньги на стол, рассчитываясь за нашу компанию.

– С тобой, Макс, мы ещё поговорим.

Алёна попрощалась с одногруппницей, которая была сбита с толку всем происходящим и явно задета последним комментарием Макса. План Алёны точно не удался.

Макс нагнал нас, когда мы уже подошли к моей машине.

– Ну чего ты, Самгин, – начал он, запыхавшись, еле ворочая языком – что она, лучше других твоих тёлочек, что ли, которых мы вдвоём, а?

Оборачиваюсь на Алёну, слушающую всё это широко распахнув глаза, такое в её картину мира явно не уместится. А для меня, уже успевшего пресытиться женским вниманием, подобное было в порядке вещей. Тру переносицу, прикрыв глаза, чтобы только не врезать Максусу, не понимая, какого хера на него нашло.

– Убирайся, Макс, пока можешь, – смотрю в его глаза, покрасневшие от напряжения и алкоголя, – или я помогу.

Макс внял моим словам и направился к Олесе, должно быть решив, что нечего добру пропадать.

Поворачиваюсь к своей девушке, уже не зная, моя ли она ещё, чувствуя усталость оттого, что, должно быть, снова придётся искать, бежать, нагонять её.

– Снова исчезнешь? – рассматриваю её, стоящую на морозе, в шапочке с помпоном и терзаемыми ветром рыжими

волосами. Она смотрит куда-то на носки ботинок, не поднимая на меня взгляда, и я понятия не имею, что там в этой голове творится.

Взмахивает ресницами, прожигая пронзительными голубыми глазами, и я замираю, как смертник в ожидании казни. Но она подходит, сама, медленно.

– Клим, – забирается ледяными руками под мою одежду, к обнажённой коже, выбивая воздух из лёгких, и смотрит совсем не кажушимися сейчас невинными глазами, – а теперь представь, что ты такое только что обо мне узнал.

Её руки холодные, но прикосновения к моей коже оставляют ожоги, обращаю лицо к небу и падающему с него снегу, чувствуя жар.

– Убил бы тебя, – отвечаю со всей серьёзностью, возвращая взгляд к её лицу.

Она улыбается, сбивая меня с толку.

– Хорошо, тогда знай, что я поступлю так же, если ты мне когда-нибудь изменишь. Тебя. Её. Их.

– Опасная девочка, – улыбаюсь я, выдыхая напряжение.

– Просто расскажи о себе, чтобы очередной твой «друг» или «брат» не раскрывали мне глаза на тебя, – Алёна произносит это, прижимаясь щекой к моей груди, и я понимаю, что она права, но внутри грызут сомнения, что не примет, оттолкнёт меня моя чистая девочка.

17.

Алёна

Спустя неделю, когда наконец Данилевский вернулся из своей поездки в Москву, он устроил мне прогон по всем элементам, которые я умела исполнять, проверяя остатки моих способностей, изматывая до потери сознания, и только слова моего действующего тренера были способны остановить его. Он будто нарочно хотел показать, что я не потяну его, не справлюсь, хотя над Настей так не измывался.

К вечеру, когда я была готова лечь на мат и вырубиться от усталости, он тоном, не терпящим возражений, велел пройти в тренерскую для разговора тет-а-тет. Таисия Андреевна очень хотела присутствовать при нём, но Данилевский не позволил.

– Алёна, нам предстоит очень много работы, – начал он, когда я наслаждалась твёрдой поверхностью стула под собой, мышцы так сильно ныли, что я практически перестала ощущать своё тело, – но мне нужно понимание, что, если я соглашусь с тобой работать, мои старания и моё время не пропадут даром.

Я удивлённо на него посмотрела, ожидая продолжения.

– Мне нужно, чтобы ты ответила только на один мой вопрос, от твоего ответа зависит, буду ли я тебя тренировать или нет.

– Хорошо, – мой язык почти не двигался во рту, и звук голоса кажется странным, шершавым, как стёртые ладони.

– Ты готова пойти на всё ради золота Олимпийских игр?

Я тут же киваю, но он продолжает, не давая мне сказать

«да»:

– Готова всё время уделять тренировкам, готова забыть о личной жизни, семье и учёбе на предстоящий соревновательный год, готова мало спать и много тренироваться, готова рисковать, выполняя сложнейшие элементы, готова беспрекословно слушаться меня? Если сейчас ответишь положительно, а потом я узнаю, что ты бегаешь на свидания, или увижу, что ты сомневаешься в моих методах, то наше соглашение будет разорвано. Я не потерплю ослушания, найдутся другие спортсменки, которые захотят золота больше тебя. Я не прошу тебя ответить сейчас. Даю тебе сутки на размышления, а теперь можешь идти отдыхать.

Еле волоча ноги, я вышла из тренерской. Во рту неожиданно пересохло. Сумина никогда от меня ничего подобного не требовала, я просто приходила в зал и выкладывалась по полной – этого было достаточно, чтобы стать одной из лучших. Запрет на личную жизнь у нас присутствовал, но скорее формальный, как правило, просто не было времени её вести. Таисия Андреевна, как и все остальные на базе, видела, что Клим забирает меня на машине, и, особенно после того как он избил Кирилла, никто не сомневался в характере наших отношений, но ни разу она не подошла и не потребовала их прекратить.

Сейчас я понимала, что Данилевский хочет иметь тотальный контроль надо мной и всеми сферами моей жизни, по-

ка мы не получим желаемое. Ему не нужна была ученица, которая будет отвлекаться на посторонние факторы, будь то личная жизнь, на которую мы не имели права, или учёба, о которой просто забывали гимнастки.

На улице было темно и холодно, но мне было необходимо прочистить утомлённый мозг. Я села на одну из лавочек, расположенную на территории базы, и стала рассматривать асфальт под ногами. Времени отгонять мысли о Климе у меня просто не было. Завтра начнётся новый день и новая изматывающая тренировка. А потом ещё и ещё.

И до разговора с Данилевским я знала, что не могу заводить отношения, пока не добьюсь своей цели, мне необходимо было отрешиться от всего и быть погружённой в тренировки полностью. Чувства к Климу были тем балластом, который меня ограничивал, но при этом я была не в силах отказаться от него. Меня тянуло к нему всеми фибрами души.

Противоречивые мысли раздирали, я не знала, что делать. Выбор был до банального прост. Либо Он. Либо возможное олимпийское золото. Я не имела никакого права просить его ждать меня. Несмотря на то, что он согласился не заниматься сексом оставшиеся месяцы до игр и иметь со мной практически платонические отношения, предложить ему не видеться это время и при этом хранить мне верность было бы с моей стороны крайне эгоистично. Но стоило только представить, как к нему прикасается другая девушка, мой мозг закипал. Я попыталась вообразить себе ситуацию, в которой

он скажет: хорошо, я понимаю, увидимся через восемь месяцев, я подожду – но ничего не получалось.

Впереди меня ожидало множество испытаний, соревнования и отбор на главное состязание моей жизни, а это значит, что мы в любом случае практически не сможем встретиться.

Неужели я могла выбрать человека, которого знала немногим больше полугода, и забыть о цели всей своей жизни? Если я скажу Данилевскому «нет», моё имя никогда не будет прописано в истории золотыми буквами, я стану одной из многих, на чьём пути оказались преграды, которые они не смогли преодолеть. Сначала я думала, что травма – это то, что больше всего может помешать мне попасть на Олимпиаду, но теперь стало очевидно, что чувства могут быть куда разрушительнее для мечты.

Мои руки дрожали, когда я набирала смс-сообщение Климу и интересовалась, будет ли у него время со мной поговорить. Молодой человек ответил, что скоро приедет. Сердце так тревожно билось в груди, будто хотело сбежать от глупой хозяйки. Я уговаривала себя, что у меня просто нет выхода, что я не имею права сделать другой выбор, что слишком много препятствий было преодолено, чтобы отступать назад.

Должно быть, Самгин был неподалёку, потому что его машина остановилась у стен тренировочного комплекса буквально через пятнадцать минут. Я продолжила сидеть на лавочке, не двигаясь с места, когда он вышел из машины.

Не в силах на него смотреть, опустила глаза. Он выглядел

немного встревоженным, будто понимал, что я сейчас скажу очередную глупость, которую ему придётся разгребать.

– Что случилось? – спросил Самгин, приблизившись ко мне, но, словно о чём-то догадываясь, он не делал попыток, как обычно при встрече, поцеловать меня.

Поднялась, запрокидывая голову, чтобы посмотреть в свете тусклого свечения фонаря в его будто вылепленное скульптором, ценившим мужскую красоту, лицо.

Я онемела, заготовленные слова, которые прокручивала в голове, не шли с языка. Жмурюсь так, словно кидаюсь в тёмное бушующее море и будь что будет, когда ударюсь о его холодные воды.

– Нам нужно расстаться, – слышу свой тонкий голос.

Может, это была всего лишь игра моего воображения, но я почувствовала, как от него начал исходить холод, словно его заволокло льдом, как бывает с окнами зимой, когда внутри тепло, а снаружи мороз. Зелёные глаза стали почти чёрными от расширившегося зрачка, спрятавшего радужку.

– И в чём причина этого решения?

Вопрос звучит так безэмоционально и сухо, что создалось впечатление, будто он не сильно удивлён.

Опускаю веки, потому что мне больно на него смотреть.

– Данилевский сказал, что он возьмётся меня тренировать, если на время до Олимпийских игр у меня не будет ни с кем отношений.

Произношу эти слова и сама понимаю, насколько жалко

они звучат. Насколько я, должно быть, выгляжу жалкой сейчас в глазах Самгина.

Мне очень страшно, но я всё же поднимаю ресницы и словно ударяюсь о стену, которую успел возвести между нами Клим. Здесь больше нет того парня, которого я знала. Он в одно мгновение стал совершенно чужим, отчужденным человеком, не могу прочесть в его глазах ничего. Лишь тёмная бездонная пустота.

– Ты свободна, – осматривает меня таким взглядом, каким смотрел на других девчонок, – с лёгкой толикой презрения и примесью безразличия. – Но я бы тебя всё равно трахнул, так что, если захочешь развлечься – найдёшь меня.

18. Алёна

Два месяца спустя

Я не знала, что будет настолько трудно без него. Может, оттого что, после решения сказать ему об условии Данилевского, действительно наивно полагала, что Клим найдёт возможность нам быть вместе. Но кажется, он просто устал от меня, устал, что со мной не получается так, как с другими девчонками. Ему нужно было так много, а я была способна отдать ему лишь маленькую часть своей жизни.

Каждый новый день был похож на «день сурка». Бесконечная тренировка, учёба, снова тренировка, ночёвка на базе или возвращение в ночи к бабушке раз в неделю. Моё тело ныло и болело везде, покрываясь синяками и ссадинами от отработки сверхсложных элементов, которыми хотел напичкать мою новую программу наставник. Из раза в раз я повторяла одно и то же, и порой тело просто мне отказывало, а эмоциональное состояние находилось на грани срыва.

Не знаю, за счет чего я держалась. Почему я не поняла в то время, когда Клим был рядом, что именно он был кирпичиками, из которых состоял мой хребет, и вот его нет рядом, и я начинаю ломаться. Я думала, что я такая сильная была в период реабилитации сама по себе, потому что это я молодец, – справилась, выдержала, перенесла боль и муки, не

понимая его вклада в моё выздоровление. Это он мне протягивал руку, и я вставала, когда не могла самостоятельно подняться, это его губы стирали мои слёзы, когда падала на самое дно от бессилия и ужаса.

И вот его нет со мной, и я не горю, я не обращаюсь в пепел из огня, нет. Я превращаюсь в тлен, в который ссыпаются тела после смерти под гнётом времени.

У меня было тело, способное выполнять такие элементы, которые могут повторить лишь единицы спортсменов на земле, а некоторые могла исполнить только я. У меня был тренер, с которым есть шанс обойти сильнейших гимнасток мира. Но у меня не было Его, и я разваливалась на части.

Множество раз я выкраивала время в своём тесном расписании, чтобы приехать к его дому в надежде увидеть свет в окне. Судя по всему, он покинул город в день нашего последнего разговора, – эта мысль резала меня на части. И всё же я зачем-то ездила к этой высотке и сидела на детской площадке как сумасшедшая, качаясь на качелях под холодным вечерним ветром. В груди так болело и пекло, что находиться на морозе было почти исцеляюще приятно.

В один из очередных подобных вечеров свет в кухне зажёгся. Сажу на качелях, моргаю, смотря на высотку. Точно. Его окно, последний же этаж, как тут ошибиться. Подбегаю к подъезду, дрожащими пальцами набирая знакомые, сейчас почти родные цифры домофона. Лифт. Десять ступенек. Звонок. Сердце ухает в груди. До смерти хочу увидеть его

лицо. Только бы он открыл дверь. Плевать, пусть потом прогонит, лишь бы увидеть его хотя бы на секундочку и глотнуть воздух в лёгкие.

Слышу шаги, отступаю чуть назад, прикрывая глаза.

– Вам чего, девушка? – раздаётся женский голос, заставляя посмотреть на того, кому он принадлежит. Выдыхаю разочарованно. Боже, я бы, наверное, даже обрадовалась, если бы увидела сейчас очередную красотку с обложки, это бы значило, что там, внутри квартиры, он. Но передо мной стояла женщина в годах, которая, должно быть, помогала Самгину держать дом в чистоте.

– Здравствуйте, а вы не знаете, хозяин квартиры здесь бывает? – мой голос звучит тихо, с надеждой. Мне неловко на неё смотреть, я выглядела, мягко говоря, неадекватно, словно фанатка пришла просить автограф у рок-звезды, а его не оказалось дома.

– Так Клим Анатольевич же уехал как месяца два назад, наверное, больше и не приезжал, да и не приедет, думаю, что ему тут делать в нашем захолустье.

Киваю, благодарю и удаляюсь скорее, потому что чувствую, как подступают слёзы и не могу их сдержать. Спустилась на несколько пролётов ниже и сползла по стенке. Ноги не держали, но не от физической усталости. Моральной. Не могла без него.

Я звонила ему, писала смс, но телефон отвечал, что абонент вне зоны действия сети, а смс возвращались с красной

пометкой «не доставлено».

Если бы можно было повернуть время вспять, я бы не была такой самодовольной и самонадеянной. Не верила, что он может отпустить меня. А он смог. Ведь можно было всё не так ему сказать, другие слова подобрать, предложить хоть какой-то выход. А я просто повесила эту новость на него, трусливо рассчитывая, что он, как обычно, со всем разберётся. А Клим просто послушал меня и исчез.

Казалось, он пропал бесследно, оставив после себя только кулон на моей шее, пока на мой восемнадцатый день рождения не пришла посылка. Её принес курьер, когда я была дома у бабушки, жуя мизерный кусок любимого торта, вкус которого сейчас напоминал пластилин.

– А от кого она? – спросила у паренька, когда тот передал бланк для росписи.

– Да откуда же мне знать, если внутри записки нет, то и не узнаете.

Записки не было.

Коробка была большая, бледно-розовая, обтянутая приятным на ощупь бархатным материалом. Я развязала бант, которым она была перетянута, пока бабушка стояла рядом, наблюдая. Даже не сразу поняла, что внутри.

Множество леотардов, самых разных расцветок, из очень дорогой ткани. У меня был один такого производителя, мне его подарили после чемпионата мира. А тут их было так много, что я могу больше никогда не покупать леотарды, – хва-

тит до конца жизни.

Меня вдруг пронзает догадка. Не мог он, не зная мой точный размер, сделать заказ. Поднимаю глаза на бабушку, вспоминая, как она спрашивала, не изменились ли мои мерки с того момента, когда мы последний раз заказывали мне форму, незадолго до расставания с Климом.

– Он хотел сделать тебе сюрприз.

Чувствую, как по щекам катятся огромные слёзы.

Произношу одними губами «бабушка», и она подходит обнимать меня, поняв, что я сейчас рассыплюсь на мелкие части. Рыдаю у неё на груди, пока она поглаживает меня по спине, успокаивая.

– Какая же ты у меня глупая маленькая девочка, – слышу её причитания.

– А что мне оставалось? – всхлипываю, защищаясь. – Не расстанься мы, не было бы Данилевского и предстоящей поездки во Францию.

Бабушка так и не поняла моей фанатичной любви к спортивной гимнастике, должно быть, ей казалось, что мои отношения с Климом – это что-то долгое, а я в свою очередь думала, что ничего дольше моих «отношений» с гимнастикой быть не может. Особенно если я выиграю олимпийское золото, то они войдут в историю, и я останусь в истории.

Отстраняюсь от бабушки, немного успокоившись. Вот как была плаксой всю жизнь, так ей и осталась.

– Бабуль, – внимательно её рассматриваю, – ты что-то по-

худела.

Замечаю новые морщинки на родном лице, тени под глазами, и одежда ей явно велика, да и, когда обнимала, она словно ещё более хрупкой стала. Хмурюсь. Я так редко бываю дома последнее время, что перемены во внешности бабушки сейчас кажутся разительными.

– Да замочаюсь на работе, даже перекусить некогда, – отмахивается бабушка, а мне всё равно что-то тревожно стало.

– Нельзя так, ты что, – прикипаю снова к ней, закрывая глаза, слыша её любимые французские духи, – береги себя, пожалуйста. Я ведь тебя больше всего на свете люблю, ты только попроси, я тебе от своей жизни десять лет отсыплю.

– Дурочка, не говори так, – ерошит мои волосы, как будто мне двенадцать, а я смотрю на неё, думая, ведь действительно бы отдала.

– С тобой точно всё в порядке? – не отстаю. – Может, сходишь к врачу, проверишься?

Успокоилась, только когда бабушка сказала, что ещё раз сходит к терапевту.

Через неделю предстоял вылет в Париж на чемпионат Европы по спортивной гимнастике. Я была полностью собрана, физически готова к выходу на помост как никогда, про мо-

ральное состояние думать не хотелось. Надеюсь, что смогу взять себя в руки и перестану непрерывно думать про Клима.

Мои первые крупные международные соревнования после травмы. За два месяца тренировок с Данилевским я успела поучаствовать в отборочных на этот чемпионат, в благотворительном турнире, после Парижа следует чемпионат России, Олимпиада и в конце года чемпионат мира. В промежутке между ними этапы чемпионата мира.

На часть соревнований я не буду заявлена, иначе к Олимпийским играм не доползу, вымотавшись на других состязаниях.

Несмотря на то, что все слухи про Данилевского подтвердились, он был деспот, тиран, сатрап, но, как ни странно, нам удалось сработаться. Я понимала его с полувзгляда, а ему нравилось моё упорство, настойчивость, азарт, а главное, обучаемость сложным элементам.

Я старалась как могла отвлечься и, несмотря на то, что с момента последней встречи не получила от Клима ни одного сообщения, всё равно методично проверяла телефон. Перед началом тренировки, после окончания тренировки боялась пропустить момент его звонка, хотя отлично знала, что он не станет звонить.

Было страшно, что не смогу сосредоточиться на выступлении. Всегда знала, что психоэмоциональное состояние порой важнее, чем физическое. Там, где мне не хватало силы,

спасал мой железобетонный настрой. А сейчас всё было наоборот.

Анастасия не была заявлена в команду, и я откровенно этому радовалась. Нет, не потому, что она в итоге оказалась слабее, просто ей предстояло участвовать в другом чемпионате. Главный вопрос, кто поедет из нас на самые крупные состязания, всё ещё был открыт. Но я устала от неё, от нашего соперничества, от мелких пакостей, которые она устраивала, пока не вмешался тренер. После того как стала заниматься с Данилевским, Настя перестала меня заботить, а я, наоборот, начала волновать её сильнее.

Участие в соревнованиях позволило мне побывать во многих странах, но ни одной толком не видела. И вот сейчас, приземлившись в аэропорту Руасси, отлично понимала, что будет не до достопримечательностей, поэтому, пока мы ехали на заказанном трансфере до гостиницы, впитывала в себя виды города, как и остальные участники этих состязаний, составлявшие нашу команду из четырех девушек и четырех парней. Кроме меня, все остальные спортсмены тренировались в Москве и выступали за разные столичные клубы, поэтому с нами вместе была целая делегация, помимо тренеров. Как минимум одна из нас должна пройти квалификацию, чтобы побороться за награды чемпионата.

Нас распределили по два человека, и к сожалению, мой номер был ещё не готов, поэтому мы с соседкой ожидали в холле отеля. Понятия не имела, как федерация расщедри-

лась и выделила деньги на номера в гостинице, которая больше походила на старинный особняк, расположенный в восьмом округе Парижа на Елисейских полях. Мы должны были остановиться здесь на целую неделю, пять дней были соревновательными, и два дня для того, чтобы прийти в себя и потренироваться на чужой земле. Очень надеялась, что наше пребывание здесь не связано с чьей-то технической ошибкой.

После бессонной ночи с ранним вылетом из Москвы ужасно хотелось спать, и я расплылась на кресле, стараясь позорно не вырубиться, когда обратила внимание на удивлённое личико Тани, которая, должно быть, увидела какую-то знаменитость за моей спиной.

Обернулась и замерла. Сердце биться перестало.

Самгин шёл по проходу гостиницы в компании ребят, обнимая за талию высокую темноволосую девушку. Не заметила, в какой момент мои ноги сами подняли меня с места. Мне было безразлично, что выгляжу странно, что смотрю на них широко распахнутыми глазами. Я просто впитывала в себя образ Клима, вглядываясь в его лицо, ожидая, когда он заметит меня. Он мазнул взглядом по мне, не задержав внимания дольше, чем на остальных девчонках, что пятались на их ватагу.

– Мать моя женщина, какой красавчик, – раздался рядом восхищённый возглас Тани, когда Клим с друзьями зашли в лифт.

Мои колени подрагивали от напряжения. Не верилось, что я встретила с ним даже не в России, а во Франции. Опустилась вновь на кресло, закрывая лицо руками. Глаза болели от напряжения, на сетчатке отпечаталось как на фотографии: он в обнимку с девушкой. Высокая, как и каждая, какую я видела рядом с ним. Я одна даже не доставала ему макушкой до подбородка. Все остальные его пассии на каблуках были почти такие же высокие, как и он.

Боль от того, что он, должно быть, успел забыть меня, погружившись в куда более реалистичные отношения с девушкой, общий генофонд с которой позволит вывести идеальную модель человека, разливалась по телу вместе со злостью на себя и жгучей ревностью.

Таня потрепала меня по плечу, оказывается, наш номер уже готов и нужно кидать вещи и бежать на тренировку. Я уныло потащила свой чемодан в сторону того самого лифта, где не так давно скрылась компания молодых людей. Наши номера были на четвертом этаже, я предположила, что, как в «Красотке», номер Клима наверняка был на самом верхнем этаже.

Моё настроение с того момента, как я увидела его, менялось ежеминутно, повергая меня из сумасшедшей радости, от которой хотелось прыгать и визжать, до уныния, потому что он весело проводил время в кругу своих друзей, пока я убивалась, и до меня ему вовсе нет дела.

Эта нервотрёпка, конечно же, была замечена тренером. Во время тренировки, проходившей на спортивной арене чемпионата, Данилевский всё время одёргивал меня, требовал собранности и концентрации. А я не могла ничего с собой поделать, возвращаясь мыслями к Самгину.

Мне необходимо было с ним увидеться, поговорить. Пока я в таком состоянии, ни за что не пройду первый этап.

– Простите, Сергей Архипович, это из-за перелёта. Мне нужно отдохнуть.

На лице тренера отразилось глубокое недовольство мной. Он привык, что я действую отрешённо, трудясь как бездушный робот, и видеть меня в таком состоянии для него в новинку. Я ждала окончания бесполезной тренировки, не вкладывая в неё никаких усилий, успокаивая совесть тем, что мне в любом случае нужно было побереечь силы перед самими соревнованиями.

Я посмотрела на девочек, с которыми буду выступать, зная в лицо каждую из основных соперниц. На этом настаивал тренер, вместе мы изучили сильные и слабые стороны гимнасток, принимавших участие в чемпионате, стараясь реально оценить мои возможности на этих соревнованиях.

Как и раньше, от меня требовалось просто выполнить мою программу, и тогда я должна стать первой. Набор элементов, подобранный тренером для каждого из гимнастических снарядов на этих соревнованиях, не был сверхсложным, лишь достаточным, чтобы при минимальных ошибках обойти кон-

куренток.

Но по мере приближения к Олимпийским играм Данилевский будет дополнять мою программу. Мои главные соперницы в лице американок всю жизнь тренировались по той же схеме, которую я около двух месяцев применяю с новым тренером. Их гимнастика была ближе к мужской, силовая, без акцентов на женственность, и давалась мне с трудом, с моим совсем не мышечным телосложением. Я следила за выступлениями лучших из них и понимала, что мне нельзя расслабляться ни на миг.

Завершив все формальности, связанные с предстоящей квалификацией, уставшие после очень долгого дня, мы все вместе вернулись в отель. Стоило мне переступить порог холла отеля, как я начала оглядываться в надежде встретить Клима, но я даже не знала, здесь ли он ещё или уже покинул отель. Мы зашли в номер только в девятом часу вечера, впереди всех ждал только сон.

Рой мыслей в голове было не унять. Я безумно боялась, что Самгин уже покинул гостиницу, боялась, что у меня не будет возможности с ним ещё раз увидеться. Таня первая пошла в душ, а когда я вышла из него, она уже крепко спала. Я села на край кровати, напротив неё, размышляя, заметит ли она, если я уйду. А если заметит – доложит?

Что же, придётся что-то придумать. Бессонница, нерво-трёпка. Пошла погулять. Почему нет?

Я натянула джинсы и топик, на ногах кеды, – ничего менее

спортивного и более сексуального у меня в гардеробе не нашлось. Закрыла глаза, вновь воссоздав в памяти Клима вместе с девушкой. Встряхнула головой, выбивая из неё ненужные сомнения. Если он прогонит меня, пусть так и будет. Но хотя бы я буду точно знать, что не нужна ему, что он забыл меня. А если не сделаю этого, если струшу, то не прощу себя и не смогу собраться на соревнованиях. Мозг должен быть чист, и, пока я не поговорю с ним, голова будет наполнена им, его именем. В голове било набатом. Клим. Клим. Клим.

Подложила под одеяла подушки, чтобы на случай, если Таня проснется или кто-то решит нас проведать, было ощущение, что я всё же в кровати. Прикрытие так себе, но лучше, чем ничего. А затем осторожно, как преступница, крадучись, поднялась по лестнице на этаж выше. Вся наша команда и тренерский состав были на четвертом этаже, на пятом же никого из знакомых я встретить не должна, поэтому вызвала лифт оттуда.

Главное, не думать о том, что я делаю. Не думать о том, что должна отдыхать, восстанавливаться после перелёта. Не думать о том, что я ему скажу, если он соизволит выслушать, а сказать я могла только одно.

Лифт остановился на верхнем этаже, и я даже не услышала музыку, я её почувствовала. Биты проходили по моему телу, зарождая внутри дрожь и трепет, мои внутренние органы подрагивали от того, насколько громко играла музыка. Это была тягучая композиция, с перетекающим женским и

мужским вокалом, от которой хотелось совершать движения в такт.

На этом этаже дверей было гораздо меньше, чем на моём. Всего три. Но у меня почти не возникло сомнений, за какой из них скрывается Самгин. Он должен быть там, где гомон голосов и музыка.

Когда композиция начала подходить к завершению, у меня возник шанс быть услышанной, и я постучала кулачком по двери. Тональность шума изменилась, я даже смогла слышать шаги, и моё сердце очень тревожно забилося от страха быть отвергнутой.

Замираю, как зверь, в которого целится охотник, когда дверь наконец распахивается и предо мной предстаёт хозяин номера. На его лице невозможно ничего прочесть, даже узнавание. Он был настолько чужой, что я стала задаваться вопросом, а не померещились ли мне эти семь месяцев рядом с ним.

Может быть, это тянулось целую минуту, а может, доли секунд, но никто из нас не произнёс и слова, пока к Климу не подошла его подружка, которая сейчас была в крайне откровенном наряде, обнажающем её бесконечные ноги, и похозяйски обняла молодого человека. Девушка с лёгким презрением оглядела меня с головы до ног, но не оценив как соперницу, сразу заметно расслабилась.

Я стояла бледная, не накрашенная, волосы после душа ещё оставались немного влажными на концах, и одежда точ-

но не была подходящей для их вечеринки.

– Что это за малявка? – спрашивает она по-русски, но с очевидным акцентом человека, который давно живёт за пределами родины.

Клим молчит, просто смотрит в мою сторону, приподняв бровь, будто тоже хочет услышать ответ на этот вопрос. А я наблюдаю за тем, как она тесно прижимается к парню, и меня охватывает горячее желание выколоть ей глаза, чтобы больше даже смотреть в его сторону не могла.

Уставилась на неё так, будто она посягает на то, что может принадлежать только мне. Исключительно мне. Сейчас меня не волнует, что она выше меня на голову, что мои слова могут звучать смешно и странно, потому что сдержать их не могу.

– Убрала от него свои руки.

Мой голос хотя и тихий, но чётко слышен нашей троице. Длинноногая удивлённо моргает и, усмехнувшись, заглядывает в лицо Клим, который как стоял, так и стоит, безразлично следя за всем происходящим.

– Сладкий, – меня всю передёргивает, когда она так обращается к нему, теснее прижимается и по-кошачьи трётся грудью об его плечо, обтянутое чёрной майкой, – ты так и будешь молчать?

Её голос манкий, мягкий, губы, когда она это говорит, касаются мочки его уха. Словом, она знает, что делать, чтобы мужчина её послушался, и я лишь усилием воли не развора-

чиваюсь, чтобы убежать отсюда. А может, я просто так окаменела от этой наполненной сексом сцены, что не могу даже пошевелиться.

Клим немного уводит голову из-под прицела её губ и смотрит на неё несколько удивлённо.

– Карина, ты разве не слышала? – спрашивает он её.

Его взгляд, обращённый к ней, не кажется теплее. Но Клим сейчас вовсе не похож на человека, способного испытывать эмоции.

– Что?

Мы обе сбиты с толку.

– Тебе же сказали – убрать руки.

Вижу, как красotka, оскорбившись, отлепляется от него, бросив перед уходом, какой он мудака.

Сдерживаюсь, чтобы не улыбнуться, потому что его поступок говорит лишь о том, что она ему смертельно надоела, да и вид у него сейчас такой, будто он безмерно устал.

Моё тело зудит от желания прижаться к нему, обнять, провести руками по спине и вдохнуть его запах. Я соскучилась до умопомрачения, я больше не могу без него. Но его холодный взгляд не позволяет мне утолить эту жажду.

– Зачем ты пришла? – наконец звучит вопрос.

Мы стоим в дверях, и я замечаю бокал с алкоголем только сейчас, когда он подносит его к губам и делает небольшой глоток янтарной жидкости, не сводя с меня глаз. А я пожираю глазами, я так голодна по нему, что мне необходимо на

него смотреть, иначе, кажется, я умру от истощения.

– Ты сказал, найти тебя, если я захочу развлечься.

Произношу эти слова, потому что они были единственной зацепкой за него. Я предлагаю ему себя, прямо здесь, у дверей его номера, потому что у меня больше ничего нет. Стою, не зная, нужна ли ему эта плата. Он молчит слишком долго, будто размышляет. Братъ – не братъ.

Клим, ничего не отвечая, поворачивается ко мне спиной, и я слышу его слова, обращённые к гостям:

– Вечеринка закончилась. Выметайтесь.

Раздаётся недовольный шум голосов, но парни и девушки, ворча, подчиняются и выходят нестройным шагом из номера, с интересом разглядывая меня со всех сторон. Мне неловко, я пытаюсь сторониться их, пока последний не покидает пентхаус.

Клим молча показывает, чтобы я проходила. Когда дверь за моей спиной закрывается, я оказываюсь в западне его рук, прижимаясь спиной к двери. Он изучает меня с высоты своего роста все тем же пустым взглядом. И в этом взгляде тьма и бездна, я тону в ней, захлёбываясь, задыхаясь в глубоком омуте, погибая, не в силах выбраться. Он затягивает на самое дно своей темноты, и я хочу там остаться, поселиться навсегда, свернуться клубочком и жить в глубине его зрачков.

– Ну бери то, за чем пришла.

Я вздрагиваю от звука его голоса, совсем не понимая, что

от меня требуется. Чувствую исходящий от него запах сигарет, крепкого алкоголя, а меня всё равно ведёт и пьянит он.

До меня доходит, что он не будет мне помогать, и сама тянусь к его брюкам, пытаюсь расслабить пряжку ремня, мои пальцы дрожат, и у меня ничего не получается. Я поднимаю на него растерянный взгляд, не зная, как себя вести с этим айсбергом. Мне хочется, чтобы он меня обнял, но я чувствую, как сильно он желает обратного, как жаждет меня наказать.

– Ты можешь начать со своей одежды, – насмешливо напоминает он, отходя от меня, и лениво разваливается в кресле, в котором не так давно, должно быть, сидел с другой девушкой.

Если бы я была уверена в том, что он не выгонит меня после стриптиза голую за двери своего номера, я, может быть, не вела бы себя как контуженная. В моих движениях было не больше сексуальности, чем при раздевании на осмотре у старого врача. Не могу на него больше смотреть, потому что чувствую себя глупой и ненужной. Опускаю глаза, снимая топик, под которым бежевый кружевной бюстгальтер, затем пуговка и молния вниз. Джинсы свободные и сами падают к ногам, открывая маленькие трусики в тон лифу.

По щеке катится слеза от испытываемого унижения, стираю её неловко тыльной стороной ладони.

– Подойди, – просит, его голос низкий, хриплый.

Только сейчас замечаю, что его поза больше не расслаб-

ленная, он сидит упираясь локтями в колени и смотрит на меня тёмной бездной вместо глаз. Подхожу к нему, не зная, чего ожидать. Мне хочется запустить пальцы в его волосы, но в этой игре не я придумываю правила.

Клим кладёт руку мне на бедро, понуждая подойти ближе, и я оказываюсь между его разведённых ног. Тяжело дышу, не от возбуждения. От страха. Такого Клим я не знаю, он пугает и вызывает дрожь.

Он не убирает руку с ноги, а скользит пальцами вверх к ягодицам и толкает ближе к себе. Может, как гимнастка, я могла бы изогнуться дугой, но моё тело сейчас такое слабое, что я едва не падаю и цепляюсь в его плечи, чтобы удержать равновесие.

– Ты пахнешь как счастье, – проводит носом по коже на моём животе. Я не могу больше сдерживаться, касаюсь его волос, убирая тёмную прядь, упавшую на лицо. Он сжимает моё запястье, тянет себе на колени, и я жажду ещё больше чувствовать его тело, его руки.

Тянусь к его губам, желая вновь почувствовать их вкус, мне это сейчас так надо, без них я умру. Но Клим не позволяет, он стягивает в кулак мои волосы на затылке, заставляя посмотреть в его глаза.

– У тебя кто-то был?

Смысл его вопроса не сразу до меня доходит. Мне хочется горестно рассмеяться в лицо, потому что у меня всё это время был лишь он, все мысли и слёзы о нём.

Качаю отрицательно головой, повторяя беззвучно губами «нет».

И самой хочется спросить его о том же, но не настолько я наивна и глупа, чтобы не знать ответ заранее. Поэтому мне остаётся только стереть поцелуи других девушек своими губами с его тела.

Его пальцы больше не сжимают мои волосы, а надавливают на мой затылок, приближая наши губы, и я поддаюсь ему, не спешу, хотя мне хочется наброситься на него. Он будто размышляет, не уверен пока, нужна ли ему эта игра со мной. Знаю, что от меня слишком много хлопот.

Его губы совсем рядом, он больше не подталкивает меня, не руководит моими движениями. Но я сама замираю, будто испугавшись, что всё это сон, что мой кошмар без него продолжается, и, всё же рискуя проснуться, провожу языком по его губам. Они терпкие, как тот алкоголь, что он пил.

Одна из возведённых между нами преград рушится, и он сильнее притягивает меня к себе, сжимая мою голову. Его поцелуй такой алчный, словно он хочет всё у меня отнять, опустошить меня до дна, забрав всё себе. Я могу только поддаться ему, потому что сама желаю этого. Мне ничего не нужно без него.

Ловко расстёгивает мой бюстгальтер и спускает его с плеч, проводит длинными пальцами по небольшим холмикам, едва касаясь.

– Держись, – просит он, сцепляя мои руки на своей шее, и

поднимается, придерживая меня под попой и поясницей, а я обхватываю его торс ногами, утыкаюсь куда-то ему в грудь, вдыхая запах, чтобы поверить, что он наконец рядом.

Клим убирает с себя мои руки и бросает на огромную кровать. Чувствую, насколько он напряжён рядом, как злится на меня, и мне хочется вымолить у него прощение за своё глупое поведение.

Смотрит на меня всё тем же пустым взглядом, когда берётся за пряжку ремня. Ему удаётся с ней справиться куда легче и быстрее. Снимает медленно, не спеша, джинсы и майку, оставаясь в одних боксерах. В памяти вновь всплывает день, когда я столкнулась с ним в кухне моего дома, он стоял там в одном полотенце, и я мысленно сравнила его с парнями своей тренировочной базы, не потому, что он мне не понравился, а потому что я хотела стереть из памяти, заменить его образ любым другим, но ничего не вышло. И сейчас, глядя на него, я думаю, что не встречала никого совершеннее, чем он. Жаль, что он сам это отлично понимает, я вижу эту уверенность в его движениях, самодовольной ухмылке парня, которому достаточно щёлкнуть пальцами, чтобы сбежалась стайка девчонок и встала к нему в очередь друг за дружкой.

Мне больно от холода в его глазах, он жалит меня, я знаю, насколько ему необходимо увидеть мои страдания. Берёт меня за голень и притягивает к себе, стаскивает с меня трусики, в чём я ему помогаю, приподняв бедра. Я лежу перед ним

на спине с разведёнными в стороны ногами, между которых он стоит у края кровати. Более открытой и беззащитной позы сложно представить. Где-то на краю сознания возникает догадка, что ему, скорее всего, хочется, как тогда выразился его сводный брат, поиметь меня и забыть. Пусть так, пусть это будет первый и последний раз с ним, пусть это будет расплата за мою глупость. Как бы ни закончилась эта ночь и какие бы она ни имела последствия, я всё равно хочу, чтобы именно он был первым.

19. Клим

Я ненавидел и презирал себя за эту слабость к ней. Когда она предложила расстаться, испытал совершенно полярные эмоции. С одной стороны, казалось, что лучше так, лучше без неё, без этой постоянной потребности её видеть, быть с ней. Это шанс избавиться от наваждения, который она мне дала и который сам никогда не смог бы ей предложить. С другой – мне тут же стало плохо физически, её слова вырвали сердце и лёгкие из груди, лишая возможности жить и дышать. Был уверен, что такое только в книжках живёт, на страницах выдуманных историй, но оказалось, нет, иначе чем объяснить своё состояние?

Думал, это пройдёт, нужно только время. Только сколько: одна неделя, месяц, год, десять лет или, может, вся жизнь?

Мне было мало уехать в Москву, слишком опасная близость к ней, я убрался подальше, в Англию, окунувшись в свою прежнюю жизнь до аварийного периода имени «Алёна Комар».

Девушки в моей постели сменялись чаще, чем дни в календаре. Блондинки, брюнетки, но чаще всего рыжие. Конечно, рыжие. Я не занимался с ними сексом, не трахал их, это была какая-то однобокая мастурбация с моими фантазиями о ней. Я представлял, что это её кожа под моими пальцами, лаская одну, что это её волосы я оттягиваю назад, ко-

гда другая выгибалась в дугу спиной ко мне, что это её глаза смотрят, когда третья, стоя на коленях, делает мне минет.

Но всё это было лишь имитацией, подделкой, разрядка приходила, но никакого удовольствия не приносила, только физическую потребность кончить.

Дни шли, а легче не становилось, если такой секс – это всё, что меня ждёт до смерти, то мне хана.

Старые подружки, будто что-то почуяв, активизировались, срывая мой телефон, и я общался с ними, пытаюсь вспомнить, что же раньше меня в них привлекало. Сиськи? Загорелая кожа? Длинные ноги? Готовность отдаться мне в любое время дня и ночи в любом месте и любым способом? Точно не глубокий внутренний мир.

Так и не получил ответа на этот вопрос, потому что если и была раньше где-то симпатия, то отголоски её так и не всплыли.

Зато алкоголь отлично помогал. Напивался с друзьями в клубах, выискивая глазами хоть одну отдалённо похожую на ту, которую хотел по-настоящему. Правда, Макс портил всю малину своей кислой рожей и попытками разрушить мой сибаритский настрой. Увязался за мной, прицепившись как клещ. Видите ли, ему не нравилось, что из-за какой-то юбки я порчу себе жизнь. Ума не могу приложить, чем это я её порчу. Веду себя немногим хуже, чем год назад.

Отца такой образ моей жизни тоже не устраивал, но я забил, мне было не до него, и, возможно, он видел, что меня

лучше не трогать сейчас, и дал расслабиться, ожидая, как и я, когда это прекратится.

После очередного отрыва в одном из лондонских клубов, вернувшись в свои апартаменты, пробудившись с тяжёлой головой по утрам, переключал каналы гостиничного ТВ и попал на освещение в новостях предстоящих соревнований по спортивной гимнастике. Прочистило мозги лучше нашатыря под нос.

Посмотрел в сети, кто заявлен из России на этот чемпионат. Ну, конечно, не зря меня бросила. Смотрите-ка, по словам журналистов, она – надежда Российской Федерации на золото. Огненная девочка Алёна Комар, несмотря на серьёзную травму, способна составить конкуренцию ведущим спортсменкам Европы. И фото некогда моей девушки с забранными в пучок рыжими волосами, когда она стоит на пьедестале, пока ей вешают очередную медаль на шею. Как конченный псих, провожу пальцем по её изображению, пытаюсь понять, изменилось ли в ней что-то с того момента, как видел последний раз. На лице Алёны нет эмоций, она даже не улыбается, и это фото напоминает мне множество тех, что висят в доме её бабушки, – грустная маленькая девочка, но всегда первая и всегда добивающаяся своего. Любой ценой.

Как, испытывая желание придушить, я ощущаю гордость за неё? Рыжая бездушная ведьма.

Преодолеть каких-то четыреста семьдесят километров, и я могу увидеть её, может быть, даже дотронуться до неё. Эта

мысль мной полностью овладела. Поручил помощнице отца, которая была равнодушна ко мне, разузнать по своим источникам, где остановится команда России. Оказалось, какой-то убогий отель недалеко от спортивного комплекса, где будут проводиться соревнования. От имени благотворительного фонда сделал целевое пожертвование на оплату проживания команды в конкретном отеле, на верхнем этаже которого у меня были забронированы на эти даты апартаменты.

Откинулся на спину, разглядывая потолок, понимая, как глубоко погряз. Эта болезнь совсем не лечится. Что в ней такого особенного, что ни из головы, ни из сердца не могу выкинуть? Раньше, может быть, можно было предположить, что всё дело в том, что я её до сих пор не трахнул, или в том, что до неё ни одна девчонка меня не кидала. Но всё было куда хуже и глубже, я нисколько в этом себя не обманывал.

Увидел её рыжий хвостик, переступив порог отеля, заранее зная, что она должна быть в холле, когда мы будем заходить. Не хотел на неё смотреть, знал, что глаз не смогу отвести. Но когда она вскочила на ноги, увидев меня, – отлегло. Всё же не настолько я ей был безразличен.

Разве просто принадлежать целиком и полностью человеку, для которого ты никогда не будешь на первом месте? Моя очередь к её сердцу была и будет всегда после спорта. Она недвусмысленно это дала понять.

Не было никакого плана. Просто знал, что она точно будет в гостинице ещё несколько дней. Даже от самой мысли, что

она где-то рядом, становилось менее паршиво, и алкоголь не требовался так сильно.

Карина надоедливо жужжала на ухо весь день, что мне пришлось провести с ней и старой компанией. Смотрел на товарищей и понимал, что все они здесь лишние и в моей жизни им тоже больше не место. Не видел с ними связи и общности. Похоже, я вступаю ту фазу взросления, когда напиваться буду в одиночестве.

Мне кажется, я понял, что она где-то рядом, ещё до того, как раздался стук. Открыл дверь и пропал. Не верил, что сама пришла, что не пришлось напиваться, идти в её номер и силой тащить к себе. Оставалось только смотреть в её глаза и подышать от тоски, от безысходности, от собственной слабости перед ней. Когда остались наедине, даже дотронуться боялся, думал, сломаю её, так желал её прижать к себе. Просто стоял, вдыхая её запах, и этого уже было достаточно, чтобы жить.

Хуже всего, что я терял контроль только от одной её близости, больше не доверяя самому себе. Вся напускная холодность трескалась и осыпалась к её ногам. А обнажённая Алёна на моей постели – воплощение моих фантазий о ней. Хотя нет, был ещё с десятков мест, где я бы хотел её взять, думая о ней длинными вечерами. И вот сейчас она здесь, с разведёнными ногами, в молчаливом приглашении войти в неё, – я так долго ждал этот момент, который, казалось, уже никогда

не наступит, что мог кончить только от одного этого вида.

Забрался на кровать, сев на колени. Член стоял колом. А я не знал, как прикоснуться к ней. Только разглядывал её как идиот, задаваясь вопросом, надолго ли эта гостья в моей жизни и когда она вновь её покинет. Не знаю, что она увидела в моих глазах, но сама подобралась ко мне, выпрямилась, обхватывая ладошками моё лицо, смотря в глаза.

– Я люблю тебя, – тихо произносит и смешивает наше дыхание в поцелуе.

Всё ломается во мне, и меня ломает от этих слов, что мечтал услышать от неё. Закрываю веки не дыша, ощущая отголосок её признания внутри себя. Люблю её настолько сильно, что это становится практически невыносимым, до боли, когда кажется, что я истекаю кровью по ней.

– А мне кажется, что я тебя ненавижу, – произношу, когда она завершает свой несмелый поцелуй. Чувства настолько острые, а грань между ними так тонка, что сам не понимаю, где начинается любовь, а заканчивается ненависть.

Чувствую, как она содрогается в плаче, но не отстраняется, не сбегает, а прижимается ко мне, обнимая. Мои же руки висят неподвижно как плети.

– Пожалуйста, не надо, – слышу её тихий голосок и чувствую влагу слёз в изгибе шеи, куда она утыкается лицом. Она вздрагивает, и тут я понимаю, какой я осёл, раз она плачет. Хотел сделать больно ей, а сделал себе.

Касаюсь ладонью её спины, чувствуя, как её острые сос-

ки впечатываются в мою грудь. Невыносимая пытка. Она отстраняется, смотрит на меня бирюзовыми глазами, такими яркими и живыми, что, раз увидев, никогда не спутаешь её с другой девушкой.

– И ненавижу тебя, и люблю одновременно, и жить без тебя не могу, и убить хочется, – сжимаю пальцами её шею, демонстрируя палитру своих чувств, – свернуть бы твою шейку и больше никогда не мучиться мыслями о тебе.

– Не получится, Самгин, – вновь целует, но теперь чувствую, как её слезы высыхают, а губы изгибаются в улыбке, покрывая моё лицо поцелуями, – я тебя, даже умерев, не отпущу, буду преследовать тебя и всех твоих баб, жить спокойно не дам, не рассчитывай на это.

Блядь, почему я слышу эту нелепую угрозу, и она делает меня счастливейшим из людей?

Провожу рукой между её ног, она горячая и влажная для меня, настолько, что я чувствую доказательства её желания и на девичьих бёдрах. Опускаю её спиной на матрас, упираюсь руками по обе стороны от её лица, смотря в ожидающие глаза.

Хотел наказать её, обидеть, ужалить, хотя бы на часть показать, каково мне было всё это время без неё. Но сейчас, когда она лежит подо мной, разве я могу желать чего-то иного кроме её удовольствия? Касаюсь губами, вспоминая вкус её кожи. Она самый лучший десерт в моей жизни, вишенка на любимом торте для парня, который перепробовал кучу

сладостей.

Не знаю, чего желаю сильнее, целовать её, притрагиваться к ней или смотреть, как она вздрагивает от моих прикосновений, как кожа покрывается мурашками, а розовые соски напрягаются, становясь острыми.

Покрываю поцелуями её тело, спускаясь губами к самому сокровенному месту, которое хотел попробовать и изучить с начала нашего никудышного знакомства. Представляя себе вечерами, когда девчонка со мной не разговаривала, смотрела сквозь меня или с ненавистью, как бы она реагировала на такие ласки, как бы искажалось её лицо в наслаждении. Абсурдно, но эти мысли тогда часто крутились в моей голове.

Блядь, мечты сбываются, и я между её ног, целую нежную кожу бедра, собирая языком вкус её возбуждения. Чувствую, как она замирает подо мной, не дышит, как мышцы её тела каменеют в напряжении, но она не отталкивает меня в напускной скромности, а ожидает продолжения. Я ласкаю её, одурманенный её запахом и вкусом, со всеми первобытными инстинктами, которые остались во мне от предков, понимая, что она должна идеально мне подходить.

Готовлю её к проникновению, не желая причинить боль или, по крайней мере, желая свести её к минимуму, посасывая маленький напряжённый клитор, проникая в неё пальцами. Она не сопротивляется, а подаётся мне навстречу, двигаясь бедрами в такт моего языка и поступательным движениям пальцев. Чувствую, как её пальчики перебирают мои

волосы, притягивая к себе.

Мне хочется её поглотить, забрать всю себе до самого дна, со всей жадностью, с которой я отношусь к ней, не желая делить её ни с кем и ни с чем в этом мире. Когда она подходит к пику, и я, оставляя её на этой вершине, трачу секунды на освобождение зубами презерватива из упаковки.

Она замороженно, с нескрываемым голодом в глазах, смотрит на то, как я натягиваю кондом на член, облизывая пересохшие губы так чувственно, что кажется, она тоже хочет попробовать меня ртом.

У меня были дурочки, которые считали, что для меня что-то значит их девственность, и дарили мне этот подарок, порой и не предупреждая о нём. Но без чувств к его обладательнице для меня факт того, что я первый, никогда и ничего не значил. Мне не важно, сколько у девушки на одну ночь было до меня мужчин, сколько будет после, при должном уровне защиты.

Даже если бы у Алёны был бы кто-то до знакомства со мной, я стёр бы любые сравнения из её памяти, доказывая, что я лучше любого другого, как в любом первобытном обществе. Трахал бы её до потери сознания, пока не вытеснил из её головы всех остальных.

Знал, что она девственница. Это заставляло относиться к ней по-особенному. Более трепетно, чем к любой другой.

Впрочем, вру. Для меня она вся была особенной.

Тянул её, усаживая разведёнными ногами на себя. Она са-

ма понимает, чего я хочу, и приподнимает бедра так, что я могу провести членом по её губкам и клитору. Хватается за мои плечи, балансируя у края пропасти, целует меня, задыхаясь от возбуждения, и я совершаю движение бёдрами, оказываясь внутри тугой плоти, плотно сжимающей мой член. На её губах замирает крик, который я забираю губами. Не двигаюсь, но она сама глубже насаживается на меня, морщась. Моя спортсменка до безумия упряма и никогда не отступает.

Одной рукой придерживаю её за задницу, а другой мягко массирую клитор, пока она приподнимает бёдра, чтобы вновь опуститься на меня.

– Больно? – спрашиваю в её губы, чувствуя, что между нами больше нет преград, что мы единое целое, больше нет меня или её, а есть только мы.

Качает отрицательно головой, хотя я вижу, как лихорадочно блестят её глаза.

– Врёшь, – уличаю во лжи.

Обхватывает мои щёки, чтобы слизать последнее слово с моего языка и посасывать его, раскачиваясь на моём члене. Я начинаю чувствовать, как она ловит эту волну, как возбуждение туманит её сознание, заставляя ускорить движения, превращая скольжение по моему члену в гонку за наслаждением. Она больше не отдаёт себе отчёта, не сдерживает себя, обнимая меня, утыкается мне в шею и двигается так, как я не ожидал от девственницы. Но она отлично умеет управлять

своим телом, и я пытаюсь думать о чём угодно, только не о том, что сейчас происходит, не желая кончать до неё.

Сжимаю пальцами её ягодицы, направляя её движения, хотя она в этом не нуждается, природа берет своё, подсказывая ей, как получить удовольствие, а я дурею от ощущения её гладкой кожи и тугого лона. Когда её движения становятся беспорядочными и отрывистыми, когда влагалище теснее сжимает мышцами член, начиная пульсировать, отдавая мелкой дрожью по всему её телу, я кончаю вслед за ней, больше себя не контролируя.

Обнимаю её влажную спину, слыша наше тяжёлое дыхание. Мне не хочется её отпускать, выходить из неё, и я растягиваю это ощущение себя в ней ещё на секунды.

20. Алёна

С Климом всегда было и больно, и сладко одновременно, и эта ночь не была исключением. К своему удивлению, я не испытала и капли сожаления о свершившемся, всё было так естественно, словно только этого ждало моё тело.

После секса все силы куда-то делись, у меня не было никакого желания шевелиться, идти в душ, хотя я вся была липкой. Клим, взяв меня на руки, отнёс в ванную и усадил на бортик, регулируя воду в душевой кабине.

Он как куклу поставил меня под струи воды, взяв с полки какой-то гель, намылил ладони и, опустившись на корточки, мягкими движениями принялся смывать кровь с моих бёдер и промежности. Как ни странно, но совсем не щипало, а, напротив, холодило и успокаивало. Прикрыв глаза, я следила за тем, как его руки скользят по моей коже, и начала вновь возбуждаться, несмотря на усталость, сонность и недавно пережитый оргазм.

Клим поднял на меня потемневшие глаза, и я испытала какое-то странное чувство, смотря на него вот так, сверху вниз, ощущая в какой-то степени его, такого большого и сильного, беззащитность передо мной.

– Давно хотел принять с тобой душ, – улыбнулся он, целуя бедро. Согнул мою ногу и закинул себе на плечо, так что я оказалась открытой для него. Капли воды мягким потоком

стекали по моему телу, и когда Клим приник ко мне ртом, я, обмякнув, прислонилась к стене. Ноги едва держали.

Его ласка была такой умелой, что где-то в моём мозгу вспыхнул огонёк ревности от мысли, что он наверняка так же дарил удовольствие и другим девушкам до меня, если так тонко понимает, как сделать мне хорошо. Эти размышления быстро улетучились, стоило движениям его языка стать настойчивее, выбивая стоны из моих губ. Всё перестало иметь значение, кроме этой ласки, его рук на моих ягодицах, когда он прижимал меня теснее к себе. Тело пробило будто разрядами тока, и я упала бы, если бы кое-кто меня не поймал, прижав к своей груди.

– Люблю тебя, – признаюсь, подняв к нему лицо, чувствуя, как его член упирается в меня.

– Меня или куни? – изгибает губы в своей фирменной кривоватой улыбке.

– Тебя и твой рот, – тянусь к его губам, вставая на цыпочки, и целую, передавая всю глубину этой любви.

Отстраняюсь от него, выразительно смотря на его эрекцию. Ещё один секс я не выдержу, между ног саднит, но и оставлять его снова в полной боевой готовности, после того как сама кончила два раза, совесть не позволяет.

– Как мне сделать тебе приятно? – интересуюсь я, несмело обхватывая пальцами член. Смотрю на него замороженно. Он красивый, такой же идеальный, как и его обладатель. Пальцы едва сходятся, когда его сжимаю, не веря, что он был

во мне, на ощупь невероятно гладкий, приятный, подрагивает от моих движений, когда я начинаю скользить по нему.

– Ты делаешь мне приятно, – сдавленно произносит не своим голосом, – сожми сильнее, не бойся.

Он наблюдает за мной, а я за ним и его реакцией, чувствуя власть над молодым человеком, осознание, что я способна дарить удовольствие, кружит голову и делает меня смелой. Мне хочется дать ему ещё больше, хочется почувствовать его губами, пусть я знаю, что делать, только в теории, но опускаюсь на колени, сжимая член обеими руками, и вбираю головку пениса в рот. Клим смотрит на меня тёмным, тяжёлым взглядом, и я вижу, как ему нравится то, что он сейчас видит. Не разрывая этого зрительного контакта, я продолжаю посаживать головку, стремясь глубже вобрать в себя член, смелее сжимая его пальцами.

Когда он теряет над собой контроль, то сжимает мою голову руками, не позволяя отстраниться, кончая мне в рот, когда же приходит в себя, то сразу отпускает, и я замечаю вину в его взгляде от нахлынувшей на него грубости. Но сама не чувствую себя оскорблённой, может, это странно, но мне это понравилось. На моём языке его вкус, и он мне нравится. Он мой мужчина, и я всё в нём люблю. Смотрю на него с довольной улыбкой на губах и слизываю с пальца его сперму, оставшуюся где-то на моём подбородке.

– Ты тоже вкусный, – возвращаю ему его же слова, произнесённые тогда, в машине.

Я даже не заметила, когда вырубилась. Просто отключилась. Никогда со мной такого не было. Раз – и уснула. Кажется, прямо под душем на руках Клима. Проснулась интуитивно, осознавая, что необходимо вернуться в свой номер, иначе мою пропажу обнаружат. Клим спал, прижимая меня к себе, это было так приятно, что встать с его постели совсем не хотелось. Но надо.

Я вылезла из кровати, стараясь его не разбудить, но он тут же проснулся, хмуро наблюдая за мной затуманенными ото сна глазами.

– Сбегаешь, – констатирует он с укором, хриплым голосом.

Мне вдруг неловко стоять перед ним голой, но вокруг нет ничего, чем можно было бы прикрыться, кроме его бейсболки, которую стянула с изголовья кровати и как дурочка прижала к груди, которую он досконально успел изучить.

– Если я не вернусь, то поднимется скандал, – оправдываюсь я, наблюдая, как Самгин откидывает одеяло и встаёт. Вот кого не смущает своя нагота.

Клим подходит ко мне, демонстрируя всё своё обнажённое величие, так что у меня дух захватывает, и присаживается на край кровати напротив меня.

– Алёна, если ты ещё раз уйдёшь, то этот уход будет последним, – и речь сейчас совсем не о выходе из номера.

Верю ему безоговорочно, вновь ныряя в тёмную бездну

глаз.

– Я уйду, только если ты меня прогонишь, – шепчу едва не плача, потому что от одной этой мысли испытываю страдания. Ведь я отлично понимаю, что не могу без него. Он моя единственная вакцина от смертельно опасной тоски.

Только вот нехорошее предчувствие тенью закрадывается в душу, а может, это всего лишь отголосок боли последних месяцев.

Обхватывает моё лицо ладонями, обращая к себе:

– Душу ты мне, Алёна, всю вытрясла. Были бы во мне силы от тебя избавиться, поверь, давно так бы и поступил.

Я следую за ним в гостиную, где были оставлены мои вещи, и замечаю здесь то, на что не обратила внимания вчера, когда только пришла. Самгин прошёл куда-то в другую комнату и вернулся уже в майке и в джинсах, к этому моменту я тоже успела натянуть свои вещи. Почти все. Трусиков я так и не нашла.

На столе в этой комнате много бутылок из-под алкоголя, но не они меня взволновали. Я увидела белый порошок, размазанной дорожкой оставленный на столе. Смотрю и понимаю, что это не сахар рассыпан так. Поднимаю на Клима испуганные глаза. Не хочу верить, что он употребляет наркотики. Только не это. Я не смогу справиться с человеком, у которого зависимость. Мне хватило матери.

– Клим?

Он подходит ко мне, сжимает мою голову пальцами, заставляя смотреть в свои глаза.

– Алёна, это не моё, моих друзей, – он говорит это так, будто слова хочет донести до самого центра сознания, но я не знаю, могу ли верить им.

– Зачем?

– Я не употребляю наркотики, они – да, это их жизнь, не вижу смысла им мешать. Ты мне веришь?

Он не отпускает и не отпустит, пока не услышит от меня нужный ответ. Чувствую эту упёртость в нём. Смотрю внимательно в его глаза, силясь вспомнить, казалось ли мне когда-либо его поведение странным, но ничего такого в памяти не всплывает.

Я люблю его всей душой и хочу ему верить. Пока Климу ни разу меня не обманул, значит, и сейчас не стоит в нём сомневаться.

– Верю, – киваю я. – Может, тебе не стоит с ними больше дружить?

Он целует меня в лоб и прижимает к себе.

– Может, и не стоит, – тихо соглашается, несколько отрешённо.

Мы стоим так некоторое время, пока он не начинает чувствовать, что я расслабляюсь. Берёт за руку, будто я его подруга из третьего «А», которую он в начале учебного года дёргал за косички, а теперь носит рюкзак, стирая этим простым жестом всю тревожность из меня.

Остановились, глядя друг на друга в тихом коридоре погружённой в глубокую ночь гостиницы, пока он не заметил, что я украла его бейсболку. Я и сама не поняла, с каких пор страдаю kleptomанией, потому что, пока он не обратил на неё внимание, я понятия не имела, что захватила её с собой.

– Это бартер, я потеряла в твоём номере свои трусики, – оправдываюсь, вертя в руках бейсболку, смотря в полное довольства лицо парня.

– Ты их не потеряла, я их себе забрал, – и демонстрирует свои слова, достав моё бельё из заднего кармана джинсов. Пока я, шокированная, оглядывалась, не видит ли кто-нибудь, как он размахивает трусиками, как белым флагом капитуляции, но всё же возвращает их обратно. Не на меня, а в карман.

На красно-синей бейсболке изображён логотип питерского хоккейного клуба с тремя большими буквами «СКА».

– Не знала, Самгин, что ты поклонник хоккея, – перевожу я тему, красная как свекла, оттягивая момент расставания.

– С чего ты это взяла?

– Так на твоей бейсболке логотип хоккейной команды, – показываю на буквы.

– Да? – улыбается своей неотразимой улыбкой, от которой у меня слабеют колени, – я был уверен, что это всего лишь мои инициалы – Самгин Клим Анатольевич.

Меня это смешит, потому что он точно лукавит, где-то в памяти всплывают его фотографии с хоккеистами этой ко-

манды. Я надеваю его бейсболку и смотрю на него из-под её козырька.

– Самгин Клим Анатольевич, я буду надевать твою бейсболку перед каждым соревнованием на удачу, и мои победы будут только для тебя.

Он ничего не отвечает, просто целует так, что мне становится горячо и сил нет оторваться от него. Перед уходом снова обнимаю, не желая его отпускать. Так хотелось провести с ним всю ночь, но это было невозможно. Я утешала себя лишь тем, что у нас впереди ещё много ночей, особенно после того, как закончатся соревнования. Стоит только немного потерпеть.

Кажется, никто не заметил моего отсутствия, а мне оставалась ещё пара часов блаженного сна.

Мы стали первыми в командном многоборье, а я принесла России две золотых медали и две серебряных. Тренер был скуп на похвалу, лишь заметил, что я молодец, потому что сумела собраться, став первой на своих коронных снарядах. Я опустила глаза, когда он произносил слова, потому что в моей памяти сразу всплыло, кто и как меня собирал.

Если бы я была смелее, а моё лидерство среди российских гимнасток было бы неоспоримым, то пошла бы ва-банк и открыто, в лицо сказала, что я не тварь дрожащая, а имею право на личную жизнь. Но лучшей я пока не была, у меня есть равные мне по силе и программе конкурентки, я готова была

с ними побороться, но не уверена, что без Данилевского у меня что-то получится.

Да, я уставала, да, он меня изматывал, порой казалось, просто издевался, настолько его режим тренировок был жёстким. Помогали массажисты, холодные, почти ледяные ванны и сон.

Критично рассматривая себя в зеркале, замечала, насколько видно под тонкой белой кожей сечение мышц, венки, проступающие над выделяющимися мышцами пресса. Руки в спокойном состоянии почти походили на обычные девичьи, но стоило напрячь бицепс, создавалось впечатление, что могу участвовать в армреслинге. Ноги тоже не отставали, я была гармонично развита, и перегибов, как порой бывает в моём виде спорта, когда плечи шире бёдер, не было. Таисия Андреевна всегда считала, что такое моё женское строение, с фигурой, подобной песочным часам, выгодно отличает меня от многих других гимнасток. Я нравилась судьям и красиво выходила на таблоидах. После того как в одном популярном спортивном журнале напечатали мою фотографию, на которой меня сняли с распущенными волосами в ореоле бликов солнца, создавших впечатление, что рыжие пряди горят, меня стали называть не иначе как «огненной девочкой».

Выступая на чемпионате Европы, я видела плакаты со своим новым прозвищем и пожеланиями побед, слышала бурную реакцию болельщиков во время награждения и получала колоссальный заряд энергии. Боль в мышцах и суста-

вах уже не казалась такой острой, а усталость невыносимой.

Данилевскому тоже нравилось, что я получаю большой отклик у любителей спортивной гимнастики. Я знала, что, если удачно выступлю на России, попаду в сборную на Олимпиаду, то мне могут предложить рекламные контракты и, возможно, даже удастся купить бабушке желанный дом.

Клим держал меня в неведении о своих планах на мой счёт. Когда была возможность в период чемпионата Европы, я сбегала к нему в номер, и мы просто занимались сексом. У меня не было сил на разговоры, а у него – желания.

Иногда после тяжёлого соревновательного дня, когда я была вымотана и опустошена морально, мне просто хотелось находиться с ним рядом, дышать им, а Клим ни на чём не настаивал. Никогда не спала слаще и крепче, чем в его объятиях.

Я настолько распоясалась, что мне даже было всё равно, что скажет моя соседка по номеру, хотя она, естественно, заметила мои постоянные ночные вылазки. Но, должно быть, в этот раз мне крупно повезло, потому что кроме её любопытных взглядов ко мне ничего не прилетало.

Наутро после того, как лишилась девственности, пыталась найти, что же могло во мне измениться, но ничего кроме блеска в глазах я не обнаружила. А по прошествии времени пришла к окончательному выводу, что начавшаяся сексуальная жизнь никак не выдавала себя. У меня не выросла грудь

размера «С» и окружность попы не стала граничить с окружностью Земли, как бы этим ни пугали. В общем, несмотря на то, что с начала пубертатного периода тренеры настаивали на половом воздержании, грозя негативным выбросом гормонов, как попкорн меня не разбомбило.

Как ни странно, но прав был именно Клим. Секс с ним расслаблял моё тело и мозг, очищая от лишних мыслей и отголосков спортивной усталости.

Мы отдыхали после близости в том же номере гостиницы, но почему-то на толстом восточном ковре вместо кровати, даже не помня, как там оказались. Я, лёжа на нём, соединяла указательным пальцем маленькие родинки на его груди и торсе, пока он ленивым, сытым взглядом следил за моими движениями.

– Ты знаешь, что ты мой космос? – спрашиваю его, разглядев очередное созвездие.

– Неужели? – произносит он с сомнением.

– Угу, – прикусываю губу, веселясь, – смотри, это «ковш» Большой Медведицы.

Поднимаюсь, оседлав его, чтобы продемонстрировать найденное сочетание, уходящее к низу его живота, и целую каждую родинку на нём.

Рядом с ним я была переполнена счастьем, оно горячим тёплым светом наполняло меня, пробиваясь свечением под кожей и бликами в глазах. Счастьем, которое казалось таким хрупким, что стоило дунуть на него, как оно разлетится по-

добно одуванчикам на ветру.

Я не знала, что будет с нами дальше, он не говорил, вернётся ли в город Н., и у меня всё также было катастрофически мало времени на личную жизнь. В день вылета из Парижа я порывалась задать ему вопрос о том, как мы дальше будем видеться и будем ли вообще, но мне вдруг стало страшно, что он захочет убить меня словом, ответив, что он пресытился и всё закончится здесь.

После того как покинула его спальню, в тот день мы больше не виделись. Перелёт до Москвы, где Данилевский остался по своим делам, а мне предстояла дорога на поезде. Всё ждала, когда появится Самгин, как в тот раз на вокзале, когда я сбежала от него. И тревожно было с каждой минутой, приближавшей меня к отправлению поезда. Он не пришёл. Я вдруг пришла к выводу, что это всё, конец, что всё начавшееся во Франции там и закончилось. Он попробовал меня, и я ему больше не интересна.

Проревела всю ночь в подушку, благо в моём купе никого не было и свидетелей у моей слабости не оказалось. Вышла ранним утром из поезда, щурясь от лучей весеннего солнца и ёжась от холодного ветра, везя за собой потяжелевший от наград чемодан. Кто-то дёрнул за него, хотела возмущённо зыркнуть на хама и встретила с веселящимся взглядом Самгина.

Разглядывает меня, изменившись в лице, пока мимо нас

по перрону проходят люди.

– Почему глаза красные?

Опускаю их, не желая признаваться в собственных страхах, и молчу. Уводит прядь моих волос за ухо, мягко сжимает пальцами затылок, понуждая посмотреть на него.

– Думала, что после секса больше не нужна тебе, – признаюсь.

Нагибается, касаясь лбом моего лба, тяжело вздыхая.

– Если бы.

Ради меня он вновь вернулся в город Н., отцу, правда, не сказал, что здесь. Но из наших разговоров у меня всегда создавалось впечатление, что Самгин-старший незримо обо всём в курсе и меня он точно не оценивает как девушку для своего сына.

Тисками вытаскивала из Климa информацию о себе, и мне почему-то становилось грустно, когда он сухо пересказывал историю своего детства. Моё тоже сладким не было, но, несмотря на все тяготы, я не знала, что такое школа-интернат и жизнь вдали от родных. Меня любила бабушка, и обожала старшая сестра всё детство. Это не заменило мне родителей, но подарило ощущение защищённости, тепла и ласки, исходивших от самых близких для меня людей на земле. У Климa и этого не было.

Заставила его показать свои детские фотографии, и, глядя на него маленького, я никак не могла понять, откуда у его матери нашлись силы быть вдали от него. Во мне поднима-

лась горячая волна любви к тому мальчику, которым он был когда-то, хотелось обнять его, сказать, что он нужен и дорог.

Тот мальчик давно вырос, но я могла дарить свои чувства тому, кем он стал сейчас.

Несмотря на то, что мы по-прежнему редко виделись и нам приходилось скрывать отношения от тренера, пока я знала, что он отвечает на мои смс-сообщения и телефонные звонки, даже несмотря на расстояние, которое порой нас разделяло, я была спокойна и могла жить не мучаясь.

С каждым днём моя спортивная уверенность росла, я знала, что нет оснований переживать, заявят меня на участие в чемпионате России или нет. По сути, вопрос о том, буду ли на предстоящих Олимпийских играх представлять Россию, должен был разрешиться еще до травмы, когда я стала золотым призёром чемпионата мира по спортивной гимнастике в предшествующий Олимпийским играм год. Но, к сожалению, операция на связках внесла свои коррективы, и после неё во мне стали сомневаться, уже не видя потенциал на победу. Чемпионат Европы помог изменить мнение Федерации на мой счёт, но теперь решающую роль будет играть чемпионат России, на котором мне необходимо подтвердить, что я лучшая в России. Мой наставник должен скоро ехать

в Москву, узнавать у главного тренера страны, кто из гимнасток нашего клуба будет представлен на этих соревнованиях.

Погружённая в эти мысли, поздним вечером я вышла из тренировочной базы, по своему обычному маршруту направившись в сторону остановки, намереваясь навестить бабушку и погостить у неё в мой единственный выходной, пока Клима не было в городе. Его я ждала только завтра.

Я брела со спортивной сумкой наперевес, пока на моём пути не возник чёрный тонированный мерседес, впереди и позади которого сопровождали два в тон гелендвагена. Всё происходило так быстро, что я даже не успела толком испугаться. Мощный мужчина в костюме прыгнул из внедорожника, взял меня под руки и закинул в представительский мерседес с такой лёгкостью, будто я была пушинкой.

На соседнем сиденье от меня сидел мужчина, одного взгляда на которого стало достаточно, чтобы понять, кто передо мной.

– Ну, здравствуй, Алёна Александровна. Наконец-то мы с тобой познакомимся.

Я вся подобралась и ровно села, понимая, что, видимо, сейчас меня ждёт схватка.

– Здравствуйте. А мне как к Вам обращаться – дядя Толя? – слышу в своём голосе ехидство, и сама удивляюсь, откуда во мне столько смелости.

Колючие глаза Самгина прожигают меня с недобрым интересом.

– Для тебя я Анатолий Борисович, – представляется он официально и протягивает мне визитку, которую я машинально забрала и сжала в кулаке.

– Что же, Анатолий Борисович, очень приятно было познакомиться, а теперь, пожалуйста, выпустите меня из машины.

Знала, что это не сработает, но злость к нему перевешивала разум.

– Мы только начали, и, пока не обсудим пару деталей, ты никуда не пойдешь, а после я высажу тебя у дома твоей бабушки.

Меня отчего-то совсем не удивило, что он знает, где дом моей бабушки. Было ли что-то такое, чего он не знал обо мне?

– И о чём Вы хотите поговорить?

– Твое будущее, каким ты его видишь?

Мне не нравился ни этот мужчина, ни навязанный им диалог. Конечно, интересно было посмотреть на то, каким, возможно, будет лет эдак через тридцать мой парень, очевидно, красивым и хищным, как этот зверь рядом со мной. Он вызывал отчего-то во мне безумный ужас. Вроде сидит мужчина в идеальном дизайнерском костюме с запонками на рукавах в виде игральных костей, немного покручивая их своими длинными пальцами, и кажется цивилизованным человеком, играющим по правилам, но где-то на интуитивном уровне я отчётливо осознаю, что он беспощаден и беспринципен.

Я знала, что он ничего со мной не сделает сейчас, но одновременно чувствовала, что, если бы завтра мой труп нашли на проезжей части, даже при наличии свидетелей, ему бы ничего не было за это.

– Я не обсуждаю свои планы с посторонними людьми.

– Ну какой же я посторонний, Алёночка. Я отец твоего молодого человека, имею право знать ответ на свой вопрос.

Что ж, мой статус был официально им признан. Может, не всё так страшно, как мне кажется?

– Стать олимпийской чемпионкой. В этом весь смысл, – пожимаю плечами, говоря очевидное.

– Чудесная целеустремлённость. Пожалуй, я даже понимаю, почему мой сын так долго тобой заинтересован. Умница, красавица, чемпионка. Не то что эти тупые курицы, что вертятся всё время вокруг него.

Он говорил грубые, но вроде правильные вещи, только я отчего-то чувствовала, что в его словах нет и капли искренности. Ему было всё равно, почему его сын со мной, а не с тупой курицей. Знать бы, к чему сейчас всё это.

– Если это всё, то я могу идти? – вновь нетерпеливо спрашиваю.

– Нет. Не всё. Я хочу, чтобы ты рассталась с моим сыном.

Когда он произносил эти слова, его тон ничуть не изменился. Был наполнен всё той же патокой, какую источал, хваля меня. Из уст мёд льется, а в глазах чернота и пустота, только, в отличие от взгляда Клима, в его глазах как будто гниль

разлагается. Я чувствовала, каким смрадом пахнет его душа за этим дорогим одеколоном.

– Вы можете хотеть всё что угодно.

Он опрокидывает голову и начинает залиvisto смеяться, демонстрируя белый оскал идеальных зубов, контрастирующих с ухоженным загорелым лицом, будто я произнесла самую весёлую шутку из всех, что он слышал, а по моей коже бегут холодные мурашки.

– Если ты этого не сделаешь, можешь забыть об Олимпийских играх, ты можешь тренироваться сколько угодно, но я сделаю так, что ты не будешь участвовать ни в одном чемпионате.

Меня пробивает озноб от этих слов, начиная потряхивать как в лихорадке. Я смотрю на него широко раскрытыми глазами, в которых плещется ужас. Вижу и знаю – исполнит сказанное. Ещё до моего ответа он, очевидно, понимал, что для спортсменки такого уровня, как я, самое главное в жизни.

– Зачем Вам это, что я Вам сделала?

Я действительно не понимаю, чем не угодила: была недостаточно хороша, богата, с родословной как у дворняжки, а не породистой суки? Какая ему вообще разница, с кем его взрослый сын?

Он смотрит на меня снисходительно, с вершины своего положения, я, должно быть, для него всего лишь пешка, которую следует устранить.

– У меня свои планы на сына, и ты в них не вписываешься.

Не знаю, какие у него планы на сына, но видела в газетах, что Анатолий Самгин избирается в Совет Федерации Федерального Собрания. Уж не знаю, как это связано, но интуиция подсказывала, что связь есть.

Это грязный шантаж.

– Подумай, девочка, чего ты лишишься, если выберешь сейчас моего сына. Неужели ты думаешь, что сможешь долго удерживать его интерес? Я знаю своего сына. У вас не получится долго и счастливо и до конца твоих дней. Для него ты всего лишь нелёгкая добыча. Как только ты ему приесться, чувства начнут охладевать, и он непременно станет обращать внимание на тех девушек, к которым привык. А ты останешься лишь приятным воспоминанием. Так стоит оно того, чтобы из-за него рушить своё будущее?

Он бил словами как плетью, каждым из них попадая по ране, каждым из них попадая в цель.

Да, зерно сомнений упало в плодородную почву. Но вместе с тем я не могла представить, как откажусь от Клим. Второй раз передо мной встаёт выбор, либо он, либо спорт. От вихрей мыслей разболелась голова, начало печь где-то в темечке.

Вижу за окном дом бабушки. Меня доставили с эскортом.

Раздаётся щелчок блокировки двери, тяну на себя ручку, и дверь действительно распахивается. Но я не выхожу. Поднимаю глаза на Самгина-старшего, он следит за мной, наблюдает, выверяет реакцию.

– Идите к чёрту.

Меня никто не останавливает. Я просто покинула салон автомобиля, преодолела путь до крыльца и дрожащими пальцами вставила ключ в дверной замок. Зашла в дом и побежала к окну, выходящему на дорогу. Машины уехали.

Сев за стол в кухне, утопила лицо в ладонях, пытаюсь понять, что делать и как жить. Надо рассказать Климу. Или не надо? Что он может с этим сделать? Мне было страшно, и сердце гулко, испуганно билось в груди. Неприятное знакомство тревожило.

Жутко осознавать, что для человека, подобного Самгину-старшему, ничего не стоит меня уничтожить, даже совесть не поколеблется, её у него попросту нет. Поэтому у меня не находилось оснований полагать, что он не претворит слова в жизнь.

Когда на следующий день Клим забрал меня от бабушки, то сразу понял, что со мной что-то не так. После разговора с его отцом я вся была как на иголках, пришлось пить успокоительное, но мысли продолжали разъедать мой мозг, не давая мне уснуть. И сейчас была совсем не в себе после пары часов сна, которые не принесли ни отдыха, ни успокоения.

– Алёна, что происходит? – спрашивает он тревожно, не зная, как ко мне подступиться, когда мы уже сели в автомобиль.

Слышу его вопрос и начинаю задыхаться, мне не хвата-

ет воздуха, я совершаю бесполезное судорожное движение ртом, как рыба, выброшенная на берег. Отстёгиваю ремень безопасности и нагибаюсь в его машине к своим коленям, пытаюсь дышать, но ничего не получается. Грудь будто тисками сжало, и я никак не могу вздохнуть, расправить лёгкие. С каждой секундой становится всё хуже и страшнее. Самгин тут же останавливает машину и вытаскивает меня на улицу. Я чувствую, что он напуган и растерян, но сама не понимаю, что сейчас со мной происходит.

Прижимает меня к двери своим телом и поднимает голову руками.

– Дыши, Алёна, дыши, – и сам вдыхает, а я смотрю на него не отрывая глаз, пытаюсь повторить за ним. Чувствую его тело, его руки на моём лице, и сердце замедляет скачку, пульс постепенно приходит в норму, наконец тугой ком лопается и даёт мне сделать глоток воздуха. Ещё один. И ещё один.

Я успокаиваюсь. Закрываю глаза. Паника поглотила все мои силы, и я ощущаю лишь безмерную усталость.

– Что случилось?

Не знаю, спрашивает ли Клим об этом приступе или вопрос о его причинах.

– Твой отец. Он приезжал вчера со мной поговорить.

Клим тут же меняется в лице.

– Что он тебе сказал?

– Сказал, что если я тебя не оставлю, то он не даст мне участвовать ни в Олимпийских играх, ни в каких-либо дру-

гих соревнованиях.

Клим так побледнел от этих слов, что мне стало страшно. Он отпустил меня, отступая на шаг назад, но продолжая смотреть на меня. Увидела в его глазах сомнение во мне, в моём ответе его отцу. Должно быть, сейчас он предполагает, что это конец и я здесь для того, чтобы сообщить ему об этом.

– Что ты ему ответила?

Он напряжён и ожидает, что история с Данилевским повторится.

– Чтобы шёл к чертям.

Клим медленно опускает веки и выдыхает воздух через нос. Подхожу к нему, чувствуя потребность его обнять, успокоить, снова почувствовать его тепло.

– Все черти здесь, ад пуст, – произносит он, поглаживая меня по спине.

Тяжело вздыхаю, глубоко понимая, насколько эти слова верны в данной ситуации.

– Я попробую разобраться с этим Алёна, – он отстраняет меня от себя, смотрит в глаза, и я вижу в них решимость, – но я не могу гарантировать, что у меня получится.

Киваю, всё ещё продолжая надеяться на то, что у Самгина-старшего ничего не выйдет и угрозы окажутся пустыми.

В день возвращения Данилевского из Москвы, где проходило совещание с высокими чинами в спортивной гимна-

стике, вершителям судеб спортсменов, все ожидали, что он официально объявит, кому выпадет шанс побиться за оставшиеся места в сборной России. Тот, кого сейчас назовут, при удачном исходе чемпионата России получит возможность отправиться тренироваться на «Озеро Круглое» в составе сборной команды страны перед Олимпиадой.

Данилевский стремительным шагом направился ко мне и попросил пройти с ним в тренерскую. Мне казалось, что я уже знаю, о чём будет этот разговор.

– Алёна, я не понимаю, что происходит. Они забраковали твою кандидатуру.

Данилевский ходил из угла в угол в тренерской. Я первый раз видела его таким злым, обычная маска сухого безразличия сползла с его лица, обнажая гнев.

– Хотят, чтобы ехала Анастасия, мне очень жаль.

Читаю в его глазах вину. Он не произносит слов о том, кто из нас более достойна участвовать в предстоящем чемпионате, а потом представлять Россию в Китае, но мы оба знаем ответ на этот вопрос. Уже сейчас моя программа была сильнее, а выполнение элементов гораздо чище, чем у неё. На тех состязаниях, где мы выступали вдвоём, я всегда выходила вперёд.

– Если хочешь, можешь сегодня не продолжать тренировку.

Видимо, Сергей Архипович не хотел, чтобы я присутствовала, когда он будет объявлять результат поездки. Приговор

всё же приведён в исполнение, а я разбита и раздавлена. Климу не удалось переубедить отца.

– Я продолжу.

Мне нужно было выместить ту отрицательную энергию, которая сейчас выработалась. Я тренировалась словно заведённая игрушка в ожидании, когда сядет батарейка. И она села. Села через несколько часов, когда мои ладони были стёрты в кровь, пока я летала между брусьями. А потом, когда зал опустел, просто упала на маты, не понимая, к чему всё это. К чему я здесь, если никто не увидит, на что я способна.

21. Клим

Она делала меня лучше. Когда глядел на неё, на то, как она целеустремлённо борется за свою мечту, мне и самому хотелось делать что-то стоящее, а не зависеть от прихоти Анатолия Самгина. И он видел те изменения, которые происходили со мной. Родитель считал единственно верной моделью жизни ту, которую вёл сам. Был бы он обычным, хотя бы в какой-то степени нормальным отцом, наверное, не желал бы для своего отпрыска повторения собственного криминального пути. Но он – совсем другое дело. Он будто боялся меня отпустить. Выпустить меня из-под собственного контроля значило потерять того, кто когда-нибудь займёт его место.

Отцу казалось, что он создал что-то стоящее, достойное продолжения, но у меня было совершенно иное мнение. Его бизнес – замок из песка, который одним лёгким движением ноги можно снести и сравнять с землей. Завтра в России изменится власть, и он всё потеряет просто потому, что кому-то не угодил или не заплатил.

Всё то, что мне приходилось делать для него, давно претило моей сущности. Сначала я жаждал его одобрения. Похвалы для сироты при живых родителях. Потом, когда понял, что я для него всего лишь бизнес-проект, мне захотелось идти против него, не претворяя его планы в жизнь.

У меня никогда не было проблем с тем, как заработать деньги. Они сами шли мне в руки, какое бы дело со своими друзьями я ни задумал, оно приносило доход, без проблем с законом и собственной совестью. Пока не в масштабах Анатолия Самгина, но достаточно, чтобы жить свободно. Это был мой дар или суперспособность, кто-то талантливо рисует, а я талантливо добывал бабло. Отец даже не знал, чем я занимаюсь, да и ему, до определённого времени, не было это интересно.

Когда он хотел пообщаться со мной, то просто закрывал мой счёт в банке и ждал, когда я к нему вернусь. И я возвращался. Иногда из-за его денег, потому что умел не только зарабатывать, но и тратить на тёлок и друзей. Но чаще из любопытства или, если быть совсем с собой честным, – надежды, глупой веры в то, что я ему интересен. А ещё, наверное, присущей Самгиным жадности, – я ничем не собирался делиться с Вале́й и его мамашей. Перед тем как приехать в город Н., ещё думал, что меня с отцом что-то связывает, но теперь он сам обрывал все концы.

Я больше не хотел иметь ничего с ним общего и, как только решу вопросы Алёны, закрою с ним счёт.

Никакие разговоры с ним не помогали. Он видел мой гнев из-за того, что посмел приблизиться к моей девушке, и, как манипулятор, как опытный покерист, играл на моих чувствах.

– А что, сын, – совершенно спокойным тоном, идущим

супротив моего взвинченного настроения, внушал он, – заодно и посмотришь, будет ли тебя любить эта девчонка после того, как не исполнит свою спортивную мечту и не попадёт на Олимпийские игры, о которых так грезит. Я видел её, видел, как горели её глаза, когда она говорила о них. Думаешь, что сможешь с этим побороться?

Слова отца больно ранили. Я безумно боялся её потерять, и истина в его словах меня пугала. Алёна никогда не сможет забыть, из-за кого она не попала на игры. Сначала авария, теперь мой отец. Что будет с нашими чувствами по прошествии времени, будет ли ей всегда достаточно меня, без блеска побед? Я в этом сомневался. Если бы мог, увёз бы её куда-нибудь, где до нас не добрался бы мой отец, и зарабатывал бы нам на жизнь, но ведь это невозможно. Ей нужно быть в городе Н. со своим тренером.

– Ты можешь отстать от меня, какого хера ты вмешиваешься в наши жизни?

– Ты мой сын, забыл?

– Но я не твой раб.

– Всё, что я делаю, – для тебя и твоего будущего. Когда я буду в Парламенте, для нашей семьи откроются новые двери. Эта девчонка тебе только мешает, твоя задача сейчас контролировать поток товара! Дождись, когда я отсижу мандат, и у тебя будет столько денег, сколько ты захочешь, а сейчас ты мне нужен!

Мне оставалось только хвататься за голову – отцу всегда

будет мало денег. Вчера он хотел отправить меня обратно в Англию, а сегодня у него на горизонте замаячила новая перспектива стать сенатором, завтра же он захочет сесть в президентское кресло. Это никогда не закончится. Он будет продолжать грабить и воровать, только уже на законных основаниях. А я между тем остаюсь лишь его марионеткой и единственным человеком, которому он доверяет свой бизнес.

И самое поганое, что отец – это бетонная стена, уверенная в своей непогрешимой правоте. Переубедить его мне никогда не удастся.

– Я жить без неё не могу, ты понять это можешь?

Отец смотрит на меня, и я читаю в его глазах – понимает.

– Твоя мать тоже любила золото больше меня, правда, твоя девушка предпочитает в виде наград, а моя предпочитала в виде украшений.

Понимает, но ему это безразлично, где-то я даже считываю его садистскую потребность увидеть и меня в агонии большой любви. Только ведь мать никого не любила, а Алёна любит, и это делает меня сильнее.

Я был не в силах разрушить препоны, которые он воздвигал. У меня не было его денег и рычагов давления, которые он имел. Сегодня я всего лишь мальчишка, который может зарабатывать, но не обладает его влиянием, только фамилией.

Последнее время Алёна была немногословной, сама не писала и редко звонила. В голову закрадывались тёмные

мысли о том, что она пытается отдалиться от меня. После разговора с отцом у меня не было возможности вернуться в город Н., нужно было уладить некоторые возникшие проблемы, связанные с моим проектом с товарищами. Но каждый раз, когда звонил ей, она была будто сама не своя. У меня создавалось ощущение, что я её теряю, что она ускользает от меня, как вода из сложенных ладоней.

Если бы я был уверен в том, что мой отец не прав, в том, что она не пожалеет, что выбрала меня, возможно, я не был бы так напряжён. Пришла идея предложить ей сказать моему отцу, что между нами всё закончилось, и не видаться до Олимпиады. Не сомневаюсь, что он устроит за нами слежку, прослушку и всё что угодно, лишь бы контролировать меня. Но осталось не так много времени, его будет возможно пережить. Конечно, на слово он не поверит, но я придумаю, как его обхитрить, и стану на время послушным мальчиком.

С этой мыслью я держал путь к ней. Но зародившееся плохое предчувствие не покидало, что-то должно вот-вот случиться. Мы договорились, что как только я вернусь, то приеду сразу к ней домой. Правда, она ждёт меня только завтра, но вроде всё равно не должна оставаться на базе, когда звонил, не брала трубку, что заставляло меня сильнее давить на газ. Если отец с ней что-то сделает, убью его.

В город въехал уже ночью, жаль было её будить, но мне нужно было её сейчас увидеть, убедиться, что с ней всё в порядке.

Дверь оказалась не заперта, но я этому даже не удивился. Алёна в некоторых вопросах была совершенно беспечной. Услышал странные звуки, исходившие из её спальни, и замер. Других вариантов не было. Сердце совершало глухие удары в груди, казалось, моя кровь сгустилась, медленно стекая по жилам, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего.

Остановился на пороге комнаты, дверь была распахнута, стучать не пришлось. На кровати Алёна, а сверху Макс. Она замирает, увидев меня, и упирается руками в его грудь, будто хочет оттолкнуть. Но это не насилие, всё было добровольно. Мой взгляд цепляется за раскинутую одежду, его и её, по комнате, смятые простыни и пачку презервативов.

Кровавая пелена опускается на глаза, мозг коротит, и мир заполняют багряные тона. Сам не отдаю отчёт своим действиям. Стаскиваю его за шкурку с кровати, с отвращением замечая напряжённый член в презервативе, и наношу удары один за другим тому, кого другом считал. Единственным. Костяшки пальцев разбиваются, кожа лопается, и кулаки оmyваются его кровью. А мне всё мало. Мне хочется её убить, а не его. Как и обещал когда-то.

Его тело сползает по стене безжизненным желе из костей, превращённых в труху. Он, к сожалению, не мёртв, но без сознания. Очень медленно поворачиваюсь к ней, едва дыша. Она закуталась в одеяло и сползла на пол, зажимая лицо руками. Должно быть, ей не хочется видеть и слышать, как я избивал её, чёрт возьми, ёбаря.

Сжимаю одной пятернёй её за челюсть, так почти поднимая на ноги, и встряхиваю в ожидании, когда маленькая продажная дрянь поднимет на меня глаза. Мои пальцы в крови, и они окрашивают её белую кожу, смешиваясь со слезами, что текут по щекам. А мне так хочется услышать хоть какое-то объяснение, я, наверное, принял бы на веру любые слова, скажи она сейчас что-то банальное вроде: это не то, что ты думаешь, он меня подставил, заставил. Или как там ещё оправдываются предательницы.

Но когда она поднимает веки, я вижу в её глазах раскаяние, и оно убивает меня выстрелом в упор.

– Прости, – глухо шепчет.

Отпускаю Алёну, убирая по пальцу с её лица, зная, что больше никогда не смогу прикоснуться к ней.

22. Алёна

Спустя пять месяцев

XXIX Летние Олимпийские игры. Гонконг.

Прим. автора: место игр и участники – вымышлены.

В Китае мы находились уже несколько недель, чтобы привыкнуть к местной погоде перед играми, прийти в себя. Некоторые страдали акклиматизацией, но меня это не коснулось, я сразу приступила к тренировкам. Когда-то меня называли роботом, и сейчас именно им я себя и чувствовала.

В чемпионате России я так и не приняла участие. Но и Настя его провалила, не войдя даже в пятёрку. А я продолжала тренироваться несмотря ни на что, так, будто это было единственное, что держит меня на земле. Просто чтобы унять боль. Когда занималась, впадала в какой-то транс, достигая забвения. Только я, снаряд и однообразные движения, которые оттачивала, добиваясь совершенства.

Данилевский говорил, что делать, показывал на ошибки, я его слушалась, повторяла, выполняла, а внутри была совершенно пустой, полой, без души и сердца. Заметила, что, когда слежу за дыханием во время тренировки, чтобы оно не сбивалось, а у меня не появилась паника, то мыслей почти не появляется.

Вне гимнастического зала, оставаясь наедине с собой,

оказывалась из раза в раз в чистилище, которое было приготовлено специально для меня, поэтому у меня не было передышек и иного времени для отдыха помимо сна.

Данилевский видел моё состояние, а я начинала замечать в нём признаки человечности. Даже он не мог столкнуть меня в ту пропасть, в какую я загоняла себя в гимнастическом зале. Боль в мышцах, боль от синяков и содранных мозолей стала моим искуплением. Я была его идеальной ученицей, слушалась беспрекословно и ни разу не поставила под сомнение его решения. Теперь всё так, как и хотел мой наставник.

Одна из гимнасток, которую утвердили на Олимпийские игры, получила совершенно дурацкую травму, подвернув ногу. Пустяк, но у неё был надрыв связок, на восстановление требовалось время, и подготовиться к играм на должном уровне она бы уже не успела. Так моё имя появилось в списках сборной России и меня отправили тренироваться на «Озеро Круглое». Но я знала, какой огромный труд был проделан для этого Данилевским, он убедил главного тренера сборной, что именно я должна быть в команде.

Ни личной жизни, ни семьи рядом, ни учёбы. Только гимнастика.

Взяла академический отпуск, планируя когда-нибудь продолжить обучение либо в крайнем случае вновь подать документы в университет. Бабушка была со старшей сестрой в Америке, и мне оставалось общаться с ними только по скай-

пу.

Почти ничего не отвлекало меня в Китае. Разве что допинг-офицеры, которые ходили за нами по пятам. Ничего унизительнее сдачи анализов на допинг-пробы я не испытывала. Женщина могла в любое время заявиться после выступления, заставить выпить воды и ожидала моих естественных позывов, а потом стояла над душой, пока я голая справляла перед ней нужду.

У нас с Данилевским был уговор. Он не заставляет меня до выхода на помост давать интервью и отвечать на вопросы журналистов, а я после исполнения программы даю отчёт только о пройденном этапе, но отказываюсь отвечать на вопросы о том, что я думаю про соперниц или свои шансы.

Моей целью было абсолютное первенство и призовые места на отдельных снарядах. Я реально оценивала свои возможности и могла взять золото в финале на бревне и брусьях.

Наша команда не была сильнейшей на этих состязаниях, поэтому, когда мы кое-как прошли квалификационный этап и не стали первыми в командном зачёте, мало кто был удивлён.

– Алёна, вы надежда России на этих соревнованиях, по результатам квалификации – сильнейшая гимнастка сборной, как вы думаете, есть ли шанс стать призёром?

Глаза на секунды ослепляет свет камеры. Меня поймали репортёры сразу по результатам командного многоборья. Про себя мне оставалось только горько усмехаться тому, как

быстро меняется мнение общественности. Ещё вчера я была «девочкой на замене», а сегодня уже надежда сборной.

– Я не даю оценок, всё покажут выступления.

Мой голос сух, на лице ни одной эмоции, и я знаю, что завтра в газетных очерках об Олимпиаде напишут о стержневом характере спортсменки, которая никогда не улыбается.

– Алёна, а почему Вы всегда в бейсболке «СКА», а не в бейсболке сборной?

Этот вопрос был одним из самых популярных после вопросов о моей личной жизни. Сначала Данилевский очень злился, видя, как я упорно не желаю её снимать, что неизменно приводило к скандалам. Всё руководство требовало, чтобы мы с ног до головы были в фирменной форме сборной. Я объясняла, что надеваю её на удачу, а спортсмены довольно суеверные создания, поэтому в итоге он всё же отцепился от меня, махнув рукой со словами, что хорошо, хотя бы это бейсболка российского клуба.

– Она приносит мне удачу, – из раза в раз отвечала я журналистам. Сказать правду на камеры, что она принадлежит моему любимому, и я обещала ему все мои победы, после того что я сделала, было бы верхом лицемерия.

Из-за этого интервью все упорно писали, что, вероятно, мой молодой человек – член хоккейного клуба «СКА». Не знала, смотрит ли Клим мои выступления. Почти не сомневалась, что нет. Каждый раз, когда читала подобного рода сплетни, мне становилось дурно. Впрочем, сам Клим вряд

ли уже будет думать обо мне хуже. Да и не думает, скорее всего. Выжег мой поступок из его сердца всю любовь. Наверное, так лучше, я жить не могу без него, но, может, у него получится?

Последнее время у меня возникали проблемы со сном. Несмотря на это, мои тренировки не стали проще или легче, а моё лицо встречалось с поролоном в гимнастическом зале чаще, чем с подушкой. Я думала, если вымотаю себя до предела, то времени на самоистязание не останется. Но мозг работал по каким-то своим правилам. Ложилась спать уставшая, лежала, пытаюсь заглушить рой мыслей в голове, а он всё равно не смолкал.

Все предыдущие соревнования не шли ни в какое сравнение с этими играми. Не потому, что сейчас, по сути, сбывается моя мечта. А потому что в моральном плане меня как человека не существовало. Я не испытывала восторга и предвкушения от того, что я нахожусь здесь, что мне представлен великий шанс услышать гимн своей страны, стоя на пьедестале. Я смотрела на город, украшенный под летние игры, и не испытывала ни радости, ни печали.

Об этом мало кто знал, но, когда мою кандидатуру заявили на участие в Олимпийских играх, я отказалась. Данилевский связался с моей бабушкой и попросил разубедить меня. И у неё это действительно получилось.

– Алёна, ты не имеешь права с собой так поступать, – увещевала меня, когда я приехала её навестить ещё до перелёта

через океан.

– Бабуль, я больше так не могу, – хотелось плакать, но я не могла ещё больше расстраивать эту женщину, – я устала, у меня нет сил.

– Не верю, ты ведь моя девочка, разве кто-то знает тебя лучше, чем я? И я знаю, что ты никогда не простишь себя, если откажешься от соревнований.

Она была права, но и я не врала. У меня едва находились ресурсы вставать утром с кровати. Поднимала себя и шла в зал только потому, что знала, – остановлюсь и умру, а там, за физической болью, уже обо всем забывалось. Но на Олимпийских играх, под оком миллионов, мне нужно будет делать вид, что я не живой труп.

С того момента, как я последний раз видела Клима, боли в щиколотке усилились. Я приходила в номер, набирала ледяную ванну и опускала туда ноги по колени или подставляла под холодные струи душа. Это немного ослабляло боль, а потом принимала обезболивающие таблетки, и иногда снотворное. Травматолог сборной объяснял всё огромными спортивными нагрузками. Это было так очевидно, что визит к нему лишь отнял у меня драгоценное время. Но зато он прописал мне новую партию безопасных с точки зрения допинг-проб обезболивающих.

Каких-либо видимых повреждений рентген, МРТ и осмотр не показывали, поэтому по результатам медицинской комиссии меня допустили на Олимпиаду. Но лёжа ночами

под одеялом, я подбирала к себе ноги и обнимала под коленями, мучаясь от ноющей боли, которую не убирали таблетки.

После окончания командного старта ко мне подошёл Данилевский, и по его лицу стало ясно, что сейчас меня ждёт серьёзный разговор.

– Алёна, я понимаю, что тебе сейчас непросто, но прошу тебя, оживи хотя бы на пару минут во время выступления. На тебя больно смотреть, глаза стеклянные, движения настолько механические, что кажется, ты совсем не человек.

Отвожу взгляд вбок, пытаюсь понять, как объяснить ему, что, если достану замурованные эмоции, они меня разорвут. После всего произошедшего у меня был включён режим самосохранения, и я жила на автопилоте. Вот так, почти бездушной, было куда легче.

– Подумай о том, что приносило тебе радость, о людях, которых ты любишь. Ты сильная девочка, пожалуйста, самая сильная из всех, кого я знаю. Ты справишься.

От слов тренера во мне что-то надламывается, и я позволяю небольшой части своих переживаний выбраться наружу, продолжая пытаться держать их под контролем.

Личное многоборье прошло для меня как в огне. Один день и множество раундов с собой на всех снарядах, чтобы доказать, что я абсолютно лучшая.

Опускаю глаза на свой леотард в родном триколоре, чув-

ствуя тяжесть ответственности на плечах перед сборной. Во мне было столько новых чувств, появившихся после знакомства с Анатолием Самгиным, но я лишь сейчас поняла, в какое русло можно направить те нескончаемые злость, ненависть и гнев, что навсегда поселились во мне. Эти эмоции красным пламенем заполняли меня изнутри, клокотали во мне, придавая сил и спортивной агрессии.

Мне хотелось доказать, что я здесь не просто так, что я заслужила своё место в сборной несмотря на то, что вся страна считала, что я попала сюда случайно. А меня просто лишили возможности выступить на России.

К концу этого дня я получила первую золотую медаль на Олимпийских играх. Но выбросив весь заряд энергии, абсолютно ничего не способна была чувствовать на награждении. Впереди ждали новые сражения, и я ещё не могла воспринимать эту победу как достижение.

Я вошла в восьмёрку лучших гимнасток игр, это значило, что меня ждёт участие в первенстве на отдельных снарядах. Как все и ожидали, мне выпал шанс бороться за медали на брусках и бревне.

Вышла на помост после укола сильного обезболивающего. Казалось, я должна сейчас испытывать волнение как никогда в жизни, но его не было. Огромная арена этих игр была переполнена людьми, но среди болельщиков даже других стран находились те, кто ждал моей победы. Я видела плакаты со своим именем не только на трибунах с российскими фаната-

ми спортивной гимнастики, и это заряжало меня энергией.

У меня было так мало времени на то, чтобы собраться, сосредоточиться. Каждая секунда жёстко регламентирована. Стоит мне замешкаться, как баллы тут же будут сняты, отдавая меня от победы.

Вдыхаю воздух, наполненный волнением зрителей, которое, словно разряды электрического тока, проходит по моему телу, по коже, забираясь под мышцы. Стартовый сигнал, и я приближаюсь к бревну.

Сегодня мне выпало бороться последней. Я не смотрела, как выступают другие гимнастки, ещё до олимпиады мы с Данилевским изучили их сильные и слабые стороны, чтобы моя программа позволила мне стать первой среди лучших из лучших. Но сейчас я не имела понятия, сколько мне нужно набрать баллов, чтобы обойти любую из них. Это тоже был один из моих уговоров с наставником. Я не хотела знать, как выступали остальные, потому что если они выступили плохо, то это будет поводом мне расслабиться, а если получили максимальные из возможных оценок, то я могу просто сдуться. Отвлекала себя как могла, когда объявляли результаты, не реагируя на шум трибун, разминаясь и находясь полностью в себе, стараясь абстрагироваться от всех внешних раздражителей.

Собрала всю энергию этого огромного спортивного комплекса, всех людей, которые переживали, болели за меня, зачерпнула её как ковшом, направив в себя, и распахнула серд-

це, позволяя воспоминаниям завладеть моим телом, зажигая блеском взгляд, теми сладко-горькими моментами, когда пришло осознание любви к нему.

Закрываю глаза, выдыхаю, чтобы в оставшиеся до начала выступления секунды мысленно опустошить всю спортивную арену, стереть репортёров с их камерами, убрать болельщиков и соперниц.

Здесь только я, снаряд и мой тренер. Я привыкла к его цепкому взгляду, которым он подмечает каждое моё движение. Подхожу к снаряду, складываю на нём руки и медленно отрываю тело от земли, поднимая себя на руках над бревном. Мои движения плавные, перетекающие как вода в русла ручья, из одного в другое. Ни одного лишнего или неосторожного.

Его ширина всего десять сантиметров, а длина пять метров, и я чувствую, что меня как магнитом тянет к нему обратно, при каждом отрыве от его бархатной поверхности, обработанной магнезией. Я без колебаний приземляюсь на бревно, вновь после сальто назад прогнувшись с тремя винтами.

Моя программа насыщена сверхсложными элементами, каждый прыжок – это риск сломать себе какую-то часть тела. Одно неверное движение, и я в лучшем случае упаду на мат, а в худшем – сложусь о бревно. Самый любимый и самый коварный снаряд. За кажущейся лёгкостью кроется невероятное напряжение мышц стабилизаторов, когда потеря балан-

са грозит падением.

Но я спокойна, почти безмятежна в исполнении своей насыщенной программы, ни разу не пошатнулась, без судорожных взмахов руками или некрасивого покачивания на ногах, портящих всю красоту выступления. Моя устойчивость и концентрация здесь, со мной, каждый шаг отработанный, уверенный и выверенный. Голова пустая, мыслей нет. Только тело, оно лучше всего знает, что делать.

Двойное сальто назад прогнувшись с поворотом, и соскок с бревна выполнен. Я приземляюсь на мате и тут же выпрямляюсь за руками вверх.

Спортивная арена оживает в тот момент, когда я касаюсь ногами пола. Слышу гомон вокруг и щелчки камер фотообъективов, направленные на меня.

Все в ожидании оценок.

Сергей Архипович, как всегда, с каменным лицом подходит ко мне и неожиданно для меня по-медвежьи сгребает в объятия, словно я его любимая внучка, которую он давно не видел и безмерно соскучился.

– Молодец, девочка! Молодец! – треплет он меня за плечи.

Он говорит, и я понимаю – первая. По крайней мере, для него. По щекам катятся слёзы, но я хочу увидеть результат. Я, как всегда, плакса и в истории Олимпийских игр плаксой и останусь. Но слёзы быстро высыхают, это всего лишь секундная слабость. Но кто бы знал, как страшно поднять

взгляд на табло. Кажется, моё сердце, пока я была на бревне, не билось вовсе и теперь всю навёрстывает упущенное. Минуты судьи решают, какую оценку мне выставить. Не смотрю в их сторону, встала уперев руки в бока, стараясь не выказывать своего волнения, хотя понимаю – сейчас всё на лице написано.

Снова рёв болельщиков, и я слышу, как с трибун кричат мою фамилию. Поднимаю ресницы. Высший балл. Первое место.

Дорогие читатели, вы прочитали мою первую книгу «Я тебя ненавижу»

В неё было вложено много труда, и я буду благодарна, если вы поделитесь своими впечатлениями и лайками

Продолжение называется «Я без тебя не могу», с хэп-пи эндом)

Также есть история про родителей Клима, она называется «Я тебя уничтожу»)

Если вы хотите узнать новости о моих книгах, то можете подписаться на мою группу в контакте: <https://vk.com/iamthedramaqueen>